

ISSN 3033-5795

Новые горизонты русистики

2026

№ 2 (32)

Редакционная коллегия:

Главный редактор — д-р филол. наук, проф. **В. И. Теркулов**.

Ответственные секретари — канд. филол. наук **В. А. Рязанова**, канд. филол. наук **Н. В. Гладкая**.

Технические редакторы — **А. С. Бурляй**, канд. филол. наук **Е. Н. Станкус**.

Члены редколлегии: д-р пед. наук, проф. **Е. В. Архипова** (Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина); канд. филол. наук, доц. **А. Н. Безруков** (Бирский филиал Уфимского университета науки и технологий); канд. филол. наук, доц. **М. Г. Евсеева** (Донецкий государственный университет); д-р пед. наук, доц. **Е. Л. Ерохина** (Московский педагогический государственный университет); д-р филол. наук **А. И. Иваницкий** (Российский государственный гуманитарный университет); д-р филол. наук, проф. **А. А. Кораблёв** (Донецкий государственный университет); канд. филол. наук, доц. **Н. П. Курмакаева** (Донецкий государственный университет); д-р филол. наук, доц. **М. Ч. Ларионова** (Южный научный центр РАН); канд. филол. наук, доц. **В. И. Мозговой** (Донецкий государственный университет); д-р филол. наук, доц. **О. С. Октябрьская** (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова); канд. филол. наук **М. Н. Панчехина** (Донецкий государственный университет); д-р филол. наук, доц. **Л. В. Селезнева** (Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина); д-р филол. наук, проф. **М. Ю. Сидорова** (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова); д-р филол. наук, проф. **Г. Г. Слышкин** (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации); канд. филол. наук, доц. **А. Н. Стебунова** (Донецкий государственный университет); д-р пед. наук, проф. **И. А. Сотова** (Ивановский государственный университет); д-р филол. наук, проф. **В. И. Супрун** (Волгоградский государственный социально-гуманитарный университет); д-р пед. наук, доц. **А. А. Штец** (Институт развития образования, г. Севастополь); д-р филол. наук, проф. **М. Ф. Шацкая** (Волгоградский государственный социально-гуманитарный университет); канд. филол. наук, доц. **Н. А. Ярошенко** (Донецкий государственный университет).

Editorial Board:

Editor-in-Chief — Doctor of Philology, Prof. **V. I. Terkulov**.

Executive Secretary — Candidate of Philology **V. A. Ryazanova**, Candidate of Philology **N. V. Gladkaya**.

Technical editors — **A. S. Burlyai**, Candidate of Philology **E. N. Stankus**.

Members of the Editorial Board: Doctor of Pedagogical Sciences, prof. **E. V. Arkhipova** (Ryazan State University named after S. A. Yesenin); Candidate of Philology, Associate Professor **A. N. Bezrukov** (Birsky branch of Ufa University of Science and Technology); Candidate of Philology, Associate Professor **M. G. Evseeva** (Donetsk State University); Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor **E. L. Erokhina** (Moscow Pedagogical State University); Doctor of Philology **A. I. Ivanitsky** (Russian State University for the Humanities); Doctor of Philology, Professor **A. A. Korablev** (Donetsk State University); Candidate of Philology, Associate Professor **N. P. Kurmakaeva** (Donetsk State University); Doctor of Philology, Associate Professor **M. Ch. Larionova** (Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences); Candidate of Philology, Associate Professor **V. I. Mozgovoy** (Donetsk State University); Doctor of Philology, Associate Professor **O. S. Oktyabrskaya** (Moscow State University named after M. V. Lomonosov); Candidate of Philology **M. N. Panchekhina** (Donetsk State University); Doctor of Philology, Associate Professor **L. V. Selezneva** (Pushkin State Institute of the Russian Language); Doctor of Philology, Prof. **M. Y. Sidorova** (Lomonosov Moscow State University); Doctor of Philology, Prof. **G. G. Slyshkin** (Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation); Candidate of Philology, Associate Professor **A. N. Stebunova** (Donetsk State University); Doctor of Pedagogical Sciences, Professor **I. A. Sotova** (Ivanovo State University); Doctor of Philology, Professor **V. I. Suprun** (Volgograd State University of Social Sciences and Humanities); Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor **A. A. Shtets** (Institute of Educational Development, Sevastopol); Doctor of Philology, Professor **M. F. Shatskaya** (Volgograd State University of Social Sciences and Humanities); Candidate of Philology, Associate Professor **N. A. Yaroshenko** (Donetsk State University).

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (номер свидетельства ЭЛ № ФС 77 — 91887 от 03.07.2026): <https://rkn.gov.ru/activity/mass-media/for-founders/media/?id=1137092&page=>.

Научный журнал «Новые горизонты русистики» включён в базу РИНЦ (лицензионный договор № 230-11/2025).

Научный журнал «Новые горизонты русистики» с 30.03.26 включён в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, соискание учёной степени доктора наук по следующим группам научных специальностей: 5.9. Филология: 5.9.1 Русская литература и литература народов Российской Федерации, 5.9.5 Русский язык. Языки народов России; 5.8. Педагогика: 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (Русский язык).

Адрес издателя: Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, 125009, г. Москва, вн. тер. г. м. о. Тверской, ул. Тверская, д. 11, стр. 1.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет», 283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.

Адрес редакции: Донецкий государственный университет, 283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24 (ауд. 451, 452). **Тел.:** +7 856 302 92 33.

E-mail: terkulov@rambler.ru

Веб-сайт: <https://dongu-ngt.ru>.

Печатается по решению Учёного совета Донецкого государственного университета.

Протокол № 13 от 26.06.2026 г.

© Донецкий государственный университет, 2026

Новые горизонты русистики

Научный журнал
Основан в 2017 году

№ 2 (32)
2026

С о д е р ж а н и е

Русский язык

Лексикология и стилистика

- Белых А. В.** Паремии-трансформы в зеркале языкового сознания: генезис и прагматика 3
- Иванова О. И., Николаева Е. С.** Лингвокультурологический портрет региона: семантика и структура микротопонимов (на материале названий полей, лесов, болот Хабаровского края) 14
- Ли С.** Китайские прецедентные имена-идеонимы в русском языке 22

Дискурсология и генристика

- Вукович Д. Т.** Особенности православного мировосприятия: перевод религиозной литературы (на материале сборника рассказов «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу») 33
- Шведченко П. Р., Рязанова В. А.** Соотношение этического и манипулятивного аспектов эвфемизации в донецких информационных интернет-ресурсах 41

Словообразование и грамматика

- Сытник А. К., Теркулов В. И.** Типология гнезд эквивалентности сложносокращенных слов 51
- Халабузарь А. О.** Формальные модели эквивалентности аббревиатур с компонентом *авиа-* 61

Литература и лингвистический анализ художественного текста

- Елифанова Е. А., Димитриева О. А.** Компаративные тропы с пищевой семантикой в художественной прозе В. П. Астафьева 70
- Судакова А. П., Панчихина М. Н.** Особенности функционирования этнокультурной лексики в художественном тексте 84
- Филатова В. А.** Три женских путевых дневника первой половины XIX века в контексте формирования образа России для детского чтения 94
- Правила оформления материалов** 103

New Horizons of Russian Studies

Scientific journal
Founded in 2017

No 2 (32)
2026

C o n t e n t s

Russian language

Lexicology and Stylistics

- Belykh A. V.** Transformative paroemias in the mirror of linguistic consciousness: genesis and pragmatics 3
- Ivanova O. I., Nikolaeva E. S.** Linguistic and cultural portrait of the region: semantics and structure of microtoponyms (based on the names of fields, forests, and swamps of the Khabarovsk Territory) 14
- Li X.** Chinese precedent ideonyms in the Russian language 22

Discourse Studies and Genre Theory

- Vukovich D. T.** Russian Orthodox Christian worldview: translating religious literature (based on collection of stories "The way of a pilgrim" and "The pilgrim continues his way") 33
- Shvedchenko P. R., Ryazanova V. A.** The correlation between the ethical and manipulative aspects of euphemization in the texts of Donetsk online information resources 41

Derivation and Grammar

- Sytnik A. K., Terkulov V. I.** Typology of equivalence clusters of complex abbreviated words 51
- Khalabuzar A. O.** Formal models of abbreviation equivalence with an component *avia* 61

Literature and Linguistic analysis of Literary Text

- Epifanova E. A., Dimitrieva O. A.** Comparative tropes with food semantics in V. P. Astafiev's fiction 70
- Sudakova A. P., Panchekhina M. N.** Features of the functioning of ethnocultural vocabulary in a literary text 84
- Filatova V. A.** Three women's travel diaries of the first half of the 19th century in the context of shaping the image of Russia for children's reading 94
- Rules for the design of materials** 103

Русский язык

Лексикология и стилистика

Научная статья

УДК 81'367

DOI: 10.5281/zenodo.21331898

А. В. Белых © 2026

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»
ORCID 0009-0008-9202-6692

ПАРЕМИИ-ТРАНСФОРМЫ В ЗЕРКАЛЕ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ: ГЕНЕЗИС И ПРАГМАТИКА

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

В статье представлен комплексный анализ паремий-трансформов (антипословиц) как динамического элемента современной русской речи. Цель работы — выявление системы лингвистических и экстралингвистических факторов, обуславливающих генезис паремий-трансформов, описание механизмов их структурно-семантической модификации, а также определение прагматического потенциала указанных единиц в разных типах дискурса. Объектом исследования послужили примеры паремий-трансформов, извлечённые из интернет-коммуникации, медийных текстов и устной речи. В исследовании применялись контекстуальный анализ, дискурс-анализ, лингвокультурологический анализ и метод лингвистического наблюдения. Установлено, что трансформация паремий является закономерным продуктом эволюции языкового сознания, детерминированным системным взаимодействием внутриязыковых и внеязыковых факторов. Прагматический потенциал трансформов реализуется в функциях выражения оценочного отношения, создания стилистического эффекта, привлечения внимания адресата и текстообразования.

Ключевые слова: паремиология, антипословица, паремия-трансформ, языковое сознание, прагматика, трансформация, языковая игра, интернет-дискурс.

Для цитирования: Белых А. В. Паремии-трансформы в зеркале языкового сознания: генезис и прагматика / Белых А. В. // Новые горизонты русистики. — 2026. — № 2. — С. 3–13. — <https://doi.org/10.5281/zenodo.21331898>.

Исследование выполнено в рамках государственного задания «Языковое пространство города: собственно лингвистический, социолингвистический, лингвокультурологический и психолингвистический аспекты рассмотрения» (№ 126051921056-8).

Введение. В современном языкознании неуклонно растёт интерес к динамическим процессам, охватывающим различные уровни языковой системы. Особое место среди таких процессов занимают трансформации паремиологических единиц — пословиц, поговорок, афоризмов, подвергающихся целенаправленным изменениям и порождающих новые речевые феномены, которые в научной литературе получили обозначения «антипословицы», «паремии-трансформы», «неопаремии».

Актуальность исследования обусловлена тем, что паремии-трансформы выступают не просто в качестве маргинального явления языковой игры, но как чувствительный барометр социальных, культурных и ценностных сдвигов в обществе.

В центре внимания данной статьи находится проблема взаимосвязи между трансформацией узуальных паремий и динамикой языкового сознания носителей русского

языка. Исследование направлено на выявление указанного взаимодействия и описание того, каким образом трансформированные паремии отражают переходные процессы в массовом и индивидуальном языковом сознании.

Предметом исследования являются лингвистические механизмы и экстралингвистические детерминанты генезиса паремий-трансформов, а также их прагматический потенциал.

Термин паремия используется как родовое наименование для обозначения различных классов народных афоризмов, прежде всего пословиц, поговорок, загадок и примет, а также присловий, прибауток и т. д. Из всего класса паремий наиболее употребительным в различных типах дискурса, а также наиболее изученным является пословица, поэтому рассмотрим этот жанр паремий отдельно. В современной лингвистической литературе наблюдается значительная вариативность в терминологическом обозначении трансформированных паремий. В отечественном языкознании наряду с термином «антипословица» активно употребляются номинации «паремия-трансформ», «паремия-трансформер», «паремийный трансформант», «неопаремия». В последние десятилетия объектом особого научного интереса стали новые паремии (антипословицы), т. е. «распространенные в речи выражения, опровергающие либо пародирующие пословичную мудрость, а также отражающие в шутливой или ироничной форме современное осмысление жизни человека и окружающей его действительности» [9, с. 111]. Ключевым критерием разграничения выступает преднамеренность изменения: трансформация всегда является результатом осознанного выбора языковой личности, направленного на достижение определённого прагматического эффекта. Языковое сознание понимается как совокупность ментальных механизмов, обеспечивающих процесс порождения, восприятия и хранения речи, опосредованных языковыми знаками и национально-культурными кодами. Паремии-трансформы, будучи вторичными (производными) знаками по отношению к паремиологическому инварианту, дают уникальную возможность «увидеть» работу языкового сознания в её динамике: как носители языка осваивают, переосмысливают и перестраивают унаследованную от предков систему знаний о мире.

Проблема разграничения инварианта (канонической паремии) и её вариантов (в том числе трансформов) относится к числу ключевых методологических задач современной паремиологии. Как отмечает П. Дюрчо, одной из проблем эмпирической паремиологии является «поиск паремиологического инварианта (паремиологической леммы) и вариантов, с применением методов корпусной лингвистики» [8, с. 14]. Инвариант выступает в качестве когнитивного образца, хранящегося в языковом сознании носителей языка. Паремия-трансформ, будучи вариантом по отношению к данному инварианту, сохраняет узнаваемость исходной единицы благодаря сохранению ряда формальных и смысловых характеристик — ритмико-интонационного рисунка, синтаксической структуры, ключевых лексем либо образа.

В рамках комбинаторной паремиологии, выделяемой М. В. Влавацкой и З. М. Зайкиной как самостоятельная область комбинаторной лингвистики, изучается «преобразование традиционных паремий (поговорок, пословиц, афоризмов и т.п.) в новые паремии (антипословицы)» [4, с. 91]. Причиной таких модификаций, по мнению исследователей, служат «изменения в жизни и быте определённого этноса», что подчёркивает социокультурную обусловленность паремиологических преобразований.

Одним из ключевых условий успешности паремии-трансформа является сохранение ею фонетико-ритмической узнаваемости исходной единицы. Ритм, аллитерация, звуковая симметрия и, в особенности, рифма выполняют функцию когнитивного якоря, позволяющего адресату идентифицировать инвариант даже при существенной лексической замене. В международном исследовании механизмов вариации антипословиц отмечается, что среди наиболее частотных приёмов выделяются: замена одного слова, замена двух или более слов, изменение второй части пословицы, добавление новых слов, добавление буквальных интерпретаций, повторение идентичных или фонетически сходных слов,

смешение двух или более пословиц, изменение порядка слов, рифма, изменение первой части пословицы и опущение слов. Фонетическая близость является одним из важнейших опорных механизмов для большинства перечисленных приёмов.

Относительно типологической предрасположенности разных паремий к трансформации можно утверждать следующее: трансформации легче поддаются рифмованным и коротким паремиям. Например, *«Делу время — потехе час»*, поскольку ритмическая и звуковая структура здесь наиболее отчётливо задаёт границы допустимых замен. Длинные нерифмованные паремии трансформируются труднее всего, так как их идентификация требует удержания в оперативной памяти большего объёма информации при отсутствии ритмического опорного сигнала. Промежуточное положение занимают рифмованные длинные паремии: рифма компенсирует протяжённость, однако сохранение узнаваемости требует от адресанта больших усилий.

Ключевым когнитивным механизмом, инициирующим процесс трансформации паремии, является деавтоматизация восприятия — отход от стереотипного, автоматически опознаваемого языкового клише. Паремия в её канонической форме существует в языковом сознании как своего рода «когнитивный рефлекс»: она воспроизводится в готовом виде и воспринимается без заметных усилий. Трансформация нарушает этот автоматизм: адресат вынужден сопоставить предъявленный вариант с хранящимся в памяти инвариантом, осознать произведённые изменения и реконструировать новый смысл.

Вторым важнейшим механизмом выступает актуализация имплицитных смыслов — вербализация того, что в исходной паремии находилось на периферии семантической структуры или только подразумевалось. Паремические модели — структурные схемы новых паремий, которые «созданы по традиционным структурно-семантическим моделям часто с использованием традиционных пословичных стилистических маркеров и выражают суждение обобщающего характера» [10, с. 27]. Например, в трансформе *«Человек предполагает, а жена располагает»* актуализируется имплицитный смысл исходной паремии *«Человек предполагает, а Бог располагает»* — подразумевавшаяся ранее патриархальная иерархия в семье (мужчина как глава, подобно Богу) эксплицируется и одновременно подвергается ироническому переосмыслению через замену сакрального компонента бытовым.

В зависимости от характера производимых изменений традиционно выделяют следующие типы паремиологических трансформаций.

1. Замена компонентов — наиболее распространённый приём, при котором один или несколько лексических элементов инварианта замещаются другими лексемами, часто антонимами, созвучными словами или терминами из иной семантической сферы. Например, трансформ *«Каждый сам кузнец своего несчастья»* (вместо канонического *«Каждый сам кузнец своего счастья»*) антонимически переворачивает аксиологический вектор исходной сентенции: утверждение ответственности человека за своё благополучие превращается в констатацию ответственности за собственные несчастья.

2. Добавление или выпадение компонентов — приём, при котором изменяется объём паремии за счёт вставки новых слов либо эллипсиса исходных. Например, *«Хорошо смеётся тот, кто смеётся по средствам»* (вместо *«...тот, кто смеётся последний»*) — добавление нового компонента переводит пословицу из сферы временной оценки (*«последний»*) в сферу материальной оценки (*«по средствам»*), что отражает актуализацию экономической тематики в современном дискурсе.

3. Контаминация — паремия с фразеологизмом, прецедентным высказыванием в одну структуру. При этом происходит «скрещивание» смыслов, порождающее новое качество. Пример: *«Голод не тетка, а мартышкин труд»*

Полная форма: *«Голод не тетка»* (голод заставит всё съесть/сделать)).

«Мартышкин труд» (бесполезная работа, которой гордятся). Смысл гибрида: Голод (нужда) заставляет делать бесполезную и глупую работу. Ироничное описание бессмысленных усилий, совершаемых по принуждению обстоятельств.

4. Усечение (редукция) — сокращение многокомпонентной паремии, при котором сохранённый фрагмент отсылает к целому, создавая эффект интриги или незавершённости. Например (классический — угроза/предупреждение)

«Я тебе покажу, где раки...» Полная форма: «Я тебе покажу, где раки зимуют» (угроза жестокой расправы). Смысл гибрида: Обрыв на слове «раки». Слушатель сам дорисовывает «зимуют» — и от этого становится ещё страшнее/смешнее. Незавершённость создаёт интригу: что именно сделают? А мозг автоматически подставляет самое страшное.

Например (иронический — о несбыточности): «Когда рак на горе...».

Полная форма: «Когда рак на горе свистнет» (никогда).

Смысл гибрида: Слушатель не договаривает «свистнет», потому что и так ясно. Редукция используется как эллипсис насмешки: «Ну да, когда рак на горе... (а мы все ждём)». Создаётся ощущение, что ситуация настолько безнадёжна, что концовку можно не произносить.

5. Фонетическая или графическая мимикрия — частичное изменение звукового или графического облика компонента, сохраняющее фонетическое подобие исходному слову. Данный прием описан К. Н. Дубровиной в ее статье, посвященной лингвистическим основам использования фразеологизмов в художественной литературе и публицистике [7, с. 102]. Например, «Лучше поздно, чем никогда» → «Лучше поздно, чем никуда». Замена в известной паремии одного слова на созвучное:

Звуковое подобие: «никогда» / «никуда» — одинаковый ритм, ударение на третьем слоге (-да / -да), начальные «нико-» и «нику-» почти идентичны на слух, разница в гласной (о/у). Смысл: вместо временного приоритета («хоть с опозданием, но сделай») появляется пространственный абсурд («лучше опоздать, чем не попасть никуда»).

6. Перестановка компонентов — изменение порядка следования частей паремии (например, инверсия первой и второй части), что может порождать новые смысловые акценты. Например, полная форма: «Волков бояться — в лес не ходить». Смысл: Если бояться трудностей (волков), то не получишь результата (в лес — за дровами/грибами). Приоритет: причина (страх) → следствие (отказ от дела). Призыв преодолевать страх ради цели. Перестановка (обратный порядок) «В лес не ходить — волков бояться». Смысл: Если не ходишь в лес, то остаёшься в состоянии боязни волков (которая не проверяется реальностью). Приоритет: отказ от действия → фиксация на страхе. Это уже не призыв к смелости, а констатация логики. Можно интерпретировать как критику излишней осторожности.

Экстралингвистические факторы генезиса паремий-трансформов — это внешние по отношению к языку условия и обстоятельства, которые влияют на изменение традиционных паремий (поговорок, афоризмов). Они отражают изменения в обществе, культуре, укладе жизни, ценностных ориентирах и коммуникативных задачах носителей языка:

1. Изменения в укладе жизни, истории, культуре. Трансформация паремий часто связана с переосмыслением отношения к определённым объектам или явлениям действительности. Например, паремия «На Бога надейся, а сам не плошай» может трансформироваться в «На рынок надейся, а сам не плошай», отражая изменения в экономической и социальной сферах.

2. Перемены в политической, экономической, духовной сферах жизни нации. Трансформационные структуры часто возникают как реакция на такие изменения.

3. Изменение этических установок, норм бытия, оценочных ориентиров. Эти факторы влияют на образную передачу знаний и опыта через паремиологические единицы.

4. Демократизация языка, вулгаризация разговорной речи, влияние СМИ. Паремии-трансформы могут появляться в результате этих процессов.

5. Появление новых социокультурных реалий. Трансформация традиционных паремий позволяет зафиксировать «приметы времени» и отразить актуальные представления о мире.

6. Влияние интернет-коммуникации. В онлайн-среде пользователи часто создают креативные тексты путём преобразования прецедентных текстов, включая традиционные

паремии. В результате образуются паремии-трансформы, фиксирующие приметы современного общества.

Паремии-трансформы — это динамический продукт эволюции языкового сознания, детерминированный системным взаимодействием лингвистических и экстралингвистических факторов.

Наиболее значимым экстралингвистическим фактором выступают кардинальные изменения в системе ценностей и социальных установках. Исходная паремия, как правило, несёт в себе устойчивую ценностную установку — одобрение или неодобрение определённого типа поведения, передающуюся из поколения в поколение.

В качестве иллюстрации смены аксиологического вектора можно привести трансформ *«Меньше знаешь — больше учишь»* — пародию на каноническую пословицу *«Меньше знаешь — лучше спишь»*. Исходная установка одобряла *«блаженное неведение»* и, по сути, девальвировала ценность знания как потенциальный источник тревоги. Трансформ, напротив, утверждает, что чем меньше человек знает, тем больше ему приходится учиться, — парадоксальным образом реабилитируя ценность образования и профессионального роста.

Ярким примером оперативного реагирования паремиологической системы на экстраординарные социальные события служит появление *«ковидной»* ветки антипословиц в 2020–2022 гг. Ценность антипословиц как реакции на общественные потрясения особенно ярко проявилась в последние годы. Х. Вальтер, комментируя создание *«Словаря русских ковидных антипословиц-карантинок»*, назвал ковидные антипословицы *«картиной ковидного мира в зеркале русского языка»* [2, с. 437].

Например, семантические отношения частей фразы *«Дружба дружбой, а полтора метра врозь»* создают ту самую *«картину ковидного мира в зеркале русского языка»*. В данном примере интертекстуальный *«шов»* очевиден: каноническая паремия *«Дружба дружбой, а служба службой»* (или *«Дружба дружбой, а табачок врозь»*) подвергается субституции второго компонента — нейтральный предикат заменяется злободневной социальной нормой социального дистанцирования (*«полтора метра»*). Иронический эффект возникает из соположения двух несовместимых концептуальных сфер: *«дружбы»* (близкой человеческой связи) и *«полтора метров»* (формализованной, внеличностной предосторожности). Эта антипословица не только фиксирует примету времени, но и выполняет психологическую функцию — помогает совладать с тревогой через юмор.

Современная паремиология всё чаще обращается к изучению паремий не столько как формальных языковых единиц, сколько как действенных инструментов коммуникативного воздействия.

На основе анализа теоретической литературы и эмпирического материала можно выделить следующие основные прагматические функции паремий-трансформов.

1. Функция выражения оценочного отношения позволяет говорящему имплицитно передать иронию, критику, насмешку или несогласие с традиционным смыслом паремии. В трансформе *«Человек предполагает, а жена располагает»* выражается ироническое несогласие с патриархальной установкой исходного текста. Как подчёркивается в исследовании О. Н. Антоновой, паремии-трансформы *«реализуют своё значение и прагматические функции в процессе дискурсивной деятельности»* [1, с. 24].

2. Функция создания стилистического эффекта направлена на повышение экспрессивности речи. Модификации делают высказывание более ярким, запоминающимся и оригинальным за счёт эффекта обманутого ожидания. Как отмечается в исследовании прагматического потенциала паремий, *«трансформации паремий актуализируют их основные прагматические функции (привлечения внимания, выражения отношения, создания стилистического эффекта»*. Например, исходная паремия (шаблон, ожидание). Полная форма: *«Семь раз отмерь — один раз отрежь»*. Смысл: тщательно проверь, прежде чем сделать окончательное действие.)

Паремия-трансформ (модификация)

«Семь раз отмерь — один раз... закажи» (см. табл. 1).

Табл. 1. Этап восприятия и реакции

Этап восприятия	Реакция
Слышим начало «Семь раз отмерь...»	Мозг автоматически достраивает «...один раз отрежь» — ожидается серьёзная, почти сакральная формула трудолюбия и осторожности.
Вместо «отрежь» звучит «закажи»	Разрыв шаблона. Вместо физического действия (резать) — цифровое потребительское действие (кликнуть «заказать»).
Осознание контраста	Возникает комический/иронический эффект. Пословица, которая учила трудолюбию, превращается в насмешку над шопоголизмом: «семь раз померяй (в виртуальной примерочной) — и один раз оформи заказ».

а) Неожданная рифма — «отмерь» / «отрежь» (ожидалось) → «отмерь» / «закажи» (нарушение фонетического и смыслового параллелизма).

б) Снижение пафоса — смена высокого «отрезать» (трудовое усилие) на бытовое/потребительское «заказать» (лень, доверие курьеру).

в) Энергия удивления — слушатель сначала «спотыкается», а потом смеётся, что делает фразу яркой и цитируемой.

Такое преобразование, как замена ключевого слова на созвучное, но семантически отдалённое, иллюстрирует приём, выделенный среди наиболее частотных механизмов вариации антипословиц в международном исследовании под руководством А.Т. Литовкиной, отмечается, что фонетическая близость является одним из важнейших опорных механизмов для большинства приёмов преобразования паремий [12, с. 47].

3. Функция привлечения внимания особенно важна в медийном и рекламном дискурсе. Сломанный стереотип «цепляет» глаз и заставляет адресата остановиться на заголовке, слогане или ключевой фразе, что особенно ценно в условиях «информационного шума». Как показывают исследования, функции привлечения внимания, выражения отношения и создания стилистического эффекта имеют наибольший прагматический эффект. Например, *«Береги платье снову, а здоровье — онлайн»*

Полная форма: *«Береги платье снову, а честь смолоду»*

а) Вторая часть заменена с «честь смолоду» на «здоровье — онлайн».

б) Сохранена ритмико-синтаксическая структура (две части, союз «а») (см. табл. 2).

Табл. 2. Приём и эффекты

Приём	Эффект
Сломанный стереотип	Читатель узнаёт начало «Береги платье снову...», автоматически ожидает «...а честь смолоду». Вместо этого — «а здоровье онлайн». Возникает когнитивный диссонанс («Что-то не так»), мозг фиксируется.
Неожиданное слово «онлайн»	Современный цифровой термин в архаичной пословичной конструкции создаёт взрывной контраст.
Экономия внимания	В рекламной ленте или ленте новостей на распознавание знакомого паттерна уходит 0.1 секунды; на осознание подмены — ещё 0.5 секунды. Этого достаточно, чтобы пользователь не пролистал заголовок.

В рекламе и медиа такая модификация выполняет функцию «стоп-крана» (stop-stare-читай). Адресат не просто замечает сообщение — он вынужден дополнительно обработать

его, чтобы разрешить противоречие между ожидаемым и реальным. Это резко повышает запоминаемость бренда или темы. Как отмечает К. С. Крюкова в исследовании функционирования трансформированных пословиц в интернет-пространстве, в рамках коммуникативного жанра антипословица зачастую приобретает иронический, шуточный характер, что делает её эффективным инструментом привлечения внимания в цифровой среде [11, с. 131].

4. Функция оценки действий — инструмент социальной критики, высмеивания поведенческих стереотипов и социальных институтов. Трансформ *«Сделать из мухи слона нетрудно, труднее его прокормить»* оценивает не само преувеличение (как исходная поговорка), а те последствия, которые оно влечёт (*«прокормить»* — с отсылкой к экономической сфере).

5. Функция формирования авторского стиля проявляется в том, что окказиональные трансформации помогают выразить индивидуальность говорящего или пишущего, демонстрируя его остроумие, эрудицию и нетривиальность мышления. Создание удачного трансформации становится актом языкового творчества, индивидуализирующего автора. Как подчёркивает Т. А. Гридина в своих работах по языковой игре, создание игровой трансформации предполагает преднамеренное нарушение речевого автоматизма путём введения слова в новый (нестандартный) ассоциативный контекст [5, с. 214]

Например, *«Не всё коту масленица — иногда коту надо выключить уведомления»*

а) Полная форма: *«Не всё коту масленица, будет и Великий пост»* (жизнь состоит не только из удовольствий, будут и трудные времена).

б) Замена *«Великий пост»* на современный ритуал *«выключить уведомления»* (цифровой аскетизм).

в) Читатель, знакомый с колонками автора, знает, что он постоянно соединяет фольклор с IT-терминами. Это отличает его от тысяч других блогеров. Как отмечает К. Н. Васильева, анализируя структурные окказиональные преобразования в интернет-коммуникации, подобная трансформация является одним из ключевых приёмов создания новых антипословиц в цифровую эпоху [3, с. 124]. (см. табл. 3).

Табл. 3. Механизм формирования авторского стиля через трансформы

Параметр	Проявление
Тематическая привязка	Автор постоянно использует одну сферу (медицина, IT, урбанистика) для замен.
Ирония/серьёзность	У каждого автора свой градус насмешки (у одного — дружеский юмор, у другого — едкая сатира).
Степень разрушения	Одни авторы делают минимальные замены (одно слово), другие — контаминацию трёх пословиц сразу.
Повторяемость приёма	Регулярность превращает случайную остроту в узнаваемый стилистический жест.

Если функция привлечения внимания — одноразовый *«крючок»*, то функция формирования авторского стиля — система таких крючков, которые в совокупности создают образ языковой личности. Трансформы паремий становятся для читателя маркерами: «а, это написал Иванов, потому что только он мог соединить „бережёного“ с „квантовым компьютером“».

6. Текстобразующая функция — способность паремии-трансформации структурировать текст, связывать его части, выступать в роли смыслового ключа (темы) или итогового вывода (реммы). В публицистической статье паремия-трансформация в заголовке задаёт угол зрения на описываемую ситуацию, а затем разворачивается и комментируется в основном

тексте. Например, «*Береги платье снову, а здоровье — онлайн: выдержит ли российская медицина цифровой перегруз?*» (см. табл. 4).

Табл. 4. Реализация трансформы

Элемент статьи	Реализация трансформы
Вступление	Автор цитирует заголовок и противопоставляет «беречь здоровье» (традиционная профилактика) и «онлайн» (телемедицина). Трансформ задаёт главный конфликт статьи.
Первый аргумент («платье снову»)	Разбирается экономия на диагностике: как люди вместо похода к врачу покупают дешёвые онлайн-консультации.
Второй аргумент («здоровье — онлайн»)	Показаны плюсы телемедицины: экономия времени, доступ к узким специалистам.
Третий аргумент (синтез)	Автор возвращается к трансформе: «В идеале надо беречь и платье, и здоровье — то есть сочетать офлайн-профилактику с онлайн-контролем».
Вывод (ремма)	Последняя фраза статьи: «Вот только кто научит беречь <i>и то, и другое?</i> Ответа пока нет — даже если вы спросите у врача в зуме». — Трансформ повторяется как ключевой образ.

Трансформ в заголовке задаёт угол зрения: автор не просто пишет о телемедицине, а именно о противоречии между традиционной бережливостью и цифровой доступностью.

1. Рема (новое) — в финале трансформ возвращается, но уже с выводом (проблема не решена).

2. Связность — каждый абзац отсылает либо к части «*береги платье снову*» (офлайн-диагностика), либо к «*здоровье — онлайн*» (телемедицина). Трансформ работает как внутренний хронотоп статьи.

3. Завершённость — без трансформы текст распался бы на две слабо связанные темы; с ним он получает единую метафору. (см. табл. 5).

Табл. 5. Сравнение функций

Функция	Что делает с тем же трансформом
Привлечение внимания	Сломанный стереотип заставляет остановить взгляд на заголовке.
Стилистический эффект	Ироничное сочетание «береги платье» и «онлайн» вызывает улыбку.
Авторский стиль	Если автор постоянно так шутит про медицину, это его «визитка».
Текстообразующая	Весь текст строится вокруг противопоставления двух частей, а вывод возвращается к трансформе.

Текстообразующая функция превращает паремию-трансформ из украшения (или «крючка») в структурный каркас текста. Без трансформа статья была бы обычным перечислением «за и против» телемедицины; с ним — это развёрнутая метафора-рассуждение.

Заключение. Большинство паремий-трансформов являются окказиональными и не закрепляются в языке за пределами конкретного контекста. Однако, это не снижает их значимости как маркеров текущего состояния языкового сознания. Тем не менее, отсутствие единого электронного паремиологического корпуса трансформов с метаразметкой по типам трансформации, дискурсу, хронологии является серьёзной методологической проблемой, затрудняющей количественные исследования.

Перспективы исследования включают:

1. Психолингвистический эксперимент, направленный на измерение скорости и точности узнавания инварианта по трансформу, а также оценку «приемлемости» различных трансформаций разными возрастными и профессиональными группами. Такой эксперимент позволил бы эмпирически верифицировать предложенную типологию языкового сознания.

2. Сравнительный анализ трансформов в разных славянских языках (русском, украинском, белорусском, польском) с целью выявления универсальных механизмов трансформации и национально-специфичных моделей. Важный вклад в данное направление внесла К. Р. Тимирязева, которая рассматривает отражение семейных отношений в новых паремиях и отмечает, что выбор языковых единиц той или иной тематики обусловлен отражением в них современного отношения к соответствующим ценностям [13, с. 46]

3. Диахронический срез — анализ того, как трансформационные модели менялись с 1990-х по 2020-е гг. Предположительно, можно ожидать перехода от постсоветских политизированных трансформов (в 1990-е) к экономическим и технологическим (2000-е) и к цифровым/медицинским (2020-е).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонова, О. Н. Функциональные свойства паремий-трансформов в англоязычном публицистическом дискурсе : автореферат дис. кандидата филологических наук : 10.02.04. Германские языки / О. Н. Антонова. — Москва, 2012. — 24 с.
2. Вальтер Х. Словарь русских ковидных антипословиц-карантинок. 2021 / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко // Словарь русского языка коронавирусной эпохи / Сост. Х. Вальтер, Е. С. Громенко, А. Ю. Кожевников и др. / Ред. колл. Е. С. Громенко А. С. Павлова, М.Н. Приемышева (отв. ред.), Ю.С. Радецкая. — Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. — С. 432–487.
3. Васильева, К. Н. Русские антипословицы о COVID-19 в виртуальном пространстве: приемы структурных окказиональных преобразований / К. Н. Васильева // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. — 2021. — № 4. — С. 123–126. — DOI 10.37882/2223-2982.2021.04.07.
4. Влавацкая, М. В. Комбинаторная паремиология как область изучения новых паремий / М. В. Влавацкая, З. М. Зайкина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2018. — № 11–1 (89). — С. 88–93. — DOI 10.30853/filnauki.2018-11-1.19.
5. Гридина, Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество / Т. А. Гридина. — Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-т, 1996. — 214 с.
6. Дегальцева А. В., Кормилицына М. А. Приемы трансформации фразеологизмов в современной прессе / А. В. Дегальцева, М. А. Кормилицына // Медиалингвистика. — 2023. — Т. 10. — № (3). — С. 394–406. — DOI: 10.21638/spbu22.2023.307.
7. Дубровина, К. Н. Лингвистические основы стилистических приемов использования фразеологизмов в художественной литературе и публицистике / К. Н. Дубровина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. — 2005. — № 7. — С. 100–118.
8. Дюрчо, П. Паремиология и корпусная лингвистика / П. Дюрчо // Вестник Новгородского государственного университета. Серия: Филологические науки. — 2014. — № 77. — С. 13–17.
9. Иванов Е. Е. Типы русских антипословиц / Е. Е. Иванов, И. И. Боровая // Субстандартные варианты славянских языков: избранные статьи / hrss. A. Bierich. Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH Europaeischer Verlag der Wissenschaften, 2009. — С. 111–122.

10. Константинова А. А. Оказиональная трансформация англо-американских паремий в свете когнитивно-дискурсивного подхода в лингвистике / А. А. Константинова // Вестник Томского государственного университета. — 2011. — № 348. — С. 24–28.
11. Крюкова, К. С. Функционирование трансформированных пословиц в интернет-пространстве: жанровый аспект / К. С. Крюкова // Вестник Костромского государственного университета. — 2017. — Т. 23, № 2. — С. 130–132.
12. Литовкина, А. Т. Most frequent types of alteration in Anglo-American, German, French, Russian and Hungarian anti-proverbs / А. Т. Litovkina, W. Mieder // Acta Ethnographica Hungarica. — 2006. — Vol. 51. — № 1–2. — P. 45–87.
13. Тимирящева, К. Р. Отражение семейных отношений в новых паремиях / К. Р. Тимирящева // Парадигма. — 2025. — № 8–1. — С. 45–49.

REFERENCES

1. Antonova, O. N. (2012). Funktsional'nye svoystva paremiy-transformov v angloyazychnom publitsisticheskom diskurse [Functional properties of transformed proverbs in English-language journalistic discourse] (Unpublished doctoral dissertation abstract). Moscow. (In Russian).
2. Walter, H., & Mokienko, V. M. (2021). Slovar' russkikh kovidnykh antiposlovits-karantinok [Dictionary of Russian COVID anti-proverbs/quarantine sayings]. In E. S. Gromenko, A. Yu. Kozhevnikov, et al. (Eds.), Slovar' russkogo yazyka koronavirusnoy epokhi [Dictionary of the Russian language of the coronavirus era] (pp. 432–487). Institute of Linguistic Research, Russian Academy of Sciences. (In Russian).
3. Vasilieva, K. N. (2021). Russkie antiposlovitsy o COVID-19 v virtual'nom prostranstve: priemy strukturnykh okkazional'nykh preobrazovaniy [Russian anti-proverbs about COVID-19 in the virtual space: techniques of structural occasional transformations]. Sovremennaya Nauka: Aktual'nye Problemy Teorii i Praktiki. Gumanitarnye Nauki [Modern Science: Current Problems of Theory and Practice. Humanities], 4, 123–126. DOI: 10.37882/2223-2982.2021.04.07. (In Russian).
4. Vlavatskaya, M. V., & Zaykina, Z. M. (2018). Kombinatornaya paremiologiya kak oblast' izucheniya novykh paremiy [Combinatorial paremiology as a field for studying new proverbs]. Filologicheskie Nauki. Voprosy Teorii i Praktiki [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 11–1(89), 88–93. DOI: 10.30853/filnauki.2018-11-1.19. (In Russian).
5. Gridina, T. A. (1996). Yazykovaya igra: stereotip i tvorchestvo [Language game: stereotype and creativity]. Ural State Pedagogical University. (In Russian).
6. Degaltseva, A. V., & Kormilitsyna, M. A. (2023). Priemy transformatsii frazeologizmov v sovremennoy presse [Techniques of phraseological unit transformation in modern press]. Medialingvistika [Medialinguistics], 10(3), 394–406. DOI: 10.21638/spbu22.2023.307. (In Russian).
7. Dubrovina, K. N. (2005). Lingvisticheskie osnovy stilisticheskikh priemov ispol'zovaniya frazeologizmov v khudozhestvennoy literature i publitsistike [Linguistic foundations of stylistic techniques for using phraseological units in fiction and journalism]. Vestnik RUDN. Seriya "Lingvistika" [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], 7, 101–118. (In Russian).
8. Dyurcho, P. (2014). Paremiologiya i korpusnaya lingvistika [Paremiology and corpus linguistics]. Vestnik Novgorodskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Filologicheskie Nauki [Bulletin of Novgorod State University. Series: Philological Sciences], 77, 13–17. (In Russian).
9. Ivanov, E. E., & Borovaya, I. I. (2009). Tipy russkikh antiposlovits [Types of Russian anti-proverbs]. In A. Bierich (Ed.), Substandartnye varianty slavyanskikh yazykov: izbrannye stat'i [Substandard variants of Slavic languages: selected articles] (pp. 111–122). Peter Lang. (In Russian).
10. Konstantinova, A. A. (2011). Okkazional'naya transformatsiya anglo-amerikanskikh paremiy v svete kognitivno-diskursivnogo podkhoda v lingvistike [Occasional transformation of Anglo-American proverbs in the light of the cognitive-discursive approach in linguistics]. Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta [Tomsk State University Journal], 348, 24–28. (In Russian).
11. Kryukova, K. S. (2017). Funktsionirovanie transformirovannykh poslovits v internet-prostranstve: zhanrovyy aspekt [The functioning of transformed proverbs in the Internet space: a genre aspect]. Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Kostroma State University], 23(2), 130–132. (In Russian).
12. Litovkina, A. T., & Mieder, W. (2006). Most frequent types of alteration in Anglo-American, German, French, Russian and Hungarian anti-proverbs. Acta Ethnographica Hungarica, 51(1–2), 45–87.
13. Timiryashcheva, K. R. (2025). Otrazhenie semeynykh otnosheniy v novykh paremiyakh [The reflection of family relations in new paroemias]. Paradigma [Paradigm], (8–1), 45–49. (In Russian).

Поступила в редакцию 23.05.2026 г.

**TRANSFORMATIVE PAROEMIAS IN THE MIRROR OF LINGUISTIC CONSCIOUSNESS:
GENESIS AND PRAGMATICS**

This article presents a comprehensive analysis of transformative paroemias (anti-proverbs) as a dynamic element of modern Russian speech. The aim of the study is to identify the system of linguistic and extralinguistic factors that determine the genesis of transformative paroemias, describe the mechanisms of their structural and semantic modification, and determine the pragmatic potential of these units in different types of discourse. The object of the study was examples of transformative paroemias extracted from online communication, media texts, and oral speech. The study utilized contextual analysis, discourse analysis, linguacultural analysis, and linguistic observation. It is established that the transformation of paroemias is a natural product of the evolution of linguistic consciousness, determined by the systemic interaction of intralinguistic and extralinguistic factors. The pragmatic potential of transforms is realized in the functions of expressing an evaluative attitude, creating a stylistic effect, attracting the attention of the addressee and text formation.

Keywords: *paremiology, anti-proverb, transformative paroemia, linguistic consciousness, pragmatics, transformation, language game, internet discourse.*

Белых Анна Вячеславовна.

Донецкий государственный университет,

г. Донецк, Российская Федерация.

Ассистент кафедры русского языка.

ORCID 0009-0008-9202-6692.

Email: a.belyih@list.ru.

Belykh Anna Vyacheslavovna.

Donetsk State University,

Donetsk, Russian Federation.

Assistant, Russian Language Department.

ORCID 0009-0008-9202-6692.

Email: a.belyih@list.ru.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья
УДК 81'373.611
DOI: 10.5281/zenodo.21332089

О. И. Иванова¹, Е. С. Николаева² © 2026

¹⁻²Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»

¹ORCID 0009-0006-1293-1453

²ORCID 0009-0009-9082-4129

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ РЕГИОНА: СЕМАНТИКА И СТРУКТУРА МИКРОТОПОНИМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ НАЗВАНИЙ ПОЛЕЙ, ЛЕСОВ, БОЛОТ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ)

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0
International <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Настоящая статья посвящена исследованию микротопонимии Хабаровского края в лингвокультурологическом аспекте. Актуальность работы обусловлена необходимостью сохранения и изучения региональной топонимической лексики как части нематериального культурного наследия, а также недостаточной изученностью микротопонимов данного региона с позиций их семантики и структуры. Методологическую основу составили описательный метод, метод компонентного анализа, элементы сравнительно-исторического и структурно-словообразовательного методов. Научная новизна заключается во введении в научный оборот микротопонимического материала Хабаровского края и его комплексном лингвокультурологическом анализе. Практическая значимость заключается в возможности использования материалов в региональных краеведческих исследованиях, лексикографической практике и преподавании лингвокраеведческих дисциплин. Результаты исследования — выявление особенностей номинации природных объектов (полей, лесов, болот) в Хабаровском крае и определение, какие признаки ландшафта и события из жизни местных жителей находят отражение в микротопонимах.

Ключевые слова: микротопонимика, Хабаровский край, лингвокультурология, ономастика, семантика, топонимические модели, региональная лексика, номинация ландшафта.

Для цитирования: Иванова О. И. Лингвокультурологический портрет региона: семантика и структура микротопонимов (на материале названий полей, лесов, болот Хабаровского края) / О. И. Иванова, Е. С. Николаева // Новые горизонты русистики. — 2026. — № 3. — С. 14–21. — <https://doi.org/10.5281/zenodo.21332089>.

Введение. Микротопонимия представляет собой наиболее подвижный и чуткий к изменениям пласт ономастической лексики, отражающий особенности восприятия окружающего пространства рядовыми носителями языка. В отличие от макротопонимов, микротопонимы — названия небольших географических объектов (полей, лесов, болот, урочищ, покосов) — функционируют преимущественно в устной речи местных жителей и наиболее полно сохраняют следы народного миропонимания, хозяйственной деятельности и культурных традиций [4].

Как справедливо отмечает В. В. Молчановский, топонимы «обладают яркими культурными компонентами в семантике», причем национально-культурный компонент отличается особой страноведческой репрезентативностью и богатством культурно-исторических ассоциаций [4]. Исследователи подчеркивают, что в топонимизации сохраняется национально-культурная информация, отражающая быт, верования и языковое творчество народа [5].

Хабаровский край представляет собой уникальный регион для лингвогеографических исследований. Расположенный на пересечении миграционных потоков, территории проживания коренных малочисленных народов (нанайцев, ульчей, нивхов, эвенков) и зоны активного русского освоения, край обладает многослойной топонимической системой. В названиях географических объектов здесь зафиксированы следы языковых контактов, особенности хозяйственного освоения территории и специфика восприятия ландшафта переселенцами [12]. Исследователи отмечают, что топонимия региона кодирует важную информацию о том, как коренные народы концептуализируют мир и воспринимают свое непосредственное экологическое окружение [12].

Особый интерес представляют микротопонимы природных объектов — полей, лесов, болот, поскольку именно они в наименьшей степени подвержены официальной номинации и сохраняют живые механизмы народного именования. Как показывают исследования, в микротопонимии могут быть выделены как универсальные структурно-семантические модели, так и уникальные черты, отражающие специфику конкретной территории [2].

Цель данной работы — выявить семантические и структурные особенности микротопонимов, обозначающих поля, леса и болота на территории Хабаровского края, и определить, какие признаки ландшафта и события из жизни местных жителей оказываются значимыми для номинации. **Материалом исследования** послужили микротопонимы, зафиксированные в краеведческой литературе, топографических картах, а также полевые записи, сделанные автором в ходе экспедиций в районы Хабаровского края в 2022-2023 гг.

1. Теоретические основы исследования микротопонимии

1.1. Микротопоним как объект лингвистического изучения

В современной ономастике микротопонимы определяются как индивидуальные названия небольших природных или созданных человеком объектов, известных узкому кругу людей, проживающих на определенной территории. От макротопонимов они отличаются ограниченной сферой функционирования (преимущественно устная речь), неустойчивостью номинации и тесной связью с местными географическими реалиями.

Ф. С. Кудряшева и Р. З. Мурясов в своем сопоставительном исследовании французской и русской микротопонимики отмечают, что общими чертами структурных моделей являются прямой переход апеллатива в топоним, аффиксальный способ образования, словосложение и сочетание слов [2]. При этом семантика микротопонимов всегда отражает те признаки объекта, которые представляются значимыми для именуемого субъекта.

Важной характеристикой микротопонима является его способность аккумулировать культурно-историческую информацию. В работах В. В. Молчановского подчеркивается, что «лексический фон топонимов» содержит страноведческую информацию четырех типов: динамичность и незамкнутость, способность выражать групповую информацию, идеологичность и мемориальность [4]. Применительно к микротопонимии особое значение приобретает способность названий фиксировать групповую информацию — сведения, значимые для конкретного коллектива (родового, профессионального, локального).

1.2. Методы исследования региональной микротопонимии

Исследование микротопонимического материала требует комплексного подхода, сочетающего собственно лингвистические методы с элементами географического и этнографического анализа. Т. В. Хвесько выделяет несколько методов изучения топонимического формообразования, среди которых наиболее перспективным признается формантный метод, позволяющий выявить специфику топомodelей [10].

В настоящем исследовании использованы следующие методы:

1. Описательный метод — для характеристики и систематизации собранного материала.
2. Метод компонентного анализа — для выявления семантических компонентов в структуре микротопонимов.
3. Структурно-словообразовательный метод — для определения моделей образования микротопонимов.

4. Этимологический анализ — для выяснения происхождения непрозрачных по форме наименований.

5. Элементы лингвогеографического метода — для картирования микротопонимов и выявления ареалов распространения определенных типов номинации.

Как отмечают исследователи, анализ топонимического материала в полиэтничных регионах, подобных Хабаровскому краю, требует учёта разноязычного происхождения названий и различных исторических периодов освоения территории [12].

1.3. История изучения топонимии Хабаровского края

Изучение географических названий Хабаровского края имеет давнюю традицию. При этом именно микротопонимия региона остаётся наименее изученной областью: большинство работ посвящено гидронимам и ойконимам, тогда как названия полей, лесов, болот и других малых природных объектов практически не становились предметом специального лингвокультурологического анализа. Это определяет актуальность настоящего исследования: восполнение данного пробела важно как для региональной ономастики, так и для документирования нематериального культурного наследия Хабаровского края. Среди исследователей, внесших вклад в изучение региональной топонимии, особое место занимает Г. Г. Левкин — военный топограф, почетный член Приамурского Географического Общества. Его книга «Несколько слов о топонимике» представляет собой ценный источник по топонимии российского Дальнего Востока, основанный на исследовательских материалах и документах [3].

Значительный вклад в изучение топонимии региона внес А. П. Статейнов, автор словаря «Топонимика Сибири и Дальнего Востока», в котором представлены географические названия обширной территории, включая Хабаровский край [7].

Среди значимых работ, посвящённых микротопонимии смежных регионов, заслуживают внимания труды Г. Ф. Ковалёва, создавшего трёхтомный словарь микротопонимов Воронежской области (2007, 2017, 2024), и его учеников, чьи публикации находятся в открытом доступе. Концептуальный вклад в изучение микротопонимии внесла Л. А. Климкова, защитившая докторскую диссертацию по микротопонимии Нижегородской области (2006) и опубликовавшая соответствующий словарь (2008). Работы этих исследователей и их научных школ задают методологические ориентиры для изучения микротопонимии других регионов России. Специальные исследования микротопонимии региона немногочисленны. Среди работ последних лет выделяется исследование нивхских топонимов в Амуро-Сахалинском регионе, где авторы показывают, что топонимия кодирует информацию о способах концептуализации мира коренными народами и их восприятии экологического окружения [12].

2. Семантическая классификация микротопонимов Хабаровского края

2.1. Ландшафтные признаки в номинации объектов

Анализ собранного материала показывает, что наиболее многочисленную группу составляют микротопонимы, отражающие физико-географические характеристики объекта. Эта закономерность характерна для русской топонимии в целом: номинация по признаку объекта является наиболее древней и устойчивой моделью.

Микротопонимы, отражающие особенности рельефа:

- *Гривка* — название вытянутого возвышения среди болота в Нанайском районе. Мотивировка: форма объекта напоминает гриву [9; полевые материалы авторов, 2022].

- *Крутоберёга* — название крутого берега старицы в районе им. Лазо.

- *Яр* — название обрывистого берега р. Амур у с. Сикачи-Алян [9].

- *Сопка* — распространенное название возвышенностей, используемых как ориентиры: Заячья сопка, Гóлая сопка.

Микротопонимы, отражающие характер растительности:

- *Березняк* — берёзовый лес в окрестностях с. Троицкое [9; полевые материалы авторов, 2023].

- *Оси́новая падь* — распадок с осиновым лесом в Вяземском районе.
- *Кедровники* — участки кедрового леса, используемые для сбора орехов: *Ста́рые кедровники*, *Да́льные кедровники*.
- *Ягельник* — участок лишайникового леса в Аяно-Майском районе, используемый для оленеводства (название бытует среди эвенков, но ассимилировано русскими старожилами).

Микротопонимы, отражающие гидрографические особенности:

- *Мочажьи́ны* — заболоченные участки с выходами грунтовых вод в Ульчском районе [9].
- *Стари́цы* — названия старых русел рек, используемых как сенокосы: *Ста́рица Казаке́вичева*, *Ста́рая пра́тока*.
- *Ключи* — участки вокруг родников: *Студе́ный ключ*, *Горя́чий ключ* (в районе г. Комсомольска-на-Амуре) [9].

Интересно отметить, что среди микротопонимов болот Хабаровского края встречаются названия, отражающие специфику дальневосточных болотных ландшафтов. Как показывают исследования, на юге региона распространены аапа-болота (грядово-мочажинные комплексы), характерные для бореальной зоны [11]. В микротопонимии это находит отражение в названиях *Гряды* (осушенные участки болот) и *Мочажьи́ны* (обводнённые понижения).

2.2. Хозяйственная деятельность как источник номинации

Вторая по величине группа микротопонимов отражает различные виды хозяйственной деятельности местного населения. Эта группа особенно ценна для реконструкции традиционного природопользования.

Сельскохозяйственные угодья:

- *Пашни* — названия полей, используемых под пашню в прошлом: *Монасты́рские па́шни* (у с. Петропавловка, где располагался монастырь), *Солда́ткина па́шня* [9; полевые материалы авторов, 2022].
- *Покосы* — наиболее многочисленная группа: *Да́льный покос*, *Заре́чные покосы*, *Комари́ные покосы* (ироническое название из-за обилия гнуса).
- *Займи́ща* — пойменные луга, используемые под сенокос: *Оси́повское за́ймище*, *Большо́е за́ймище*.

Промысловые угодья:

- *Соболиные угодья* — участки тайги, где традиционно охотились на соболя: *Ста́рые соболи́ные угодья* в районе р. Урми.
- *Ягодники* — участки леса с обилием ягод: *Брусни́чник*, *Голуби́чник*, *Клю́квенное боло́то*.
- *Рыболовные тони* — места лова рыбы на Амуре: *Оси́повская то́ня*, *Бичева́я то́ня*.

В названиях промысловых угодий часто отражается не только вид ресурса, но и принадлежность определенному роду или семье: *Ма́ксимов е́льник*, *Ва́ська то́ня*, *Петро́вские охотни́чы избу́шки*.

2.3. Событийная и антропоцентрическая номинация

Третья группа микротопонимов связана с событиями, произошедшими на данной территории, или с людьми, имевшими к ней отношение.

Антропонимические микротопонимы:

- *Ерофе́ев луг* — по имени первого поселенца.
- *Бочкаре́вские покосы* — по фамилии крестьянина Бочкарева, распахивавшего эти земли в начале XX в.
- *Арсенье́вский лес* — участок леса, который, по преданию, посещал исследователь В.К. Арсеньев.

Событийные микротопонимы:

- *Пожарный яр* — место, где горел лес в 1970-х гг.
- *Бе́глый ключ* — по преданию, здесь скрывался беглый каторжник.

• *Разбóйничья падь* — название, связанное с легендой о грабителях, промышлявших на этом перевале.

• *Золотáя прóтока* — место, где старатели мыли золото.

В этой группе особенно ярко проявляется «групповая информация», о которой писал В. В. Молчановский [4]. Названия закрепляют значимые для локального сообщества события, создавая своеобразную «народную историю» территории.

2.4. Этнокультурная специфика микротопонимии региона

Особый интерес представляют микротопонимы, отражающие этнокультурные контакты на территории Хабаровского края. Здесь выделяются несколько слоев:

Нанайские микротопонимы, ассимилированные русским населением:

• *Даерга* — нанайское название местности (от *даэр* — «коса»), используется русскими как ориентир.

• *Холан* — участок леса (нанайск. «защищенное место»).

• *Сикачи-Алянские писаницы* — скальные выходы с петроглифами, название используется в русской речи.

Ульчские названия:

• *Ухта* — название протоки (ульчск. «узкая протока»).

• *Болонь* — озеро, название используется в русском языке. Эвенкийские названия:

• *Кадали* — эвенкийское название местности (от *када* — «скала»).

• *Омолон* — название реки и прилегающей территории.

Как отмечают исследователи, в топонимах коренных народов находит отражение особое восприятие пространства: ориентиры часто связываются с мифологическими представлениями, культовыми местами, родовыми территориями [12].

3. Структурно-словообразовательные модели микротопонимов

Хабаровского края

3.1. Основные словообразовательные типы

Анализ структуры микротопонимов Хабаровского края позволяет выделить несколько основных словообразовательных моделей, соответствующих общим закономерностям русской микротопонимии.

1. Переход апеллатива в топоним (трансонимизация):

Наиболее простая модель, при которой нарицательное имя существительное начинает функционировать как собственное: *Березняк, Грива, Яр, Пашня, Покос*. Как отмечают исследователи, это одна из универсальных моделей, характерных как для русского, так и для других языков [2].

2. Суффиксальные модели:

• Суффикс -к(а): *Гривка, Паду́шка* (уменьшительное от *падь*), *Старица*.

• Суффикс -ищ(е): *Займище, Городи́ще* (место, где предположительно было древнее поселение).

• Суффикс -ник: *Березни́к, Осинник, Кедровник, Ягодник*.

• Суффикс -ин(а): *Крутоберега, Осиповка* (поселение, ставшее ориентиром).

3. Субстантивно-адаптивные модели:

Наиболее продуктивная группа — сочетание прилагательного с существительным или субстантивированное прилагательное:

• Прилагательное + существительное: *Да́льний покóс, Ста́рая прóтока, Го́лый яр, Медве́жий уго́л, Студёный ключ*.

• Субстантивированные прилагательные: *Белая* (гора), *Кривая* (протока), *Соленое* (озеро).

4. Предложно-падежные конструкции:

Эта модель особенно характерна для микротопонимов-ориентиров: *За речкой, Под сопкой, У ключа, На гриве, За перевалом*. Такие названия функционируют как своеобразные пространственные указатели.

3.2. Региональные особенности словообразования

Анализ материала позволяет выделить некоторые региональные особенности словообразования микротопонимов Хабаровского края.

Использование местных географических терминов в качестве топооснов:

Для Хабаровского края характерно широкое использование в микротопонимии региональных географических терминов:

- *Падь* — распадок, ложбина (из местного говора): *Сухая падь*, *Глубокая падь*.
- *Ключ* — ручей, родник: *Серебряный ключ*, *Кедровый ключ*.
- *Сопка* — гора, холм: *Лысая сопка*, *Острая сопка*.
- *Увал* — пологий склон: *Дальний увал*, *Берёзовый увал*.
- *Протока* — рукав реки: *Сухая протока*, *Старая протока*.

3.3. Адаптация иноязычных основ:

Микротопонимы, происходящие из языков коренных народов, часто адаптируются русским языковым сознанием:

- Приобретение русских суффиксов: *Холан* → *Холанка*, *Даерга* → *Даергинский ключ*.
- Народно-этимологическое переосмысление: *Амур* осмысляется как *мур* (в русских говорах — «мурзатый», грязный), *Омолон* — как *омыло* (якобы здесь омывали оленей).

3.4. Продуктивность различных моделей в номинации природных объектов

Анализ собранного материала позволяет определить, какие структурные модели наиболее характерны для номинации различных типов объектов. Наблюдается определенная закономерность: чем более хозяйственно значим объект, тем вероятнее появление антропонимических и притяжательных моделей. Леса и болота, используемые преимущественно как промысловые угодья, чаще получают названия по доминирующему признаку (виду растительности, качеству). Поля (сенокосы, пашни) — по принадлежности конкретному лицу или по отношению к поселению.

Заключение. Проведенное исследование микротопонимии Хабаровского края позволяет сделать следующие выводы:

1. Микротопонимы природных объектов (полей, лесов, болот) Хабаровского края представляют собой сложный комплекс наименований, отражающих различные аспекты восприятия пространства местными жителями. В них зафиксированы особенности ландшафта, хозяйственная деятельность населения, исторические события и межэтнические контакты.

2. В семантическом отношении выделяются три основные группы микротопонимов: отражающие физико-географические характеристики объекта (наиболее многочисленная), связанные с хозяйственной деятельностью, и отражающие событийную или антропоцентрическую номинацию.

3. Структурно-словообразовательный анализ выявил преобладание суффиксальных моделей (особенно с суффиксами -к(а), -ник, -ищ(е)) и субстантивно-адъективных сочетаний. Региональной особенностью является широкое использование местных географических терминов (падь, сопка, ключ, протока) в качестве топооснов.

4. Этнокультурная специфика Хабаровского края проявляется в наличии многослойной микротопонимии, включающей названия из языков коренных народов (нанайского, ульчского, эвенкийского, нивхского), адаптированные русским языковым сознанием.

5. Исследование подтверждает положение о том, что микротопонимия является ценным источником лингвокультурологической информации, позволяющим реконструировать особенности народного миропонимания и традиционного природопользования.

Материалы исследования могут быть использованы при составлении региональных топонимических словарей, в краеведческой работе, а также в преподавании лингвокраеведческих дисциплин в школах и вузах Хабаровского края.

Перспективным представляется дальнейшее изучение микротопонимии региона с привлечением более широкого полевого материала и углубленным анализом топонимии коренных народов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. География Хабаровского края: учебное пособие / под ред. Н. Г. Разживина. — Хабаровск: Хабаровский краевой краеведческий музей, 2018. — 312 с.
2. Кудряшева, Ф. С. Структурно-семантические модели французской и русской микротопонимии / Ф. С. Кудряшева, Р. З. Мурысов // Доклады Башкирского университета. — 2024. — № 2. — С. 83–94. DOI: 10.33184/dokbsu-2024.2.10
3. Левкин, Г. Г. Несколько слов о топонимике / Г. Г. Левкин. — Хабаровск: Приамурское географическое общество, 2005. — 128 с.
4. Молчановский, В. В. Лингвострановедческий потенциал топонимической лексики русского языка и его учебно-лексикографическая интерпретация: дис. ... канд. филол. наук / В. В. Молчановский. — М., 1985. — 212 с.
5. Некоторые вопросы изучения топонимии Дальнего Востока / под ред. А. П. Статейнова. — Красноярск: Буква С, 2010. — 156 с.
6. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Наука, 1988. — 192 с.
7. Статейнов, А. П. Топонимика Сибири и Дальнего Востока / А. П. Статейнов. — Красноярск: Буква С, 2008. — 504 с.
8. Суперанская, А. В. Что такое топонимика? / А. В. Суперанская. — М.: Наука, 1985. — 182 с.
9. Топонимический словарь Хабаровского края / сост. Г. Г. Левкин. — Хабаровск: Частная коллекция, 2012. — 364 с.
10. Хвесько, Т. В. Способы образования топонимов / Т. В. Хвесько // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2009. — № 1. — С. 107–113.
11. Kutenkov, S., Chakov, V., Kuptsova, V. Topology, Vegetation and Stratigraphy of Far Eastern Aapa Mires (Khabarovsk Region, Russia) // Land. — 2022. — Vol. 11, No. 1. — P. 96. DOI: 10.3390/land11010096
12. Nivkh toponyms in the Amur-Sakhalin region of the Russian Far East // KCI Journal. — 2024. — Vol. 12, No. 3. — P. 45–62.

REFERENCES

1. Geografiya Khabarovskogo kraia [Geography of the Khabarovsk Territory]: Uchebnoe posobie [Textbook]. (N. G. Razzhivin, Ed.). (2018). Khabarovskiy kraevoy kraevedcheskiy muzey. (In Russian).
2. Kudryasheva, F. S., & Murasov, R. Z. (2024). Strukturno-semanticheskie modeli frantsuzskoy i russkoy mikrotoponymiki [Structural and semantic models of French and Russian microtoponymy]. Doklady Bashkirskogo universiteta [Reports of Bashkir University], 2, 83–94. <https://doi.org/10.33184/dokbsu-2024.2.10>. (In Russian).
3. Levkin, G. G. (2005). Neskolko slov o toponimike [A few words about toponymy]. Priamurskoe geograficheskoe obshchestvo. (In Russian).
4. Molchanovsky, V. V. (1985). Lingvostranovedcheskiy potentsial toponimicheskoy leksiki russkogo yazyka i ego uchebno-leksikograficheskaya interpretatsiya [Linguistic and cultural potential of the toponymic vocabulary of the Russian language and its educational-lexicographic interpretation] [Dissertation, Lomonosov Moscow State University]. (In Russian).
5. Nekotorye voprosy izucheniya toponimiki Dalnego Vostoka [Some issues of studying the toponymy of the Far East]. (A. P. Stateynov, Ed.). (2010). Bukva S. (In Russian).
6. Podolskaya, N. V. (1988). Slovar russkoy onomasticheskoy terminologii [Dictionary of Russian onomastic terminology] (2nd ed.). Nauka. (In Russian).
7. Stateynov, A. P. (2008). Toponimika Sibiri i Dalnego Vostoka [Toponymy of Siberia and the Far East]. Bukva S. (In Russian).
8. Superanskaya, A. V. (1985). Chto takoe toponimika? [What is toponymy?] Nauka. (In Russian).
9. Toponimicheskii slovar Khabarovskogo kraia [Toponymic dictionary of the Khabarovsk Territory]. (G. G. Levkin, Comp.). (2012). Chastnaya kolleksiya. (In Russian).
10. Khvesko, T. V. (2009). Sposoby obrazovaniya toponimov [Methods of toponymic formation]. Voprosy kognitivnoy lingvistiki [Questions of Cognitive Linguistics], 1, 107–113. (In Russian).
11. Kutenkov, S., Chakov, V., & Kuptsova, V. (2022). Topology, vegetation and stratigraphy of Far Eastern Aapa Mires (Khabarovsk Region, Russia). Land, 11(1), Article 96. <https://doi.org/10.3390/land11010096>
12. Nivkh toponyms in the Amur-Sakhalin region of the Russian Far East. (2024). KCI Journal, 12(3), 45–62.

Поступила в редакцию 05.05.2026 г.

O. I. Ivanova, E. S. Nikolaeva

LINGUISTIC AND CULTURAL PORTRAIT OF THE REGION: SEMANTICS AND STRUCTURE OF MICROTOPONYMS (BASED ON THE NAMES OF FIELDS, FORESTS, AND SWAMPS OF THE Khabarovsk Territory)

This article is devoted to the study of the microtoponymy of the Khabarovsk Territory in the linguistic and cultural aspect. The relevance of the work is due to the need to preserve and study the regional toponymic vocabulary as part of the intangible cultural heritage, as well as the lack of knowledge of the microtoponyms of the region in terms of their semantics and structure. The methodological basis was formed by the descriptive method, the method of component analysis, elements of comparative historical and structural-word-formation methods. The scientific novelty lies in the introduction into scientific circulation of the microtoponymic material of the Khabarovsk Territory and its comprehensive linguistic and cultural analysis. The practical significance lies in the possibility of using the materials in regional local history research, lexicographic practice and teaching of linguistic and local history disciplines. The results of the study are to identify the features of the nomination of natural objects (fields, forests, swamps) in the Khabarovsk Territory and determine which features of the landscape and events from the lives of local residents are reflected in microtoponyms.

Keywords: *microtoponymy, Khabarovsk Territory, linguoculturology, onomastics, semantics, toponymic models, regional vocabulary, landscape nomination.*

Иванова Ольга Игоревна.

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация.
Студент 4 курса бакалавриата.
Направление подготовки 45.03.03 Лингвистика, профиль «Перевод и переводоведение».
ORCID 0009-0006-1293-1453.
E-mail: ivanova777o@mail.ru.

Николаева Елена Сергеевна.

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация.
Кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации.
2ORCID 0009-0009-9082-4129.
E-mail: lenikol@yandex.ru.

Ivanova Olga Igorevna.

Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russian Federation.
A 4th year undergraduate student.
The field of study is 45.03.03 Linguistics, profile "Translation and translation studies".
ORCID 0009-0006-1293-1453.
E-mail: ivanova777o@mail.ru.

Nikolaeva Elena Sergeevna.

Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russian Federation.
Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Linguistics and Intercultural Communication.
2ORCID 0009-0009-9082-4129.
E-mail: lenikol@yandex.ru.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья

УДК 81'42

DOI: 10.5281/zenodo.21332164

Сяофэн Ли © 2026

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина»
ORCID 0009-0006-6923-8190

КИТАЙСКИЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА-ИДЕОНИМЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0
International <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Статья посвящена исследованию семантики и функционирования китайских precedentных имен-идеонимов в русском языке. Материалом исследования послужили дефиниции из энциклопедических словарей, данные ассоциативных словарей, а также контексты из Национального корпуса русского языка, СМИ и социальных сетей. Методом компонентного анализа выявляются особенности шести единиц: *инь-ян*, *фэньшуй*, *кунг-фу*, *китайский дракон*, *Троецарствие*, «*нихао*». Результаты показывают, что данные единицы входят в русское языковое пространство и воспринимаются носителями русского языка сквозь призму культурно-ценностных моделей. *Инь-ян* осмысливается не только как бинарная оппозиция, но и как единство противоположностей; *фэньшуй* в энциклопедических дефинициях представляет гармонию как мировоззренческую основу, а в дискурсе развивает прагматические значения, связанные с благополучием и успехом; *кунг-фу* развивает переносные значения «драка» и «агрессия»; *китайский дракон* обозначает Китай и его правительство; *Троецарствие* служит интерпретативной рамкой для описания геополитических ситуаций. Большинство из них реализует характеризующую функцию, а «*нихао*» — маркирующую.

Ключевые слова: precedentное имя, precedentное имя-идеоним, китайская культура, семантика, функционирование, компонентный анализ.

Для цитирования: Ли С. Китайские precedentные имена-идеонимы в русском языке / С. Ли // Новые горизонты русистики. — 2026. — № 2. — С. 22–32. — <https://doi.org/10.5281/zenodo.21332164>.

Введение. В условиях глобализации и активного двустороннего общения между Россией и Китаем китайские лексемы входят в русское языковое пространство. Китайские заимствования в русском языке отражают отношение носителей русского языка к китайским культурным реалиям. Некоторые из них используются не только как китайский экзотизм, но и несут переносные значения [3, с. 38]. Эти слова можно отнести к числу precedentных имен (ПИ).

ПИ — это «широко известные имена собственные, которые используются в тексте не столько для обозначения конкретного человека (ситуации, города, организации и др.), сколько в качестве своего рода культурного знака, символа определенных качеств, события, судеб» [10, с. 4]. Это важный тип precedentного феномена (ПФ), который в широком смысле, вслед за Г. Г. Слышкиным, определяется как «любая характеризующаяся цельностью и связностью последовательность знаковых единиц, обладающая ценностной значимостью для определенной культурной группы» [12, с. 28]. ПИ могут употребляться денотативно и коннотативно (метафорически) [9, с. 109]. Под метафорическим употреблением в широком смысле понимается не только метафорический семантический перенос (по сходству), но и метонимический (по смежности). Как отмечает А. В. Терещенко, precedentность может быть интерпретирована как результат метонимии [13, с. 77].

Инокультурные ПФ (в том числе ПИ) отражают восприятие одной культуры представителями иного лингвокультурного сообщества. Данные единицы закономерно вызывают интерес у исследователей. Так, на материале российских медиа-текстов В. В. Джанаева (2008) выявила, что инокультурные ПФ, входящие в русскую когнитивную

базу, выступают в качестве элементов межкультурного коммуникативного пространства [4]. Л. В. Быкова (2009) проанализировала ПФ, восходящие к немецкой культуре [1], С. В. Елисеева (2010) — ПФ, связанные с французской культурой [7], А. В. Дмитриева (2022) — инокультурные ПИ в текстах российской политической рекламы [5]. Наряду с анализом инокультурных ПФ в русском языке, существуют также исследования, посвященные тому, как русские ПФ функционируют в иной лингвокультуре. Е. В. Маринина (2017) рассмотрела русские ПИ в учебном словаре английского языка и культуры [8], И. В. Дулебова и Л. Б. Крюкова (2017) — ПИ русской культуры и истории в словацких СМИ [6]. Согласно В. В. Джанаевой, восприятие носителями русского языка инокультурных явлений не сводится к их прямому переносу. Заимствованный из иной культуры феномен интерпретируется сквозь призму национально-культурных когнитивных моделей, которые включают мировосприятие, мировоззрение и ценностные ориентации [4, с. 4]. Изучение китайских ПИ в русском языке помогает раскрыть восприятие китайской культуры носителями русского языка. Однако они до сих пор не становились объектом специального комплексного анализа, несмотря на растущий интерес к изучению инокультурных ПФ.

Наряду с часто встречаемыми типами ПИ (прецедентными антропонимами, топонимами) в русском языковом пространстве представлены и прецедентные имена-идеонимы (ПИ-идеонимы). Термин «ПИ-идеоним», по определению Н. Н. Воропаева, используется для обозначения «широко известных наименований единичных объектов духовной культуры» [2, с. 38]. В русском языке нередко употребляются китайские ПИ-идеонимы, связанные с китайской культурной традицией (философией, мифологией, историей, боевым искусством и т. д.), такие как *инь-ян*, *фэншуй*, *кунг-фу*, *китайский дракон*, *Троецарствие*, «*нихао*».

Цель нашего исследования — выявление семантических и функциональных особенностей данных китайских ПИ-идеонимов в русском языке. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: 1) выявить семы исследуемых китайских ПИ-идеонимов на основе анализа их дефиниций в энциклопедических словарях; 2) проанализировать их ассоциативные связи с помощью ассоциативных словарей; 3) рассмотреть их семантику и функционирование в русскоязычных текстах.

Материалы и методы исследования. В рамках данного исследования использован компонентный анализ для выявления семантики и функций китайских ПИ-идеонимов. Опираясь на алгоритм компонентного анализа А. В. Дмитриевой [5, с. 69], мы используем данные энциклопедических словарей (дефиниции), ассоциативных словарей (ассоциативные связи) и речевых контекстов для выделения коннотативных, ассоциативных и культурно-исторических сем, не исключая при этом выявления иных семных компонентов в структуре китайских ПИ-идеонимов. Материалом исследования послужили дефиниции из энциклопедических словарей, данные ассоциативных словарей, а также контексты из Национального корпуса русского языка, СМИ и социальных сетей. В данной статье использованы следующие словари.

1. Энциклопедические: 1) «Большая советская энциклопедия» [15], 2) «Большой энциклопедический словарь» (1993) [17], 3) «Большой энциклопедический словарь» (2000) [16], 4) «Энциклопедический словарь» [32], 5) «Энциклопедия мифологии» [33], 6) «Новейший философский словарь» [24], 7) «Новая философская энциклопедия» [23], 8) «Энциклопедический словарь китайской культуры» [28];

2. Ассоциативные: 1) Русский ассоциативный словарь (РАС) [19]; 2) «Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС» (ЕВРАС) [29; 30] — содержит данные об ассоциативных полях носителей русского языка, проживающих в европейской части России; 3) «Русский региональный ассоциативный словарь (Сибирь и Дальний Восток)» (РАС (Сибирь и Дальний Восток)) [31] — отражает ассоциативные поля носителей русского языка, в том числе молодых носителей языка из азиатской части России.

Основная часть. Рассмотрим шесть китайских ПИ-идеонимов: *инь-ян*, *фэншуй*, *кунг-фу*, *китайский дракон*, *Троецарствие*, «*нихао*». Для каждого из них исследуются энциклопедические дефиниции, ассоциативные связи и контексты употребления в русском языке.

ПИ-идеоним *инь-ян* — наименование китайского философского понятия. Энциклопедические источники его дефиниций включают в себя: 1) «Большой энциклопедический словарь» (1993) [17, с. 498], 2) «Новейший философский словарь» [24], 3) «Новая философская энциклопедия» [23, с. 143], 4) «Энциклопедический словарь китайской культуры» [28, с. 29]. Анализ энциклопедических дефиниций позволяет выявить следующие группы сем: 1) сущность и содержание понятия: «пара ключевых категорий китайской философии: универсальный дуализм через бесконечные оппозиции», «универсальные космические полярные силы, переходящие друг в друга», «китайский символ двойственного распределения сил: ян (активное/мужское), инь (пассивное/женское)»; 2) принадлежность: «понятие древнекитайской натурфилософии», «парные понятия древнекитайской философской школы даосизма». На основе этого анализа можно заключить, что *инь-ян* — это понятие древнекитайской философии, выражающее идею бинарной оппозиции и взаимоперехода полярных сил.

В ассоциативных словарях зафиксированы ассоциации, связанные с *инь-ян* (см. Таблицу 1). Всего на шесть стимулов получено 9 реакций. Наиболее частотной является реакция на стимул «гармоничный» (4 реакции), что указывает на гармонию как ключевой смысл понятия. Стимулы «сторона», «начало», «вечность» актуализируют философские аспекты понятия — бинарность, два начала и вневременную универсальность. Стимул «зло» может быть связан с индивидуальной интерпретацией и не отражает сути понятия.

Таблица 1. Частота встречаемости реакции «инь-ян» на разные слова-стимулы (по данным ассоциативных словарей)

Источник	Стимул	Частота встречаемости реакции «инь-ян»
РАС	—	—
ЕВРАС	сторона	2
	вечность	1
	гармоничный	1
РАС (Сибирь и Дальний Восток)	гармоничный	3
	зло	1
	начало	1

На основе анализа контекстов использования можно выделить следующие семантические компоненты ПИ-идеонима *инь-ян*:

1. Различие и контраст.

Данная сема акцентирует внимание на том, что *инь-ян* обозначает противоречие или контраст, то есть оппозицию в целом, например:

«... Мужчины и женщины, — не удаленные берега, и не **Инь/Ян**. Это единое диффузное облако с двумя статистическими пиками.» [vk (19.03.2015)].

2. Две противоположные, но дополняющие друг друга части, объединяющие в единое целое.

Данная сема акцентирует единство и борьбу противоположностей, заложенные в *инь-ян* и подчеркивает взаимодополнение двух сторон в рамках целостной системы. *Инь-ян* может выступать как абстрактная концепция в ландшафтном дизайне, так и передаваться через конкретные образные аналогии. Например, символ *инь-ян* находит воплощение в дизайне аксессуаров — в подвеске с двумя фигурками кота, золотой и черной, расположенными голова к хвосту, образующими круг; глаза у них контрастного цвета: у золотого кота — черные, у черного — золотые.

(1) *Каждый сад всегда имел два основных компонента...: это **Инь-Ян** сада, его отрицательное и положительное начало, его «кровь» и его «скелет» — вода и камни.* [Е.Т. Яковлев. Эстетика (1999)].

(2) 7 фото: слева кулон в виде сердца из селенита, 100 рублей. Справа металлическая подвеска с котами **инь-ян**, 300 рублей. [vk (27.08.2023)].

В дизайне маникюра идея единства и борьбы противоположностей обычно реализуется через зеркальное повторение цвета и узора с одной руки на другую, что также известно как негативный, зеркальный или перевернутый маникюр (следует отметить, что цветовая гамма не ограничивается черно-белой, а узоры могут быть самыми разнообразными).

(3) Маникюр «**Инь-Ян**»: 12 необычных идей для Нового года и зимних будней [Маникюр «Инь-Ян»: 12 необычных идей для Нового года и зимних будней // Новый очаг. 17.11.2023].

3. Черно-белый стиль.

Черно-белая цветовая гамма, наиболее характерная для символа инь-ян, способствует формированию и закреплению данной семы.

В первом примере, на открытии загородного комплекса Вилла да Винчи, общая эстетика вечера была выдержана в черно-белых тонах, что перекликалось с иммерсивным детективным шоу «Инь и Ян» (черная версия) по мотивам произведения Бориса Акунина. Гостям предлагалось одеться в черные костюмы или вечерние платья, а также надеть карнавальные маски черного или белого цвета.

Во втором примере в интерьере квартиры цветовое решение строится на контрасте света и тени: доминируют черный и белый, при этом используются также яркие и нейтральные оттенки для создания дополнительных акцентов.

В третьем примере свадебное оформление в стиле инь-ян также выдержано в черно-белой гамме. На свадебном панно с изображением символа инь-ян размещены имена жениха и невесты соответственно на черной и белой частях. На окно также наклеено изображение символа инь-ян с растительным орнаментом. Обручальные кольца — черное у жениха и белое у невесты. Букет невесты черный, перевязан белой лентой. Торт состоит из черного нижнего и белого верхнего ярусов. Туфли невесты — белые с черными ремешками.

(1) Этот магический вечер был в стиле **инь-ян**, поэтому торт получился таким же нереально атмосферным и красивым: покрытый чёрным велюром, украшенный шоколадными шарами и сусальным золотом. [ВАРИНА МАМА. Бизнес, коммерция, кухня (2018)].

(2) Современная квартира в стиле **инь-ян** [Современная квартира в стиле инь-ян // сайт ITALON, 2024].

(3) Свадьба в стиле ЗОЖ VS Свадьба в стиле **инь-ян** [Четыре свадьбы. Сезон 3 // Телеканал «Пятница!», 30.11.2024].

4. Гармония.

(1) Думаю, когда человек научается быть только в **Инь Ян**, это принципиально меняет жизнь. [Алёна Ковлакова. Психолог Алёна Ковлакова (01.2025)].

(2) Близкие мне только люди **Инь Ян**, и это очень помогает и поддерживает. [Алёна Ковлакова. Психолог Алёна Ковлакова (01.2025)].

5. Крайняя близость между людьми.

Раньше на танцплощадках хоть танцевали, прижимаясь друг к другу — **инь-ян!** [mzadornov.livejournal.com (2013)].

Таким образом, компонентный анализ позволяет выделить семы ПИ-идеонима **инь-ян**: бинарная оппозиция, взаимодополнение противоположностей, гармония, а также визуальное воплощение (например, тесное пространственное сближение, ассоциируемое с символом инь-ян, и комплементарно-контрастные цветографические отношения). Следует отметить, что значение «гармония» нечетко фигурирует в энциклопедических дефинициях понятия «инь-ян», но зафиксировано в ассоциативных словарях и актуализировано в речи. Это расхождение позволяет утверждать, что носители русского языка не сводят понимание «инь-ян» к простой бинарной оппозиции, а выходят на более глубокий уровень — осознание единства и взаимообусловленности противоположных начал.

ПИ-идеоним **фэньшуй** — наименование «китайского оккультного учения о достижении гармонии с миром и самим собой путем организации окружающего

пространства по особым принципам» [26]. Количество дефиниций *фэньшуй* в энциклопедических словарях ограничено: обнаружена лишь одна дефиниция в «Энциклопедическом словаре» [32]. Анализ ее позволяет выделить следующие семы: 1) категория и принадлежность: «древнекитайское искусство»; 2) мировоззренческая основа: «человек и среда — единая структура»; 3) цель: «максимальная гармония»; 4) практика: «обустройство жилища и рабочего места»; 5) результат: «влияние на здоровье, счастье, успех». Как показывает анализ, в русской энциклопедической дефиниции *фэньшуй* характеризуется как искусство, имеющее китайское происхождение и связанное с обустройством жилища и рабочего места. Данная практика ориентирована на повседневную жизнь, направлена на достижение гармонии и служит благополучию человека, что свидетельствует о ее прагматической направленности.

В использованных ассоциативных словарях отсутствуют ассоциации, связанные с *фэньшуй*.

Анализ контекстов позволяет выделить следующие семантические компоненты ПИ-идеонима *фэньшуй*:

1. Правильная пространственная организация жилища, ведущая к гармонии.

«Музыка ветра» над каждой дверью и механически расставленная по определенным направлениям мебель — это еще не дом в стиле фэньшуй. [Уважь трехлапую жабу. Основные правила феншуй // Известия, 04.04.2006].

2. Гармоничное и благополучное состояние или устройство пространства.

(1) *И вот эти нагомудрецы поотвинчивали все гайки с рельсов. И ладно бы на грузила! Тож же мне, злоумышленники гребаные! Нет, им, видите ли, железные дороги фэньшуй портят!* [Михаил Шишкин. Письмовник (2009) // «Знамя», 2010].

(2) *Лагерь по фэньшуй не выходит: погода отвратительно сырая, торфяной ручей черного цвета, а собаки из кафе голоса.* [Михаил Пустовой. «Сейчас без оружия никто туда и не суется» // lenta.ru, 30.01.2018].

В результате компонентного анализа ПИ-идеонима *фэньшуй* можно выделить следующие семы: 1) культурно-генетическая — древнекитайское происхождение; 2) мировоззренческая — достижение максимальной гармонии в единой системе «человек — среда»; 3) прагматико-дейктическая — обустройство пространства, ориентированное на практическую пользу и конкретный результат (здоровье, счастье, успех); 4) оценочно-метонимическая — в большинстве контекстов *фэньшуй* несет положительную оценку (правильный, хороший, идеально гармоничный); в оценочных контекстах он метонимически обозначает не учение о пространстве, а желаемое гармоничное и благополучное состояние этого пространства.

ПИ-идеоним *кунг-фу* — наименование китайских боевых искусств. Анализ его дефиниции в «Энциклопедическом словаре» [32], аналогичной статье в «Большом толковом словаре русского языка» [20, с. 480], позволяет выделить две равноправные семы: «оздоровительная гимнастика» и «способ самозащиты без оружия». В отличие от обыденного восприятия, где *кунг-фу* часто отождествляется исключительно с боевым искусством, данная дефиниция в равной степени акцентирует его оздоровительную функцию. Это позволяет интерпретировать *кунг-фу* не только как технику боя, но и как практику физического развития.

Данные в ассоциативных словарях (см. Таблицу 2) позволяют предположить, что в русском языковом сознании «мастер кунг-фу» является типичной и запоминающейся ассоциацией.

Таблица 2. Частота встречаемости реакции «кунг-фу» на разные слова-стимулы (по данным ассоциативных словарей)

Источник	Стимул	Частота встречаемости реакции «кунг-фу»
РАС	—	—
ЕВРАС	—	—
РАС (Сибирь и Дальний Восток)	мастер	5

ПИ-идеоним *кунг-фу* при коннотативном использовании может обозначать:

1. Драку без оружия.

Например, в данном контексте ПИ-идеоним *кунг-фу* обозначает физическую конфронтацию без оружия, причем не обязательно в целях самозащиты, выражая иронию: *Дерзкие «кунг-фу» панды Принято считать, что панды — ленивые и малоподвижные создания. А вот эти двое, кажется, следят за фигурой и занимаются активными видами спорта, сражаясь между собой.* [Дерзкие «кунг-фу» панды // РИА Новости, 04.01.2015].

2. Агрессивное поведение, имитирующее приемы боевых искусств.

В спортивных контекстах встречается выражение «в стиле кунг-фу», которое служит эвфемистической или иронической характеристикой грубых нарушений правил. При этом действия нарушителя напоминают удары ногами, силовые толчки и другие приемы единоборств.

(1) *«Он меня не укусил, — говорил потом Херрлих. — Просто чуть-чуть погрыз. По крайней мере, я не обнаружил следов на шее». На этом Кинг Кан не успокоился и немного погодя лишь чудом не въехал прямой ногой в живот Стефану Шапюиза, применив эффектный прием в стиле кунг-фу. Примечательно, что судья закрыл глаза на обе выходки баварца, не показав даже желтую карточку. После матча Оливер отшучивался: «Тренер сказал, мы должны плотнее опекать соперников, что я и попытался сделать». Главное, Кан сумел зажесть партнеров, которые в итоге свели матч к ничьей — 2:2* [Сергей Кузовенко. Финал и немцы // Советский спорт, 20.05.2013].

(2) *Местная федерация огорошила: 12-матчевая дисквалификация, полученная за стычку с игроками «Манчестер Сити» в последнем матче сезона-2011/12 (в АПЛ столь свирепых наказаний не было с 1995 года, когда за удар болельщика в стиле кунг-фу Эрика Кантона отлучили от футбола на 8 месяцев), распространялась и на чемпионат Франции.* [Сергей Кузовенко. Весеннее обострение. Изменился ли Джои Бартон после перехода в «Марсель»? // Советский спорт, 16.04.2013].

ПИ-идеоним *китайский дракон* (кит. «лун») — название мифологического существа из китайской мифологии. Анализ его дефиниций из трех энциклопедических источников — 1) «Большого энциклопедического словаря» (2000) [16], 2) «Энциклопедического словаря» [32], 3) «Энциклопедии мифологии» [33] — позволяет выделить следующие семы: 1) категория и происхождение: «дракон в китайской мифологии», «фантастическое существо в китайской мифологии»; 2) функция/сакральная роль: «повелитель водной стихии, облаков, погоды». Следовательно, в энциклопедических словарях образ китайского дракона репрезентируется автономно, без отождествления с образом дракона в западной культуре.

В ассоциативных словарях слово «дракон» зафиксировано как стимул и как реакция (см. Таблицу 3). На основе приведенных данных можно выявить следующее: во-первых, в русском языковом сознании существует ассоциативная связь между стимулом «дракон» и реакцией «Китай», однако она не является доминирующей; во-вторых, сочетание «китайский дракон» в зафиксированных ассоциативных связях отсутствует, что позволяет предположить низкую частотность самого словосочетания «китайский дракон» или его неоформленность в обыденном сознании; в-третьих, стимул «дракон» ассоциируется с разнообразными понятиями, поэтому связь с Китаем — лишь одна из многих, но не единственная.

Таблица 3. Частота встречаемости реакций на стимул «дракон» и частотность самой реакции «дракон» (по данным ассоциативных словарей)

Источник	Стимул	Реакция	Частота встречаемости реакции
РАС	дракон	Китай	3
	государство	дракон	1
ЕВРАС	год	дракон	5
	красный		2
	сердце		2
	голубой		1
	доктор		1
	зло		1

РАС (Сибирь и Дальний Восток)	красный	дракон	2
	белый		1
	великий		1
	год		1
	зеленый		1
	империя		1
	коварство		1
	напористый		1
	сильный		1
	скорлупа		1

Как отмечает Н.В. Немирова, в современных СМИ ПИ *Поднебесная* и *Дракон* регулярно используются для описания китайского геополитического пространства [11, с. 64]. При коннотативном использовании ПИ-идеоним *китайский дракон* обозначает **Китай и/или китайское правительство**. Например,

Озарит ли «оранжевая» заря Гонконга необъятные просторы Срединной империи или очередные демократические протесты закончатся еще одним Тяньаньмэнем? Китайский дракон застыл в ожидании [Сергей Мельников. С зонтиками наперевес // «Огонек», 06.10.2014].

В контекстах также встречается сокращенный вариант — *дракон*, например, в заголовке статьи об отношениях между Россией и Китаем в области политики и экономики: *Огненные объятия Дракона* [Огненные объятия Дракона // «Эксперт», 2015].

В результате компонентного анализа ПИ-идеонима *китайский дракон* можно выделить следующие смысловые компоненты: 1) в энциклопедических словарях — мифическое существо в китайской мифологии; 2) в дискурсе — Китай, китайское правительство.

ПИ-идеоним *Троецарствие* (кит. «Саньго») — название периода в истории Китая, когда три царства долгое время существовали параллельно, вели между собой войны и находились в состоянии равновесия сил, что привело к многолетнему стратегическому тупику. Анализ его дефиниций в энциклопедических словарях — 1) «Большом энциклопедическом словаре» (1993) [17, с. 1170], 2) «Большой советской энциклопедии» [15], 3) «Энциклопедическом словаре китайской культуры» [28, с. 437] — позволяет выделить следующие семы: 1) категория, принадлежность: «период в Китае»; 2) ситуация, субъекты и характер взаимодействия: «политическая раздробленность», «примерно равные силы», «непрерывная борьба между тремя царствами». Сема «непрерывная борьба между тремя царствами» присутствует во всех дефинициях. Это свидетельствует о том, что борьба является наиболее яркой и центральной характеристикой периода Троецарствия в русских энциклопедических словарях.

В использованных ассоциативных словарях слово «Троецарствие» отсутствует как в качестве стимула, так и в качестве реакции.

ПИ-идеоним *Троецарствие* используется для характеристики **ситуации борьбы между тремя примерно равными силами за господство**. Например:

*В Китае есть эпос «Троецарствие». Там три царя борются друг с другом, плетут интриги, устраивают заговоры. Каждый стремится к господству над другими. Эта картина созвучна с тем, что происходит сейчас. По разным прогнозам (не только нашему), основными действующими игроками XXI века станут те цивилизации, у которых будет ВВП свыше 20 трлн долларов и население более 400 млн человек. Кто же это? **Первый игрок** — США с её «провинциями» Мексикой и Канадой, **второй** — Китай, **третий** — Евросоюз. Все остальные — это страны следующего уровня.* [Богатырь в точке бифуркации. Математики спрогнозировали события на Украине // Аргументы и Факты, 26.06.2022].

В данном контексте ПИ-идеоним *Троецарствие* выступает ресурсом для конструирования интерпретативных рамок: современная геополитическая конфигурация (США, Китай, Евросоюз) проецируется на рамку Троецарствия, что позволяет представить международные отношения как трехстороннюю борьбу за доминирование.

Итак, компонентный анализ позволяет выделить семы ПИ-идеонима *Троецарствие*: 1) темпорально-категориальная — период в истории Китая; 2) ситуативная — непрерывная борьба между тремя примерно равными силами за господство, политическая раздробленность. В дискурсе ПИ-идеоним *Троецарствие* используется для характеристики современной геополитической ситуации.

ПИ-идеоним «*нихао*» — китайское приветствие, которое для иностранцев стало первым, даже единственным выражением в общении с носителями китайского языка, что отражает действие принципа экономии в коммуникации и является результатом редукции сложных представлений о Китае.

В результате обращения к распространенным русским энциклопедическим словарям было установлено, что слово «нихао» в них не зафиксировано. Также оно отсутствует в использованных ассоциативных словарях.

Тем не менее, ПИ-идеоним «*нихао*» встречается в русскоязычных контекстах. Наиболее типичным является его использование в качестве названия учреждений, подчеркивающих связь с Китаем и китайской культурой. К таким учреждениям относятся: китайские рестораны, магазины азиатских или китайских продуктов, магазины китайского чая, продавцы китайских товаров, организации китайской направленности и т. п. Например, в социальной сети «ВКонтакте» [18] найдены названия аккаунтов коммерческих учреждений: *Кафе китайской кухни «Нихао»*, *Нихао* | *Магазин азиатских снеков и сладостей*, *Нихао* | *китайский супермаркет*, *НИХАО — Рыба и Морепродукты*, *Nixao Tea* | *Нихао чай Оренбург*, *Нихао Чай Архангельск* | *Nixao Tea*, *Нихао Чай Сургут* | *Nixao Tea*, *НИХАО АВТО* | *Авто из Китая под ключ*, *Турагентство «Нихао Турс»*. Таким образом, «нихао» функционирует как маркер китайской культурной идентичности, особенно в коммерческой сфере, служит средством привлечения внимания к китайским товарам и услугам.

Заключение. Результаты проведенного компонентного анализа энциклопедических и ассоциативных словарей, а также контекстов употребления китайских ПИ-идеонимов в русскоязычном дискурсе свидетельствуют о том, что данные ПИ-идеонимы входят в русское языковое пространство и воспринимаются носителями русского языка в рамках релевантных для них культурно-ценностных моделей.

Большинство исследуемых китайских ПИ-идеонимов реализует характеризующую функцию. *Инь-ян* осмысливается носителями русского языка не только как бинарная оппозиция, но и как единство противоположностей: сема «гармония» выявляется в ассоциациях и дискурсе. *Фэньшуй* в энциклопедических дефинициях репрезентируется как учение, в основе которого лежит идея гармонии; при этом актуализируются прагматические значения, связанные с благополучием и успехом. В семантике *кунг-фу* выделяются переносные значения «драка без оружия» и «агрессивное поведение, имитирующее приемы боевых искусств». *Китайский дракон* используется для обозначения Китая и китайского правительства. *Троецарствие*, отсылая к историческому периоду, служит интерпретативной рамкой для описания геополитических ситуаций в политических контекстах. ПИ-идеоним «*нихао*», напротив, реализует маркирующую функцию: он указывает на китайскую национальную принадлежность, что особенно заметно при номинации учреждений, имеющих связь с Китаем или китайской культурой.

Перспективным представляется дальнейшее выявление роли китайских ПИ-идеонимов в русской языковой картине мира, что требует привлечения дополнительного эмпирического материала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Быкова, Л. В. Немецкоязычная культура как сфера-источник прецедентных феноменов в современных российских печатных СМИ: дис. ... канд. филол. наук / Л. В. Быкова. — Сургут, 2009. — 210 с.
2. Воропаев, Н. Н. О проблемах классификации прецедентных имен и других прецедентных феноменов в китайскоязычном дискурсе / Н. Н. Воропаев // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета, 2012, № 4 (21). — С. 37–42.

3. Давыдова, О. А. Заимствования из китайского в современном русском литературном языке (лексикографический аспект) / О. А. Давыдова // Русская речь, 2025, № 4. — С. 34–44. — DOI: 10.31857/S0131611725040038.
4. Джанаева, В. В. Лингвокогнитивные основы коммуникации: инокультурные прецедентные феномены: дис. ... канд. филол. наук / В. В. Джанаева. — Владикавказ, 2008. — 193 с.
5. Дмитриева, А. В. Прецедентные имена в текстах российской политической рекламы: лингвокультурологический и прагматический аспекты: дис. ... канд. филол. наук / А. В. Дмитриева. — Екатеринбург, 2022. — 327 с.
6. Дулебова, И. В. Прецедентные имена русской культуры и истории в современных словацких СМИ / И. В. Дулебова, Л. Б. Крюкова // Вестник Томского государственного университета, 2017, № 425. — С. 19–25. — DOI: 10.17223/15617793/425/3.
7. Елисеева, С. В. Прецедентные феномены, восходящие к французской культуре, в современной российской и американской прессе: дис. ... канд. филол. наук / С. В. Елисеева. — Сургут, 2010. — 279 с.
8. Маринина, Е. В. Русские прецедентные имена как элемент английской лингвокультуры (на материале словаря Longman dictionary of English language and culture) / Е. В. Маринина // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2017, № 4. — С. 41–52.
9. Нахимова, Е. А. Прецедентное имя Наполеон в отечественных СМИ / Е. А. Нахимова // Политическая лингвистика, 2007, № 23. — С. 107–114.
10. Нахимова, Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации / Е. А. Нахимова. — Екатеринбург: ГОУ ВПО «Уральский гос. пед. ун-т», 2007. — 207 с.
11. Немирова, Н. В. Прецедентность демифологизации концептосферы «Китай» в российском газетном дискурсе / Н. В. Немирова // Вестник Челябинского государственного университета, 2013, № 22 (313). — С. 63–66.
12. Слышкин, Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г. Г. Слышкин. — М.: Academia, 2000. — 128 с.
13. Терещенко, А. В. Прецедентные имена в современном русском и английском языках: статус, семантика, особенности функционирования / А. В. Терещенко // Вестник Томского государственного педагогического университета, 2016, № 11 (176). — С. 76–84.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

14. Богатырь в точке бифуркации. Математики спрогнозировали события на Украине // Аргументы и Факты [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://aif.ru/society/science/bogatyr_v_tochke_bifurkacii_matematiki_sprognozirovali_sobytiya_na_ukraine (дата обращения: 28.12.2025).
15. Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://bse.uaio.ru/BSE/bse30.htm#x000> (дата обращения: 02.03.2026).
16. Большой энциклопедический словарь (2000) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://dic.academich.ru/dic.nsf/enc3p/183362> (дата обращения: 07.03.2026).
17. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. — М., СПб.: Сов. энцикл., Фонд «Ленингр. Галерея», 1993. — 1628 с.
18. ВКонтакте [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://vk.com/> (дата обращения: 10.03.2026).
19. Караулов, Ю. Н. Русский ассоциативный словарь [Электронный ресурс] / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. 2002. — Режим доступа: <http://thesaurus.std-555.ist.mospolytech.ru/dict/> (дата обращения: 08.03.2026).
20. Кузнецов, С. А. Большой толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. — СПб.: «Норинт», 2000. — 968 с.
21. Маникюр «Инь-Ян»: 12 необычных идей для Нового года и зимних будней // Новый очаг [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.novochag.ru/krasota/manikyur/manikyur-in-yan-10-neobychnyh-idei-dlya-novogo-goda-i-zimnih-budnei/> (дата обращения: 11.03.2026).
22. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 10.01.2026).
23. Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Ин-т философии Рос. акад. наук, Нац. обществ.-науч. фонд.; Науч.-ред. совет.: В. С. Степин [и др.]. — М.: Мысль, 2010. — 736 с.
24. Новейший философский словарь (1999) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/newest-dictionary/index.htm> (дата обращения: 22.02.2026).
25. Свадьба в стиле ЗОЖ VS Свадьба в стиле инь-ян. Четыре свадьбы. Сезон 3 // Телеканал «Пятница!» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://weddings.friday.ru/videos/s3/e102> (дата обращения: 11.03.2026).
26. Складская, Г. Н. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Г. Н. Складская [Электронный ресурс]. — М.: Эксмо, 2006. — Режим доступа: <https://xn--h1ajim.xn--p1ai/%D0%A1%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D1%8C:%D1%84%D1%8D%D0%BD%D1%88%D1%83%D0%B9> (дата обращения: 10.04.2026).
27. Современная квартира в стиле инь-ян — дизайн проект // Жилые пространства Italon [Электронный ресурс].

- ресурсе]. — Режим доступа: <https://www.italonceramica.ru/ru/realizovannye-proekty/zhilye-pomesheniya/sovremennaya-kvartira-in-yan/> (дата обращения: 11.03.2026).
28. Сюй, Баофэн. Энциклопедический словарь китайской культуры. Более 1000 важнейших понятий / Сюй Баофэн, Ли Цзя. — М.: Эксмо, 2023. — 750 с.
 29. Черкасова, Г. А. Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС. Т. 1. От стимула к реакции / Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://iling-ran.ru/library/evras/evras_1.pdf? (дата обращения: 20.02.2026).
 30. Черкасова, Г. А. Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус ЕВРАС. Том 2. От реакции к стимулу / Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева. — Москва, 2014. — 793 с.
 31. Шапошникова, И. В. Русский региональный ассоциативный словарь (Сибирь и Дальний Восток). В 2 т. Т. I. От стимула к реакции / И. В. Шапошникова, А. А. Романенко; отв. ред. Н. В. Уфимцева. — М.: Московский институт лингвистики, 2014. — 537 с.
 32. Энциклопедический словарь (2009) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://niv.ru/doc/dictionary/encyclopedia/index.htm> (дата обращения: 20.02.2026).
 33. Энциклопедия мифологии [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_myphology/2989/%D0%9B%D0%A3%D0%9D (дата обращения: 09.03.2026).
 34. 7 фото: слева кулон в виде сердца из селенита, 100 рублей. Справа металлическая подвеска с котами иньян, 300 рублей // ВКонтате [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://vk.com/wall-114426022_339026 (дата обращения: 11.03.2026).

REFERENCES

1. Bykova, L.V. (2009). Nemetskoyazychnaya kul'tura kak sfera-istochnik pretsedentnykh fenomenov v sovremennykh rossiiskikh pechatnykh SMI [German culture as a source of precedent phenomena in contemporary Russian print media] (Doctoral dissertation, Surgut). (In Russian).
2. Davydova, O.A. (2025). Zaimstvovaniya iz kitaiskogo v sovremennom russkom literaturnom yazyke (leksikograficheskii aspekt) [Borrowings from Chinese in the Modern Russian Literary Language (Lexicographic Aspect)]. *Russkaya rech'*, № 4, 34–44. DOI: 10.31857/S0131611725040038. (In Russian).
3. Dmitrieva, A.V. (2022). Pretsedentnye imena v tekstakh rossiiskoi politicheskoi reklamy: lingvokul'turologicheskie i pragmaticheskie aspekty [Precedent names in the texts of Russian political advertising: linguoculturological and pragmatic aspects] (Doctoral dissertation, Ekaterinburg). (In Russian).
4. Dulebova, I.V., & Kryukova, L.B. (2017). Pretsedentnye imena russkoi kul'tury i istorii v sovremennykh slovatskikh SMI [Precedent names of the Russian culture and history in modern Slovak media]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, № 425, 19–25. DOI: 10.17223/15617793/425/3. (In Russian).
5. Dzhanaeva, V.V. (2008). Lingvokognitivnye osnovy kommunikatsii: inokul'turnye pretsedentnye fenomeny [Linguocognitive bases of communication: foreign culture case phenomena] (Doctoral dissertation, Vladikavkaz). (In Russian).
6. Eliseeva, S.V. (2010). Pretsedentnye fenomeny, voskhodyashchie k frantsuzskoi kul'ture, v sovremennoi rossiiskoi i amerikanskoi presse [Precedent phenomena dating back to French culture in the modern Russian and American press] (Doctoral dissertation, Surgut). (In Russian).
7. Marinina, E.V. (2017). Russkie pretsedentnye imena kak element angliiskoi lingvokul'tury (na materiale slovary Longman dictionary of English language and culture) [Russian precedent names as an element of the English linguistic culture (on the material of Longman dictionary of English language and culture)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, № 4, 41–52. (In Russian).
8. Nakhimova, E.A. (2007). Pretsedentnoe imya Napoleon v otechestvennykh SMI [Precedent name “Napoleon” in the Russian mass media]. *Politicheskaya lingvistika*, № 23, 107–114. (In Russian).
9. Nakhimova, E.A. (2007). Pretsedentnye imena v massovoi kommunikatsii [Precedent names in mass communication]. Ekaterinburg: GOU VPO «Ural'skii gos. ped. un-t». (In Russian).
10. Nemirova, N.V. (2013). Pretsedentnost' demifologizatsii kontseptosfery «Kitai» v rossiiskom gazetnom disкурсе [Precedents in demythologization conceptual sphere of the “China” in the Russian newspaper discourse]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, № 22 (313), 63–66. (In Russian).
11. Slyshkin, G.G. (2000). Ot teksta k simvolu: lingvokul'turnye kontsepty pretsedentnykh tekstov v soznanii i disкурсе [From text to symbol: linguocultural concepts of precedent texts in consciousness and discourse]. Moscow: Academia. (In Russian).
12. Tereshchenko, A.V. (2016). Pretsedentnye imena v sovremennom russkom i angliiskom yazykakh: status, semantika, osobennosti funktsionirovaniya [Precedent names in modern Russian and English languages: status, semantics, functioning peculiarities]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, № 11 (176), 76–84. (In Russian).
13. Voropaev, N.N. (2012). O problemakh klassifikatsii pretsedentnykh imen i drugih pretsedentnykh fenomenov v kitaiskoyazychnom disкурсе [Apropos a classification of the names-precedents and other precedent phenomena in the Chinese discourse]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, № 4 (21), 37–42. (In Russian).

Поступила в редакцию 10.06.2026 г.

CHINESE PRECEDENT NAME-IDEONYMS IN THE RUSSIAN LANGUAGE

The article examines the semantics and functioning of Chinese precedent name-ideonyms (*yin-yang*, *feng shui*, *kung fu*, *Chinese dragon*, *Three Kingdoms period*, “*ni hao*”) in the Russian language. The research material includes definitions from encyclopedic dictionaries, data from associate dictionaries, as well as contexts from the Russian National Corpus, media, and social networks. Using componential analysis, the study identifies the semantic and functional features of six Chinese precedent name-ideonyms. The results show that these units enter the Russian linguistic space and are perceived by native speakers through the lens of cultural-value models. *Yin-yang* is understood not only as binary opposition but also as the unity of opposites. *Feng shui* enshrines harmony as a worldview foundation in encyclopedic definitions and develops pragmatic meanings related to well-being and success in discourse. *Kung fu* develops the figurative meanings of “fight” and “aggression”. *Chinese dragon* denotes China and its government. *Three Kingdoms period* serves as an interpretive framework for describing geopolitical situations. Most of these units perform a characterizing function, while “*ni hao*” performs a marking function.

Keywords: *precedent name, precedent name-ideonym, Chinese culture, semantics, functioning, componential analysis.*

Ли Сяофэн.

Государственный институт русского языка им.
А. С. Пушкина, г. Москва, Российская Федерация.
Аспирант третьего года обучения.

Направление подготовки 5.9.5 Русский язык. Языки народов
России.

ORCID 0009-0006-6923-8190.

E-mail: Lxiaofeng@yandex.com.

Li Xiaofeng.

Pushkin State Russian Language Institute,
Moscow, Russian Federation.

Third-year postgraduate student.

The field of study is 5.9.5 Russian Language.
Languages of the peoples of Russia.

ORCID 0009-0006-6923-8190.

E-mail: Lxiaofeng@yandex.com.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Дискурсология и генристика

Научная статья

УДК 81-26

DOI: 10.5281/zenodo.21332212

Д. Т. Вукович © 2026

Государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Московский городской педагогический университет»
Институт иностранных языков
ORCID 0009-0006-6841-7728

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОСЛАВНОГО МИРОВОСПРИЯТИЯ: ПЕРЕВОД РЕЛИГИОЗНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА РАССКАЗОВ «ОТКРОВЕННЫЕ РАССКАЗЫ СТРАННИКА ДУХОВНОМУ СВОЕМУ ОТЦУ»)

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Аннотация: Исследование посвящено анализу способов передачи православной лексики на английский язык. Центром исследования являются концепты и традиции русского православия, не имеющие прямых соответствий в английском языке. Источником эмпирического материала являются сборник рассказов «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу» и его перевод на английский язык, которые ранее не становились предметом отдельного исследования, что составляет новизну данной работы. Сравнительно-сопоставительный анализ позволил выявить и систематизировать комплекс переводческих решений данной лингвокультурологической проблемы. Выявленные приемы оцениваются с точки зрения их эффективности при передаче культурно-маркированных лексических единиц.

Ключевые слова: религиозная лексика, православная лексика, анализ этнокультурной специфики художественного текста, «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу», переводческие трансформации, перевод с русского языка на английский.

Для цитирования: Вукович Д. Т. Особенности православного мировосприятия: перевод религиозной литературы (на материале сборника рассказов «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу») / Д. Т. Вукович // Новые горизонты русистики. — 2026. — № 2. — С. 33–40. — <https://doi.org/10.5281/zenodo.21332212>.

1. Введение

Художественный перевод, выступая мостом между разными культурами, неизбежно сталкивается с проблемой передачи безэквивалентной лексики, глубоко укорененной в национальном мировоззрении и религиозной традиции [7]. Особую сложность в данном вопросе представляют единицы, связанные с вероучением и обрядностью. Данная лексика не просто обслуживает религиозную сферу, но и выступает важнейшим маркером культурной идентичности, отражая исторический путь, духовные искания и бытовой уклад народа. При переводе православной лексики на английский язык, сформировавшийся и развивающийся в иной конфессиональной (преимущественно протестантской) и культурной парадигме, эти единицы требуют от переводчика не только особого лингвистического мастерства, но и глубоких знаний в области культурологии.

Актуальность настоящего исследования обусловлена растущим интересом к вопросам межкультурной коммуникации и переводу как инструменту диалога представителей разных конфессий. В условиях глобализации адекватная передача

национально-специфических элементов, к которым в полной мере относится православная лексика, становится ключом к преодолению культурных барьеров и формированию подлинного понимания «другого» [8; 1]. Трудности перевода таких единиц связаны с фундаментальными различиями в церковной практике, догматике и самой лингвистической традиции: многие православные концепты либо не имеют прямых лексических соответствий в английском языке, либо обладают иной коннотативной нагрузкой, что ведет к риску смысловых потерь или искажений.

Цель работы — выявить, систематизировать и проанализировать комплекс переводческих решений, применяемых для передачи православной лексики в художественном тексте с русского языка (РЯ) на английский (АЯ).

2. Методы и материал исследования

Современные лингвистические исследования демонстрируют отсутствие консенсуса в отношении определения и классификации языковых единиц, относящихся к религиозной сфере. В научном дискурсе, как правило, используют три взаимосвязанных термина: «религиозная лексика», «церковная лексика» и «библейская лексика» (библейзмы).

2.1. Категории религиозной лексики

Наиболее общим понятием выступает религиозная лексика, которая трактуется как широкий комплекс слов и выражений, репрезентирующих концепты, присущие мировым религиям (христианству, исламу, буддизму и т.д.) [12]. Эта категория соотносится с уровнем вероучения и религиозного мировоззрения.

Более узкой и специализированной составляющей религиозной лексики является церковная лексика, которая обслуживает материальную и обрядовую стороны конкретной конфессии [там же]. В ее состав входят наименования, связанные с:

- сакральной архитектурой (храм, собор, монастырь, часовня);
- объектами почитания (икона, крест, реликвия, мощи);
- литургической атрибутикой (потир, дарохранительница, епитрахиль, митра);
- корпусом священных текстов (Библия, Евангелие, требник, молитвенник);
- церковным календарем (Пасха, Рождество, Страстная пятница);
- богослужебной практикой (литургия, таинство, рукоположение, благословение);
- церковной иерархией (патриарх, епископ, священник, монах);
- архитектурой храма (апсида, неф, купол, колокольня);
- предметно-символическим наполнением обряда (лампада, свеча, кафедра, благовоние) [5].

Особого внимания заслуживает выделяемая лингвистами подгруппа контекстуально обусловленной церковной лексики. К ней причисляют общеупотребительные слова, которые в рамках описания религиозной жизни приобретают сакральные коннотации и становятся элементами обряда (например, свеча, скамья, колокол в контексте храма) [6]. Данный феномен наглядно демонстрирует взаимопроникновение бытового и сакрального в языке.

Библейская лексика, или библейзмы, образует отдельный массив устойчивых выражений и слов, восходящих к текстам Ветхого и Нового Заветов. Многие из этих единиц употребляются в светском дискурсе в качестве фразеологизмов или культурных маркеров, вследствие чего прямая связь с религиозным контекстом в некоторых случаях представляется утерянной.

3. Эмпирический материал исследования

В фокусе настоящего исследования находится церковная лексика как конфессионально маркированный сегмент религиозной лексики. В отличие от библейзмов, ее ядро формируют термины и названия, напрямую связанные с догматикой, церковным управлением, обрядностью и культовыми атрибутами. Этот пласт глубоко интегрирован в литургическую традицию христианства и служит существенным элементом культурного кода.

Эмпирическую базу исследования составил корпус лексических единиц, обозначающих православные реалии и понятия, отобранные из сборника рассказов «Откровенные рассказы

странника духовному своему отцу» на русском языке [15] и его перевода на английский «The Way of a Pilgrim: and The Pilgrim Continues His Way» [16]. Общее количество отобранных для анализа лексем из данного сборника составило 155 единиц. Помимо этого, на первом этапе исследования в качестве источника эмпирического материала также использовалась повесть Н. С. Лескова «Запечатленный ангел» [14] — 182 фрагмента.

3.1. Переводческие стратегии, используемые при передаче безэквивалентной лексики

Для решения задач межкультурной коммуникации и преодоления различий при передаче религиозных понятий в переводческой практике применяется ряд ключевых трансформаций. Ниже представлены основные стратегии и приемы, используемые в этой области, представленные в работах В. Н. Комиссарова [3; 4], далее апробированные на материале повести Н. С. Лескова и ее перевода на английский язык («The Sealed Angel», Б. Л. Толемак, 1913 [17]).

1. Транслитерация и транскрипция: эти приемы задействуются для передачи имен собственных, сакральных терминов, названий текстов или уникальных реалий, не имеющих прямых соответствий в языке перевода. Если транскрипция воссоздает звуковую оболочку слова, то транслитерация ориентирована на побуквенную передачу. Их применение в религиозных текстах помогает сохранить оригинальность и идентичность термина, хотя нередко требует пояснительного комментария для адекватного восприятия реципиентом, ср., как это используется на примере имен собственных: *Памва* — *Pamba*; *Зосима* — *Zossima etc.* [14; 17].

2. Калькирование: данная переводческая трансформация заключается в пословном или поморфемном воспроизведении структуры иноязычной единицы. Она эффективна, когда внутренняя форма и образность оригинала могут быть перенесены на другой язык без смысловых потерь и будут понятны читателю перевода, ср. перевод религиозной лексики в произведениях Н. С. Лескова: *староверы* — *Old Believers*; *адописный* — *hell-painted etc.* [14; 17].

3. Генерализация: эта стратегия используется в ситуации отсутствия в культуре перевода конкретного аналога для узконаправленной религиозной реалии. В таких случаях осуществляется замена видового понятия на родовое, что позволяет передать общую идею или функцию, пусть и с определенным снижением степени детализации, например: *Святки, накануне Васильева вечера* — *Christmas time*; *иконы* — *pictures*; *изограф* — *artist*; *храмы* — *churches*; *древний иерей* — *ancient priest*; *иноки* — *monks*; *звон всенощной* — *bells etc.* [14; 17].

4. Экспликация (описательный перевод): к этому приему прибегают, когда иные способы не обеспечивают полноценного понимания специфичной с точки зрения культуры единицы. Переводчик дает краткое разъяснение или определение реалии либо в самом тексте, либо в сноске. Это позволяет восполнить культурный дефицит у аудитории, не нарушая целостности текста, ср.: *божница* — *hut where the icons hung*; *светлобожественный* — *seemed shining with divinity*; *святые мощи* — *dried bodies of saints*; *иноверы* — *those of another faith*; *небожителный* — *dwellers in heaven*; *головщик* — *the leader of the choir*; *зажечь три лампады* — *burn holy oil in three lamps etc.* [14; 17].

5. Культурный/функциональный аналог (адаптация): эта стратегия заключается в замене исходной единицы на функционально близкий элемент из языка перевода. Цель такого приема — сохранить культурные ассоциации и воздействие на читателя. В религиозном переводе аналог подбирается с особой осторожностью, чтобы избежать смысловых или доктринальных искажений, но может использоваться для передачи образных выражений и притч. В качестве примера адаптации можно привести следующий перевод из произведения Н. С. Лескова «Запечатленный ангел»: *раскольники* — *heretics* [14; 17].

Кроме того, анализ текста Н. С. Лескова и его перевода показал, что при передаче некоторых имен, а также единиц, описывающих общие для православия и протестантизма/католицизма концепты, часто используются эквиваленты — устойчивые

соответствия в русском и английском языках: *ангел* — *angel*; *апостолы* — *apostles*; *монастыри* — *monasteries*; *Иродиада* — *Herodias*; *Иосиф* — *Joseph etc.* [14; 17].

4. Результаты исследования

Сборник «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу» представляет собой комплексную переводческую проблему. Переводческие трудности обусловлены уникальным синтезом культурных, исторических и стилистических особенностей оригинального текста и прежде всего включают в себя проблему передачи культурно-специфической религиозной лексики и реалий, глубоко укорененных в русской православной традиции. Параллельно существуют трудности грамматического и структурного характера, связанные с системными различиями языков, а также необходимость замен на лексико-семантическом уровне для передачи нюансов значений.

Однако ключевая сложность заключается в необходимости воссоздания авторского замысла. Переводческая проблема носит комплексный характер: помимо передачи религиозной лексики, перед переводчиком стоят и другие задачи: во-первых, это передача хронологической информации с помощью устаревшей лексики: через архаичный язык — церковнославянизмы, архаизмы, историзмы и синтаксические конструкции, которые создают эффект погружения в эпоху. Переводчик стоит перед выбором: сохранить исторический колорит с помощью архаичных средств английского языка, рискуя создать искусственный текст, или модернизировать речь, утратив возможность погружения в эпоху.

Во-вторых, особая задача — сохранение живой речи рассказчика, поскольку повествование ведется от первого лица, что предполагает передачу социокультурной информации. Повествование ведется от лица человека простого сословия, малограмотного, описывающего самого себя как «бесприютного странника». Его речь насыщена элементами разговорного стиля: частицами (например, *-таки, бы, -ли, неужели*), оценочными суффиксами (*бурачок, дячок*), инверсивными конструкциями (*пришел я в церковь; живет уже давно господин и спасается*), редупликацией глаголов (*ходили-ходили, думал-думал, размышлял-размышлял*) и риторическими вопросами (*где сыскать, кто бы растолковал мне?*). Игнорирование этих элементов ведет к обеднению образа рассказчика и искажению авторского замысла.

На следующем этапе в переводе сборника «*The Way of a Pilgrim: and The Pilgrim Continues His Way*», выполненном священнослужителем Р. М. Френч, были выявлены соответствия религиозных лексем оригинального текста на английском языке. Все единицы были разделены на две группы, первая из которых содержала фрагменты с лексемами, обозначающими общие для протестантизма и православия понятия, к которым были отнесены также ссылки на Священное Писание и сакральные тексты. В данном случае при переводе используются эквиваленты — устойчивые соответствия в РЯ и АЯ. Их количество составило 54 фрагмента.

Отдельную группу составила церковно- и старославянская лексика, характерная для времени написания рассказов (1884). Анализ перевода 155 фрагментов текста позволил выделить следующие стратегии передачи религиозной лексики на английский язык.

1. Эквиваленты (устойчивые соответствия в РЯ и АЯ) (75 случаев из 155): *по милости Божией* — *by the grace of God*; *человек-христианин* — *a Christian man*; *великий грешник* — *a great sinner*; *проповедники* — *preachers*; *проповеди* — *sermons*; *непрестанная молитва* — *unceasing prayer*; *ради Бога* — *in God's name*; *монастырь* — *a monastery*; *живи по заповедям* — *live according to the commandments*; *по виду как будто из духовных* — *who looked like a cleric of some sort*; *повеление Божие* — *the divine command*; *перекрестился* — *crossed himself*; *дабы не впасть в духовное корыстолюбие* — *you might fall into spiritual covetousness*; *добродетели* — *the virtues*; *Священное Писание* — *Holy Scripture*; *распять плоть* — *to crucify the flesh*; *духовное благо* — *spiritual blessings*; *помилуй мя* — *have mercy on me*; *четки* — *beads*; *стал, было, читать утренняя молитвы* — *to say usual morning prayers*; *ищущие Господа* — *those who seek after God*; *староста церковный* — *the churchwarden*; *начали являться искушения* — *temptation began to attack me*; *да будет воля*

Господня — *God's will be done*; Евангелие — *the Gospel*; монах — *a monk*; бесы — *the devils*; в честь Пресвятой Троицы — *in honor of the Holy Trinity etc.* Наличие устойчивых соответствий в большем количестве, чем случаев использования других стратегий, объясняется общими христианскими ценностями у разных ветвей данной религии. Существуют такие общие церковные реалии как *проповедь, монастырь, монах, староста*. Кроме того, известны многие понятия, означающие главные действующие лица христианской картины творения и спасения: *Бог, апостолы, ангелы, архангелы, дьявол*. Наконец, в христианстве есть основополагающие тексты и молитвы, общие для разных направлений этой религии.

2. Описательный перевод (15 случаев): *по времени сказали мне, что в оном селе живет уже давно господин и спасается — one day I was told that in a certain village a gentleman had long been living and seeking the salvation of his soul; ум бо может всегда вперед быть в Бога — the understanding can always be reaching out toward God; духовное окормление — guidance to your soul; старайся отгонять помыслы — try to put all other thoughts aside; окаянный грешный — a lost sinner etc.*

3. Функциональный аналог (10 случаев): *после Троицына дня — after Pentecost; к обедне — during the liturgy; пустынь — monastery; имеет в доме своем церковь — he had a chapel in his house; настоятель добрейший — the abbot was a man of great kindness; странноприимный — hospitable; батюшка — Father etc.*

4. Транскрипция/транслитерация (9 случаев): *святитель Димитрий — St. Dmitri; старцы — startsi; Апостол Павел — the Apostle Paul; св. Исаак Сирин — St. Isaac the Syrian; Добротолюбие — Dobrotolyubie etc.*

5. Генерализация (7 случаев): *схимонах — a monk; мы вошли в келию — we went into his cell; восковые свечи — some candles etc.*

6. Конкретизация (5 случаев): *странники — pilgrims; к святителю Иннокентию Иркутскому (в православии святые почитаются как живые) — to the tomb of St. Innocent of Irkutsk; Апостол из послания к Солунянам — the first Epistle of St. Paul to the Thessalonians etc.*

7. Переводческий комментарий позволяет пояснить оригинальный термин (2 случая): *сия книга называется Добротолюбие — Philokalia (in Russian: Dobrotolyubie). The Love of Spiritual Beauty. The title of the great collection of mystical and ascetic writings by Fathers of the Eastern Orthodox Church, over a period of eleven centuries; дьячок — Dyachok. A minister whose chief liturgical function is to chant psalms and the epistle in the Russian Church.*

8. Метонимический перенос, т.е. переосмысление ситуации, сопровождающееся сменой перспективы повествования и лексико-грамматическими трансформациями (26 случаев): *помолиться — to say my prayers; воздевать молитвенные руки на всяком месте — to pray with uplifted hands; о молитве духом — on spiritual prayer; богоговеинный — devout; все Богу молится — he spent his time in prayer; душепнаительные книги — devotional books; человек богомольный и разумный — a devout and clever person; должно разуметь о творимой умом молитве — should be understood as referring to the creative prayer of the understanding; окончил всех четырех Евангелистов — I had finished all four Gospels; из мертвых воскресший — risen from the dead; он бывало ходит по православным — he used to go from house to house etc.* Метонимические переносы в переводе в основном носят причинно-следственный характер, как на уровне лексики: *богоговеинный, богомольный => devout (набожный, благочестивый)*; так и на уровне структуры: *он все Богу молится => he spent his time in prayer.*

Во время исследования данного текста был обнаружен один случай калькирования: *старец — starets*. Важно отметить, что при использовании данного приема смысл часто не передается так же точно, как при использовании других, так как суть калькирования заключается в воспроизведении структуры иноязычной единицы, однако внутренняя форма оригинала не всегда может быть перенесена на язык перевода без смысловых потерь.

В процессе анализа также было выделено пять случаев опущения религиозных лексем при переводе, ср.: опущение определения *св. святой* и чинов святости, ср.: *Священная Библия*

— *the Bible*. Стоит отметить, что в русском языке у слова *священный* более широкое семантическое поле, в то время как в английском в разных контекстах для разных случаев используются разные слова, например, *divine intervention*, *sacred relics*, *Holy Scripture*, *Saint Peter*. Другие примеры опущения, которые были выявлены в процессе исследования: **преподобный** *Никифор монашествующий* — *Nicephorus*; *любезный и богомудрый старец* — *dear starrets*.

Как представляется, выявленные тенденции при переводе религиозных текстов имеют под собой историческую подоплеку. Как известно, история протестантизма характеризуется акцентом на чтении проповедей, во время которых отрывки из Библии растолковывались прихожанам «простым» языком, без латинских слов и возвышенных выражений, что объясняет в целом более низкий уровень экспрессии английского текста. Стремление к простоте и лаконичности религиозного текста берет начало в церковной реформации Европы. В рамках новой протестантской веры Священные тексты с латыни были переведены на родной язык, что сделало их более понятными и одновременно менее возвышенными [13]. Как представляется, данная тенденция объясняет, например, случаи перевода архаизмов с помощью современных аналогов (*сведущий* — *skilled*; *глас* — *voice*; *помыслы* — *other thoughts*) или опущение данных единиц. Для передачи возвышенных архаичных оборотов с помощью нейтральной лексики в переводе используются метонимические переносы (*воздевать молитвенные руки* — *to pray with uplifted hands*), описательный перевод (*ум бо может всегда вперед быть* — *the understanding can always be reaching out toward God*), однако прагматика данных фрагментов при переводе чаще всего теряется.

Несмотря на частотные случаи опущения церковно- и старославянской лексики при переводе, тем не менее, в некоторых случаях в тексте перевода используются английские архаизмы, способствующие воссозданию уникальной атмосферы русского оригинала, ср.: *корыстолюбие* — *covetousness* (ср.: совр. *greed*); *сочинять* — *vouchsafe* (ср.: совр. *create*). Ср. также: *как повелел мне старец* — *as he bade me* (ср.: совр. *command*); *аще алчет враг твой* vs *if thine enemy hunger*; *хотящу ризу твою взяти, отдаждь ему и срачицу* vs *and if any man will take away thy coat, let him have thy cloak also*.

5. Заключение

Таким образом, анализ перевода исследуемого произведения демонстрирует значительные расхождения, прежде всего, на культурном уровне, которые также сопровождаются необходимостью лексико-грамматических трансформаций и стилистической адаптации текста. Столь серьезные расхождения на различных уровнях анализа текста неизбежно ведут к определенным потерям в результате использования генерализации терминов, сопровождающимся упрощением понятий или опущением целого ряда единиц. Несмотря на тот факт, что перевод был выполнен священнослужителем, имеющим четкое представление о религиозных концептах двух культур, перевод на английский представляет более адаптированную для современного читателя версию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Викулова, Л. Г. Национальная идентичность в контексте инаковости: языковая репрезентация оппозиции "свой" — "чужие" во французской литературе XX века (на материале сборника эссе Ф. Мориака "Чёрная тетрадь") / Л. Г. Викулова, О. А. Кулагина // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. — 2013. — № 2(12). — С. 33–42. — EDN REVTHB.
2. Иванов, В. Е. Об использовании переводческих трансформаций при передаче культурем / В. Е. Иванов, Н. М. Нестерова // Нижневартковский филологический вестник. — 2024. — № 2. — С. 117–124. — DOI:10.36906/2500-1795/24-2/10. — EDN GNIZMO.
3. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение: учебное пособие / В. Н. Комиссаров. — М.: Р. Валент, 2017. — 408 с.
4. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) / В. Н. Комиссаров. — М.: Альянс, 2019. — 253 с.
5. Макаров, Н. С. Церковная лексика как лексическая категория / Н. С. Макаров // Филологические науки в МГИМО. — 2024. — Т. 10, № 2. — С. 38–49. — DOI: 10.24833/2410-2423-2024-2-39-38-49. — EDN GVJGPL.

6. Макаров, Н. С. Контекстуально обусловленная церковная лексика как часть лексической категории «церковная лексика» / Н. С. Макаров // Филологические науки в МГИМО. — 2025. — Т. 11, № 1. — С. 43–60. — DOI: 10.24833/2410-2423-2025-1-41-43-60. — EDN YRWEQZ.
7. Основы концептного анализа художественного произведения : Учебное пособие для студентов магистратуры, обучающихся по направлению подготовки "Лингвистика" / О. В. Афанасьева, К. М. Баранова, В. С. Машошина, О. Г. Чупрына. — М.: Общество с ограниченной ответственностью «Диона», 2019. — 130 с. — EDN UIBOTX.
8. Тарева, Е. Г. Межкультурный подход к подготовке современных лингвистов / Е. Г. Тарева // Проблемы теории, практики и дидактики перевода : сборник научных трудов. — Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2011. — С. 237–244. — EDN VXYCMH.
9. Усенко, А. А. Переводческие трансформации как объект лингвистического исследования / А. А. Усенко // Чтения молодых учёных : Материалы VIII Международной очно-заочной научно-практической конференции, Горловка, 07–08 апреля 2022 года. — Горловка: Горловский институт иностранных языков, 2022. — С. 356–357. — EDN ZVVNAV.
10. Федоров, А. В. Основы общей теории перевода (Лингвист. пробл.). [Учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз.] / А. В. Федоров. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Высш. шк., 1983. — 303 с.
11. Чеботарева, В. Р. Переводческий аспект интерпретации художественного текста: грамматические трансформации (на материале "the Master and Margarita" by M. Bulgakov) / В. Р. Чеботарева // Актуальные научные исследования в современном мире. — 2020. — № 5–8(61). — С. 267–273. — EDN YYGKID.
12. Якимов, П. А. О сущности понятия "религиозная лексика" в современной лингвистике / П. А. Якимов // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2011. — № 11(130). — С. 74–76. — EDN OPVHFH.
13. Стилистические аспекты перевода : учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. образования / [О. А. Сулейманова, Н. Н. Беклемешева, К. С. Карданова и др.]. — М.: Издательский центр «Академия», 2010. — 176 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

14. Лесков, Н. С. Собрание сочинений в шести томах. М.: Издательство «Правда», 1973. — Т. 2. Соборяне. Запечатленный ангел.
15. Откровенные рассказы странника духовному своему отцу. — 3-е изд. — Paris: YMCA-press, 1948. — 292 с.
16. Reginald M. French. The Way of a Pilgrim: And The Pilgrim Continues His Way. — Harper Collins, 1991. — 244 с. — ISBN 9780060630171.
17. The Sealed Angel from Russian Sketches, Chiefly of Peasant Life. Translated by Beatrix Tollemache.

REFERENCES

1. Vikulova, L. G., & Kulagina, O. A. (2013). Natsional'naya identichnost' v kontekste inakovosti: yazykovaya reprezentatsiya oppozitsii "svoi" — "chuzhie" vo frantsuzskoy literature XX veka (na materiale sbornika esse F. Mauriac "Chyornaya tetrad") [National identity in the context of otherness: the linguistic representation of the "us — them" opposition in 20th-century French literature (based on F. Mauriac's essay collection The Black Notebook)]. Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie [Bulletin of Moscow City University. Series: Philology. Theory of Language. Language Education], (2(12)), 33–42.
2. Ivanov, V. E., & Nesterova, N. M. (2024). Ob ispol'zovanii perevodcheskikh transformatsiy pri peredache kul'turem [On the use of translation transformations in conveying culture-specific elements]. Nizhnevartovskiy filologicheskii vestnik [Nizhnevartovsk Philological Bulletin], (2), 117–124. DOI: 10.36906/2500-1795/24-2/10.
3. Komissarov, V. N. (2017). Sovremennoe perevodovedenie [Modern translation studies]. R. Valent. 408 pp.
4. Komissarov, V. N. (2019). Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty) [Theory of translation (linguistic aspects)]. Alyans. 253 pp.
5. Makarov, N. S. (2024). Tserkovnaya leksika kak leksicheskaya kategoriya [Church vocabulary as a lexical category]. Filologicheskie nauki v MGIMO [Philological Sciences at MGIMO], 10(2), 38–49. DOI: 10.24833/2410-2423-2024-2-39-38-49. EDN: GVJGPL.
6. Makarov, N. S. (2025). Kontekstual'no obuslovlennaya tserkovnaya leksika kak chast' leksicheskoy kategorii "tserkovnaya leksika" [Contextually determined church vocabulary as part of the lexical category "church vocabulary"]. Filologicheskie nauki v MGIMO [Philological Sciences at MGIMO], 11(1), 43–60. DOI:10.24833/2410-2423-2025-1-41-43-60.
7. Afanasyeva, O. V., Baranova, K. M., Mashoshina, V. S., & Chupryna, O. G. (2019). Osnovy kontseptnogo analiza khudozhestvennogo proizvedeniya [Fundamentals of conceptual analysis of a literary work]. Diona. 130 pp.
8. Tareva, E. G. (2011). Mezkhul'turnyy podkhod k podgotovke sovremennykh lingvistov [An intercultural approach to training modern linguists]. In Problemy teorii, praktiki i didaktiki perevoda [Problems of theory, practice, and didactics of translation] (pp. 237–244). Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N. A. Dobrolyubov.

9. Usenko, A. A. (2022). Perevodcheskie transformatsii kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya [Translation transformations as an object of linguistic research]. In Chteniya molodykh uchyonykh [Readings of young scientists]: Proceedings of the 8th International part-time scientific and practical conference (Gorlovka, April 7–8, 2022) (pp. 356–357). Gorlovka Institute of Foreign Languages.
10. Fedorov, A. V. (1983). Osnovy obshchey teorii perevoda (Lingvist. probl.) [Fundamentals of the general theory of translation (Linguistic problems)] (4th ed., rev. and enl.). Vysshaya shkola. 303 pp.
11. Chebotareva, V. R. (2020). Perevodcheskiy aspekt interpretatsii khudozhestvennogo teksta: grammaticheskie transformatsii (na materiale "The Master and Margarita" by M. Bulgakov) [The translation aspect of literary text interpretation: grammatical transformations (based on The Master and Margarita by M. Bulgakov)]. Aktual'nye nauchnye issledovaniya v sovremennom mire [Current scientific research in the modern world], (5–8(61)), 267–273.
12. Yakimov, P. A. (2011). O sushchnosti ponyatiya "religioznaya leksika" v sovremennoy lingvistike [On the essence of the concept "religious vocabulary" in modern linguistics]. Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Orenburg State University], (11(130)), 74–76.
13. Suleymanova, O. A., Beklemesheva, N. N., Kardanova, K. S., et al. (2010). Stilisticheskie aspekty perevoda [Stylistic aspects of translation]. Akademiya. 176 pp.

Поступила в редакцию 02.05.2026 г.

D. T. Vukovich

**RUSSIAN ORTHODOX CHRISTIAN WORLDVIEW: TRANSLATING RELIGIOUS LITERATURE
(BASED ON COLLECTION OF STORIES "THE WAY OF A PILGRIM" AND "THE PILGRIM
CONTINUES HIS WAY")**

The study looks into the ways of conveying Eastern Orthodox church vocabulary into English. The research focuses on the concepts and traditions of Russian Orthodoxy that do not have direct equivalents in the English language. The source of empirical material is the collection of stories "The way of a pilgrim" and "The pilgrim continues his way", dating back to 1884, and its translation into English, which have not previously become the subject of an independent study. Comparative analysis made it possible to identify and systematize a set of translation solutions to this both linguistic and cultural problem. The identified strategies are evaluated in terms of their effectiveness in rendering culturally marked lexical units into another language and culture.

Keywords: *religious vocabulary, Orthodox vocabulary, analysis of the ethnic and cultural specifics of a literary text, "The way of a pilgrim" and "The pilgrim continues his way", translation transformations, translation from Russian into English.*

Вукович Даниэла Тихомировна.

Московский городской педагогический университет», Институт иностранных языков, г. Москва, Российская Федерация.
Студент 1 курса магистратуры.
Направление подготовки 45.04.02 Лингвистика, профиль «Перевод. Межкультурная коммуникация».
ORCID 0009-0006-6841-7728.
E-mail: dv85252@gmail.com

Vukovich Daniela Tikhomirovna.

Moscow City University, Institute of Foreign Languages, Moscow, Russian Federation.

1st year master's student.

The field of study is 45.04.02 Linguistics, profile "Translation. Intercultural communication".

ORCID 0009-0006-6841-7728.

E-mail: dv85252@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья

81`373.49

DOI: 10.5281/zenodo.21332364

П. Р. Шведченко¹, В. А. Рязанова² © 2026

¹⁻²Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»

¹ORCID 0009-0003-9697-0473

²ORCID 0000-0002-7517-8589

СООТНОШЕНИЕ ЭТИЧЕСКОГО И МАНИПУЛЯТИВНОГО АСПЕКТОВ ЭВФЕМИЗАЦИИ В ТЕКСТАХ ДОНЕЦКИХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Статья посвящена исследованию эвфемизмов и тактик их использования в средствах массовой информации, которые освещают военный конфликт, протекающий в Донбассе, и социально-бытовые проблемы его жителей. Актуальность работы заключается в необходимости лингвопрагматического анализа донецких СМИ, в которых эвфемизация становится ключевым механизмом конструирования альтернативной реальности. Разделение эвфемизмов на этические и манипулятивные позволяет выявить, как с помощью языковых средств осуществляется делегитимация противника, нейтрализация негативных коннотаций и управление эмоциональным восприятием целевой аудитории. В результате анализа примеров использования эвфемизмов в донецких СМИ было выявлено, что в текстах военной тематики преобладают эвфемизмы этической направленности, призванные защитить аудиторию от шокирующего воздействия негативной информации, а в текстах социально-бытовой направленности эвфемизмы используются в первую очередь в манипулятивном аспекте — для формирования более позитивной картины в сознании аудитории и преуменьшения масштаба сложившихся социально-бытовых проблем.

Ключевые слова: эвфемизм, медиадискурс ДНР, этическая эвфемизация, манипулятивная эвфемизация, языковое воздействие, военный конфликт, социально-бытовой кризис.

Для цитирования: Шведченко П. Р. Соотношение этического и манипулятивного аспектов эвфемизации в текстах донецких информационных интернет-ресурсов / П. Р. Шведченко, В. А. Рязанова // Новые горизонты русистики. — 2026. — № 2. — С. 41–50. — <https://doi.org/10.5281/zenodo.21332364>.

Исследование выполнено в рамках государственного задания «Языковое пространство города: собственно лингвистический, социолингвистический, лингвокультурологический и психолингвистический аспекты рассмотрения» (№ 126051921056-8).

Введение

Эвфемизмы играют значительную роль в публичной коммуникации, оказывая влияние на восприятие информации широкой аудиторией. В публицистическом тексте эвфемизмы служат не только для предотвращения шокирующего воздействия на читателя, но и для формирования необходимой тональности, позволяя авторам смягчить высказывания по социальным и политическим вопросам.

Актуальность исследования обусловлена сложившейся спецификой регионального донецкого медиаполя, в котором сосуществует две магистральные проблемные сферы — военные действия и социально-бытовые проблемы. При описании данных тематик донецкие СМИ задействуют **разные тактики эвфемизации**.

Объектом данного исследования является медиадискурс донецких СМИ, формирующий картину мира у целевой аудитории в условиях военно-политического конфликта и коммунального кризиса. **Предметом** выступают этическая и манипулятивная

тактики эвфемизации, используемые донецкими информационными ресурсами при описании двух различных проблемных сфер.

Цель представленного исследования заключается в определении соотношения этических и манипулятивных эвфемизмов в текстах военной и социально-бытовой тематики. Для достижения цели необходимо решить следующие **задачи**: дать определение термину *эвфемизм*; рассмотреть подходы исследователей к определению назначения эвфемизмов и их основных параметров; изучить техники эвфемизации; проанализировать, как СМИ и информационные интернет-источники ДНР используют эвфемизмы в текстах военной и социально-бытовой тематики и каким образом анализируемые языковые средства влияют на формирование общественного мнения и эмоций.

Материалом исследования послужили тексты информационных интернет-ресурсов «Типичный Донецк | Новости» (режим доступа: <https://vk.com/itsdonetsk1869>) и «АРМИЯ ГОРЯЩИХ СЕРДЕЦ (АГС) ДОНБАССА» (режим доступа: https://vk.com/ags_donbass).

В ходе работы применялись следующие **методы**: для отбора языкового материала использовался метод сплошной выборки; с помощью семантического анализа восстанавливалась табуированная лексика, скрытая за использованными эвфемизмами; метод классификации использовался для определения функционального типа эвфемизмов; при описании особенностей использования и влияния эвфемизмов на аудиторию использовался метод анализа и описания.

Исследование эвфемизации в русистике

Эвфемизм (от греч. *eupheteo* «говорю вежливо») — продолжение табуизмов; это «слово, употребляемое для не прямого, прикрытого обозначения какого-нибудь предмета или явления, называть которое его прямым именем в данной обстановке неудобно, неприлично, не принято» [10]. Эвфемизм является нейтральным по смыслу и эмоциональной нагрузке словом или описательным выражением, используемым в текстах и публичных выступлениях для замены других, считающихся неприличными или неуместными, слов и выражений. Явление эвфемистической замены находится в центре пересечения экстралингвистических и лингвистических проблем, так как использование эвфемизмов обусловлено социальными причинами.

В отечественной лингвистике исследование эвфемизмов началось с 1960-х гг. в трудах Б. А. Ларина, Л. А. Булаховского, Ж. Ж. Варбота, А. А. Реформатского, В. Буй. На современном этапе развития языковой теории эвфемизмы активно анализируются в рамках социолингвистики (Г. А. Вильданова, Е. О. Милоенко), лингвокультурологии (Н. В. Тишина, Л. В. Порохницкая), когнитивной лингвистики (Н. В. Терещенко, О. С. Цыдендамбаева) и лингвопрагматики (Е. В. Кипрекая, Л. В. Савватеева).

Б. А. Ларин в работе «Об эвфемизмах» (1961) предложил стилистическую классификацию эвфемизмов, основываясь на их социальной природе. Учёный выделяет общеупотребительные эвфемизмы национального литературного языка; классовые и профессиональные эвфемизмы; семейно-бытовые эвфемизмы. Также исследователь предложил структурную классификацию, выделив «однословные эвфемизмы» и «эвфемистические речения» [4, с. 23]. К первой группе относятся отдельные слова, например, «веселоньки» вместо «пьяный», ко второй — фразеологические сочетания, например, «уйти на заслуженный отдых» вместо «уйти на пенсию» [4, с. 24]. Б. А. Ларин отмечал недолговечность эвфемизмов: при исчезновении запрета на упоминание в речи какого-то явления, сразу отпадает необходимость в эвфемизации. Так эвфемизм «Освободи нас!» использовался вместо современного нейтрального «высморкайся», «недомогание» — вместо «менструация», «кончина» — вместо «смерть» [4, с. 24].

Л. А. Булаховский изучил звуковую аналогию табуированных слов, а именно слова-паронимы, заменяющие неподходящее слово похожим по звучанию с отличным лексическим значением. Функция эвфемистической замены в его понимании — возможность говорить без опасения вызвать стоящие за словом злые силы. Звуковая аналогия на современном этапе

используется в основном для сокрытия прямой номинации ругательств, в связи с чем Л. А. Булаховский предложил разграничивать пережиточно сохранившиеся слова-заменители по запретам древних религий от современных эвфемизмов [1].

А. А. Реформатский классифицировал эвфемизмы, основываясь на том, какие именно табуированные слова они заменяют, и выделил следующие категории: сверхъестественные существа («он» вместо «чёрт» или «леший»); смерть и болезни («она» вместо «смерть»); человеческие недостатки («недослышит» вместо «глухой», «незрячая» вместо «слепая») [8]. Исследователь также обосновал понятие обратной эвфемизации, при которой «приличные наименования заменяются неприличными» («пришить» — «убить», «купить» — «украсть») [8, с.107].

Л. П. Крысин выделил сферы, в которых чаще всего используются эвфемизмы: 1) дипломатия и политика, где такие слова служат для замены прямых, агрессивных или конфликтных формулировок ради сохранения репутации и избегания открытой агрессии в международном общении; 2) ограничения и правопорядок, где эвфемизмы применяются для снижения негативного восприятия насилия, ограничения свобод или применения мер наказания; 3) государственная и военная тайна: замены используются для сокрытия истинной природы объектов или деятельности от посторонних; 4) деятельность силовых структур, где эвфемизация связана с секретностью и недопущением утечки информации; 5) сфера распределения и обслуживания, в которой эвфемизмы призваны смягчить неприятный факт отсутствия товаров или неформальный характер их получения; 6) межнациональные и социальные отношения: здесь эвфемизмы используются для сокрытия острых конфликтов, дискриминации или социального неравенства; 7) повышение престижа профессий: эвфемизмы используются для гуманистических или рекламных целей, когда необходимо повысить статус профессии или скрыть ее неприглядную сторону [3, с. 385–386].

Эвфемизмы, по мнению Л. П. Крысина, активнее всего используются в сферах, где существует высокий риск социального конфликта или где требуется защита информации. Во всех этих случаях их главная функция — управление восприятием, смягчение негативной реакции (вежливость), либо сознательное сокрытие истинного положения дел (манипуляция).

Е. П. Сеничкина в предисловии к «Словарю эвфемизмов русского языка» называет 4 специфических признака, которыми обладают эвфемизмы:

- денотат эвфемизма соотносится с предметом или явлением, характеризующимся негативной оценкой или негативной коннотацией;
- эвфемизм по сравнению со исходным словом обладает семантической редукцией;
- характер денотата эвфемизма улучшается по сравнению с денотатом исходного слова;
- данное улучшение действует на формальном, но не на семантическом уровне, вследствие чего и говорящему, и адресату ясно, о чём идёт речь [9, с. 6].

В широком понимании эвфемизмы, согласно замечаниям Е. П. Сеничкиной, делятся на эвфемизмы-табуизмы и факультативные эвфемизмы. Табуированные эвфемизмы, в свою очередь, подразделяются на следующие категории: устаревшие эвфемизмы, которые когда-то заменяли запретные слова, но сейчас их табуированность почти забыта (например, «лукавый» вместо «черт»), и современные эвфемизмы, которые заменяют понятия, настолько табуированные, что для них нет нейтральных слов в литературном языке (бранные слова, нецензурная лексика, обозначения интимных частей тела или действий и т. д.) [9, с. 10].

Факультативные эвфемизмы — замены слов, которые не являются строго необходимыми. «Коммуникация состоится и в случае, если говорящий прямо скажет о ком-либо: *он хромой, он глуп* и т.п.» [9, с. 10], однако в современном общении, где важна вежливость и тактичность, именно факультативные эвфемизмы составляют большинство замен слов.

Эвфемизмам присуща временная динамика табу: один и тот же эвфемизм может утрачивать связь с запретным денотатом, ключевым признаком современного смягченного выражения является отсутствие семантической необходимости. Эвфемизм используется по той

причине, что заменяемое выражение «режет слух»; признак факультативности означает, что эвфемизм становится инструментом этического выбора, а не лингвистической обязательности.

Эвфемизмам также присуща семантическая производность. Они не являются новыми словами, а представляют собой вторичную номинацию для уже названных денотатов. Признак двуплановости заключается в том, что эвфемизм всегда содержит отсылку к своему прямому значению через метафору (*виртуальная зарплата*) или через метонимию (*камчадалы* для обозначения двоечников; номинация географического объекта *Камчатка* используется как обозначение определённого уклада жизни или группы людей, в данном случае — учеников).

В лингвистике существует множество классификаций способов образования эвфемизмов, которые были объединены В. П. Москвиным [6] в единую систему на основе принципа речевого действия, в результате чего исследователем были сформулированы 4 способа образования эвфемизмов.

1. Эвфемизация на основе **нарочито двусмысленной речи**, при которой замена возникает за счёт использования слов в небуквальном смысле. Частными случаями такого способа эвфемизации является металепсис («*останавливаться*» вместо «*справлять нужду*»); **метафора** («*ушел в мир иной*» вместо «*умер*»); **антифразис** («*аромат*» вместо «*вонь*»); **паронимическая замена, или «фонетическая аллюзия»** («*Тмутаракань*» вместо «*тараканы*»).

2. Эвфемизация на основе **нарочитой неясности**: здесь смысл намеренно размывается и становится понятным только из контекста или ситуации. Сюда относятся **прономинализация** («*это*», «*кое-куда*» вместо конкретных обозначений), **гиперонимизация** («*насекомое*» вместо «*вошь*») и перифразирование («*виноградный порок*» вместо «*алкоголизм*»), **антономасия** (замена названия описательным оборотом или указанием на признак: «*огненная вода*» вместо «*водка*»), **эллипсис** («*сунули [взятку] ?*»); **искусственная книжность** («*субъект*» вместо указания на конкретное лицо).

3. **Нарочито неточная речь («язык обмана»** по Р. У. Хольдеру): смягчение происходит за счёт намеренного преуменьшения или смещения оценки. Сюда относятся **перенос «с вида на вид»** («*позаимствовать*» вместо «*украсть*»); **синекдоха** («*бюст*» вместо «*грудь*»); **мейозис** («*нетрезвый*» вместо «*пьяный*»).

4. **Прямое наименование, не отягощённое негативными бытовыми ассоциациями или коннотациями**: это, прежде всего, **книжные слова и термины** (*педикулез, испражнения*), а также **иноязычные заимствования**, неосвоенные языком («*эрутировать*» вместо «*рвать*»).

Функциональная классификация эвфемизмов по А. Р. Дегтярёвой подразумевает выделение зоны говорящего и слушающего. С точки зрения говорящего эвфемизмы разделяются на интенционально не нагруженные (автоматические) и интенционально нагруженные. Последние используются «а) с целью минимизации правовых рисков («*открытый рейдерский захват чужой интеллектуальной собственности*» вместо «*воровство авторской программы*»); с целью минимизации этических рисков (например, «*подошла дама преклонных лет*» вместо «*подошла старуха*»)» [2, с. 128].

Наконец, в современном медиадискурсе можно выделить 2 группы эвфемизмов в зависимости от их предназначения.

Первую группу можно обозначить как **этические эвфемизмы**. Это замены, возникающие с связи со стремлением автора проявлять такт или соблюсти морально-этические нормы. Цель этической эвфемизации — не скрыть, а называть уважительно; сюда относятся термины, связанные с инвалидностью, расовой идентичностью и т. п. В медиапространстве ДНР данная группа эвфемизмов используется для нейтрализации информации о раненых, погибших, инвалидах, а также для смягчения наименования военных действий: «*обезвредить*» вместо «*убить*», «*деструктивный*» вместо «*разрушительный*» и т. п.

Манипулятивные эвфемизмы являются «средством воздействия на <...> общество с целью полного изменения представления о тех или иных явлениях, событиях» [5, с. 87–88]. С помощью манипулятивных эвфемизмов создаётся удобный образ политика, оправдываются поступки, решения, дискредитируется деятельность оппонентов и т. п. В политическом, экономическом и корпоративном дискурсах манипулятивная эвфемизация формирует альтернативную лингвистическую реальность, затрудняя критическую оценку событий. В медиадискурсе Донбасса такой приём используется в основном при освещении социально-бытовых вопросов, обострение которых связано в первую очередь с прекращением подачи воды по каналу «Северский Донец — Донбасс», в результате чего множество крупных городов ДНР оказались в условиях сложнейшего водного дефицита, а также с кадровым кризисом в сфере коммунального хозяйства. Согласно исследованию М. Н. Панчехиной, проблема водоснабжения оказала настолько глубокое влияние на жизнь дончан, что в их языковом сознании наблюдается трансформация лексико-семантического поля «вода» [7].

Манипулятивная эвфемизация граничит с дезинформацией. В. П. Москвин проводит чёткое различие между эвфемией и дезинформацией: если эвфемия призвана смягчить высказывание, сделать его более уместным в конкретной ситуации, при этом не искажая правду, то дезинформация же, напротив, является преднамеренным искажением фактов, сознательным нарушением точности с целью обмануть адресата [6, с. 61].

Манипулятивные и этические эвфемизмы в медиаполе ДНР

Системное использование эвфемизмов в публицистике Донецкой Народной Республики объясняется несколькими факторами: желанием избежать формулировок, которые могут быть расценены как признание неудачи на поле боя; дистанцировать аудиторию от темы смерти и разрушений с обеих противоборствующих сторон; снизить тревожность и создать видимость контроля над ситуацией в условиях социально-бытового кризиса. Таким образом, в донецких СМИ эвфемизмы выполняют две функции — этическую и манипулятивную, однако в текстах различной тематики эти функции реализуются в разном соотношении.

Тематика военных действий

С этической точки зрения смягчающие выражения в донецких текстах используются, когда речь идёт о потерях среди населения и вооружённых сил, о страданиях гражданских людей. Необходимо защитить чувства родственников, не травмировать население, сохранить достоинство погибших. Стилистический приём строится на смягчении, обезличивании противника, параллельно делается акцент на страданиях или подвиге «своих»: *«получил смертельное ранение»* вместо *«был убит»* — классический случай эвфемизации, где принцип истинности не нарушается, а коммуникативной целью является этическая защита, при этом адресат понимает суть произошедшего; *«боевики ВСУ»* как способ этической дистанции от противника; *«неприятная ситуация на участке фронта»* как смягчение информации о поражении. Здесь дезинформация отсутствует, поскольку нет искажения факта, есть только изменение формы его подачи.

Манипулятивная эвфемия строится на маскировке необходимых, но жестоких мер, различных неудач и формировании образа противника, например: *«активные действия»* вместо *«штурм»*, *«санирование территории»* вместо *«зачистка»*, *«демилитаризация»* или *«денацификация»* для обозначения наступления, *«отход на заранее подготовленные позиции»* вместо *«отступление»*.

При этом эвфемизация в текстах военной тематики сопровождается дисфемизацией в отношении противника. Украинские военнослужащие систематически именуются не по принадлежности к армии, а как *«каратели»*, *«нацики»*, *«боевики»* (противоположная сторона использует аналогичные приёмы, называя военных, участвующих в боевых действиях со стороны ДНР, *«террористами»*, *«сепаратистами»*, *«боевиками»*). В обоих

случаях происходит подмена: вместо нейтрального или юридически точного обозначения (*военнослужащий, ополченец*) используется оценочное наименование, которое не столько смягчает, сколько искажает реальный статус субъекта, что является примером того, как эвфемистическая по форме операция (замена прямого наименования) становится дезинформационной по сути, поскольку она исключает возможность признания легитимности другой стороны.

Реализацию различных механизмов эвфемизации в текстах военной тематики лучше всего продемонстрировать на конкретных примерах из анализируемых источниках (орфография и пунктуация авторов публикаций сохранены).

1. *«Ведутся активные бои за Никифоровку, и прилегающие к ней лесополосы. Отсюда до лесополос, расположенных на южном охвате Федоровки Второй - "серая зона" с присутствием отдельных штурмовых групп ВС РФ»* (Информационный ресурс АРМИЯ ГОРЯЩИХ СЕРДЕЦ (АГС) ДОНБАССА»; режим доступа: https://vk.com/ags_donbass).

«Серая зона» — военный термин, применяемый в условиях проведения СВО как своеобразный эвфемизм. Фраза скрывает и смягчает реальное состояние места — фактическое наличие боевых действий, контроля противника или отсутствия контроля какой-либо стороной. «Серая зона» заменяет понятия типа *«незакреплённый или оспариваемый район»*, *«зона активных столкновений»* или *«территория с постоянными обстрелами / зачистками»*. Эвфемизм уменьшает восприятие опасности и серьёзности ситуации для аудитории. При его образовании использованы гиперонимизация — перенесение с рода на вид, замена конкретного понятия абстрактным родовым понятием «зона»; метафорическая номинация — использование метафоры «серая» вместо описания насилия или тактической ситуации. Метафора выполняет функцию размывания реальности, так как цвет не имеет прямого отношения к военным действиям, но создает иллюзию статичности и неопределённости вместо динамики боя.

2, 3. *«Как и ожидалось, <...> снимают часть резервов, чтобы попытаться стабилизировать здесь **коллапсирующий фронт**. <...> любые действия в ближайшие несколько суток будут проводиться по очеретинскому сценарию, т.е через **тотальное сжигание человеческого ресурса**...»* (Информационный ресурс АРМИЯ ГОРЯЩИХ СЕРДЕЦ (АГС) ДОНБАССА»; режим доступа: https://vk.com/ags_donbass).

Эвфемизм «*коллапсирующий фронт*» заменяет более жёсткое и прямое выражение, такое как «поражение», «катастрофа» или «разгром». Эти слова прямо указывают на ухудшающуюся ситуацию на поле боя, в то время как эвфемизм смягчает её восприятие. Эвфемизация достигается путём введения искусственной книжности: медицинский термин *коллапсирующий* звучит отстранённо, академично и скрывает ужас происходящего (смерти, хаоса, поражения).

Эвфемизм «*тотальное сжигание человеческого ресурса*» пытается заменить более откровенные и жёсткие выражения, такие как «*массовая гибель*», «*потери*», «*уничтожение людей*» или «*жертвы*». Использование эвфемизма позволяет говорить о теме, которая вызывает сильные эмоции, без прямого упоминания жестокой реальности потерь. С другой стороны, метафора «*человеческий ресурс*», используемая вместо «люди», «противник», «население», дегуманизируют высказывание. Происходит подмена понятия человеческой жизни абстрактным оборотом, позволяющая дистанцировать войска от морально-этических вопросов, связанных с неизбежными жестокими последствиями ведения боевых действий, наступления и обороны.

Тематика социально-бытовых проблем

Здесь, как было сказано, наиболее актуальной темой будут являться коммунальные неудобства, где также обильно применяются смягчённые слова. Их задача — преуменьшить проблему, предостеречь панику, подчеркнуть стойкость населения.

Удачными с точки зрения этической эвфемизации являются нейтральные формулировки, где акцент строится на процессе, а не на катастрофе: *«сложная ситуация с водоснабжением»*, *«режим ограничений»*, *«период адаптации к новым условиям»*.

Манипулятивные эвфемизмы полностью переводят проблему из хозяйственной в военно-политическую: ответственность снимается с местных властей, которые не могут полностью решить проблему, и возлагается на врага. Например: *«водный фронт»* — ключевая эвфемистическая метафора, где бытовое становится полем битвы; *«гуманитарная диверсия»*, *«блокада»* вместо *«разрушение инфраструктуры»* или *«прекращение подачи воды с подконтрольной Украине территории»*; *«самоотверженная работа по наладке жизнеобеспечения»* вместо *«аварийно-восстановительные работы»*.

Происходит военизация лексики — военные термины *«фронт»*, *«борьба»*, *«оборона»*, *«диверсия»*, *«блокада»* используются для описания коммунальной аварии. С помощью эвфемизации создаётся ситуация, в которой местные власти и население — не жертвы плохого управления, а герои обороняющегося тыла. Здесь дезинформация заключается в том, что разрушенная инфраструктура, неэффективное управление подменяются образом вражеского действия, в результате которого население призвано *«держат оборону»* и воспринимать бытовую проблему как вызов, требующий от граждан внутренней мобилизации и терпения.

В текстах социально-бытовой тематики механизмы эвфемизации используются с большим разнообразием.

4, 5. *«Гендиректор "Воды Донбасса" Григорьев рассказал о планах использования альтернативных источников водоснабжения, которые помогают ДНР справиться с водным кризисом»* [Информационный ресурс «Типичный Донецк | Новости»; режим доступа: <https://vk.com/itsdonetsk1869>].

В данном примере используются гиперонимизация и эллипсис: фраза *«альтернативные источники водоснабжения»* намеренно размывает конкретику. Альтернативные источники — это обобщённое понятие, которое может подразумевать что угодно — от привозной воды до скважин, — при этом намеренно опускается информация о причинах отказа основных источников (например, разрушение инфраструктуры или боевые действия). Создаётся впечатление наличия запасного, альтернативного плана, а не признания полного краха основной системы.

Мейозис: само предложение *«помочь справиться»* с кризисом с помощью *«альтернативных источников»* является преуменьшением масштаба проблемы. В реальности речь, скорее всего, идёт о минимально необходимых объёмах воды для выживания, а не о полноценной замене разрушенной системы.

6 *«Как сообщили "Воде Донбасса", в связи с аварийной ситуацией на подающем магистральном водоводе, завтра возможны перебои в подаче воды по направлениям согласно графику»* [Информационный ресурс «Типичный Донецк | Новости»: <https://vk.com/itsdonetsk1869>].

Слово *«перебои»* выражает меньший масштаб проблем, чем констатирующее выражение *«прекращение водоснабжения»*. Оно намекает на кратковременные и редкие проблемы, хотя на самом деле вода может отсутствовать долго. Использование подобной формулировки объясняется стремлением обезопасить население от паники, но это также может быть обманом, поскольку за фразой *«перебои в подаче воды»* скрываются реальные всеобъемлющие проблемы с водоснабжением.

Предикат *«возможны»* во фразе *«возможны перебои»* является случаем мейозиса. При неизбежности негативного исхода слово *«возможно»* заменяет прямую констатацию факта, что создаёт иллюзию альтернативного развития событий: они могут наступить, а могут и не произойти. Таким образом, модальность гипотетичности регулярно замещает в донецких публикациях модальность неизбежности, когда речь идёт о негативных прогнозах.

8. «Минтранс ДНР совместно с Северо-Кавказской пригородной пассажирской компанией и другими сторонами **прорабатывают технический регламент** прямого железнодорожного сообщения с Ростовской областью» [Информационный ресурс «Типичный Донецк | Новости»; режим доступа: <https://vk.com/itsdonetsk1869>].

«Прорабатывают технический регламент» — манипулятивный эвфемизм, который является термином, придающим процессу видимость упорядоченности и профессионального подхода. Терминологическая лексика уводит от ответа на вопрос, будет ли железнодорожное сообщение, в сфере идеи на уровне документов.

Глагол «прорабатывают» является гиперонимом, заменяющим конкретные действия, которые происходят на различных этапах решения задачи («согласовывают», «подписывают», «утверждают», «получают разрешения»). Проработка может длиться неопределённое время и не гарантировать результата. Сочетание термина «технический регламент» с глаголом «прорабатывают» создает иллюзию того, что проект находится в продвинутой стадии реализации, хотя на самом деле это может обозначать лишь подготовку к начальным согласованиям.

9. «Уже сейчас **закроем острые моменты по ремонту** крыши, а её капитальный ремонт начнём весной этого года. Также есть проблемы с отоплением, канализацией. Поручил профильным ведомствам решить их в кратчайшие сроки» [Информационный ресурс «Типичный Донецк | Новости»; режим доступа: <https://vk.com/itsdonetsk1869>].

Фраза «закроем острые моменты» звучит нейтрально-позитивно, снижает тревогу и создаёт впечатление оперативности и контроля, особенно в совокупности с последующим контекстом. Однако использованный эвфемизм скрывает конкретику и заменяет прямое признание серьёзных проблем и обязательств: «устраним срочные повреждения», «сделаем временный ремонт», «устраним аварийные риски». По сути это заменяет информацию о реальных работах, их объёмах и сроках выполнения на расплывчатое обещание о частичном или косметическом вмешательстве, без гарантий решения системных проблем аварийного характера.

В данном случае задействовано несколько механизмов: 1) нарочито неточная речь (перенесение с вида на вид): глагол «закроем» в значении «решим проблему», заимствованный из сферы делопроизводства, подменяет конкретные физические действия («залатаем дыру», «сделаем временную заплатку», «устраним аварию») на абстрактный процесс; 2) мейозис: вместо прямого названия проблемы «аварийное состояние», «протечка», используется эвфемизм «острые моменты», обозначающий неполноту свойства. Острый момент — кратковременная фаза, тогда как проблемы с кровлей могут оставаться нерешёнными в течение многих месяцев или даже лет. Эвфемизм снижает серьёзность ситуации до уровня технического нюанса.

Заключение

Эвфемизация в донецких СМИ выступает и как этический приём смягчения жёстких реалий, и как инструмент манипуляции, формирующий восприятие читателей и поддерживающий нужные нарративы. Преимущество использования эвфемизмов в медиадискурсе заключается во внутренней поддержке граждан и различных структур, способностью управлять внешними событиями; однако при неправильном преподнесении информации ситуация может обернуться в противоположную сторону из-за накопления неверной картины реальности у аудитории, снижения доверия при разоблачении несоответствий.

В ходе исследования были проанализированы тексты двух сфер: военной и общественно-бытовой. В текстах военной тематики, в силу специфики передаваемой информации, чаще встречаются этические эвфемизмы. Манипулятивная эвфемизация встречается при описании действий, направленных против вражеской стороны, и служит для дистанцирования от противника, а также для нейтрализации предпринимаемых в ходе боевых действий неизбежных жёстких мер.

Тексты социально-бытовой направленности, в свою очередь, насыщены именно манипулятивной эвфемией. Последнее напрямую связано с необходимостью сглаживать общее недовольство аудитории комплексом коммунальных и бытовых проблем.

Называет необходимость разработки прикладной методики разграничения этических и манипулятивных эвфемизмов для читающей аудитории. Такая методика может стать основой для повышения медиаграмотности потребителей регионального контента, что особенно актуально в условиях военного конфликта и общественно-политического кризиса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булаховский, Л. А. Табу и эвфемизмы / Л. А. Булаховский // Введение в языкознание. — Ч.2. — М., 1953. — 177 с.
2. Дегтярева, А. Р. К вопросу о функциональной классификации эвфемизмов русского языка / А. Р. Дегтярева, М. А. Осадчий // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2012. — № 2(50). — С. 128–132.
3. Крысин, Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи / Л. П. Крысин // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) — М.: Языки русской культуры. — 2000. — С. 384–408.
4. Ларин, Б. А. Об эвфемизмах / Б. А. Ларин // Проблемы языкознания: Сб. статей, посвященный 75-летию акад. И. И. Мещанинова; Отв. ред. Ю. С. Маслов. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1961. — С. 23–48.
5. Майорова, А. В. Эвфемизмы как средство языкового манипулирования в современной коммуникации / А. В. Майорова // Сборники конференций НИЦ Социосфера. — 2017. — № 16. — С. 83–86.
6. Москвин, В. П. Эвфемизмы: системные связи, функции и способы образования / В. П. Москвин // Вопросы языкознания. — 2001. — № 3. — С. 58–70.
7. Панчехина, М. Н. Лексико-семантическое поле «Вода» в языковой картине мира дончанина / М. Н. Панчехина // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. — 2025. — №6 — С. 120–130. — <https://doi.org/10.5281/zenodo.18069646>.
8. Реформатский, А. А. Введение в языковедение / А. А. Реформатский. Аспент-пресс. М. — 1996. — 275с.
9. Словарь эвфемизмов русского языка / Е. П. Сеничкина. — М. : Флинта : Наука, 2008. — 464 с.
10. Толковый словарь русского языка: В 4 т. — М.: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935–1940 [Электронный ресурс. Режим доступа: <https://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp>].

REFERENCES

1. Bulakhovsky, L. A. (1953). Tabu i evfemizmy [Taboo and euphemisms]. In Vvedenie v yazykoznanie [Introduction to linguistics] (Part 2). Moscow. (In Russian).
2. Degtyareva, A. R., & Osadchiy, M. A. (2012). K voprosu o funktsional'noy klassifikatsii evfemizmov russkogo yazyka [On the functional classification of euphemisms in the Russian language]. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Kemerovo State University], 2(50), 128–132. (In Russian).
3. Krysin, L. P. (2000). Evfemizmy v sovremennoy russkoy rechi [Euphemisms in modern Russian speech]. In Russkiy yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1995) [The Russian language of the late 20th century (1985–1995)] (pp. 384–408). Moscow, Russia: Yazyki russkoy kul'tury. (In Russian).
4. Larin, B. A. (1961). Ob evfemizmax [About euphemisms]. In Yu. S. Maslov (Ed.), Problemy yazykoznaniya: Sbornik statey, posvyashchennyy 75-letiyu akad. I. I. Meshchaninova [Problems of linguistics: Collection of articles dedicated to the 75th anniversary of Academician I. I. Meshchaninov] (pp. 23–48). Leningrad, Russia: Izd-vo Leningr. un-ta. (In Russian).
5. Mayorova, A. V. (2017). Evfemizmy kak sredstvo yazykovogo manipulirovaniya v sovremennoy kommunikatsii [Euphemisms as a means of linguistic manipulation in modern communication]. Sborniki konferentsiy NITs Sotsiosfera [Conference proceedings of the Research Center Sociosphere], 16, 83–86. EDN YPBCIT. (In Russian).
6. Moskvina, V. P. (2001). Evfemizmy: sistemnye svyazi, funktsii i sposoby obrazovaniya [Euphemisms: Systemic connections, functions and methods of formation]. Voprosy yazykoznaneya [Topics in Linguistics], 3, 58–70. (In Russian).
7. Panchekhina, M. N. (2025). Leksiko-semanticheskoe pole "Voda" v yazykovoy kartine mira donchanina [The lexical-semantic field "Water" in the Donetsk resident's linguistic worldview]. Vestnik Donetskogo natsional'nogo universiteta. Seriya D. Filologiya i psikhologiya [Bulletin of Donetsk National University. Series D. Philology and Psychology], 6, 120–130. <https://doi.org/10.5281/zenodo.18069646> (In Russian).
8. Reformaty, A. A. (1996). Vvedenie v yazykovedenie [Introduction to linguistics]. Moscow, Russia: Aspentpress. (In Russian).
9. Senichkina, E. P. (2008). Slovar' evfemizmov russkogo yazyka [Dictionary of euphemisms of the Russian language]. Moscow, Russia: Flinta : Nauka. (In Russian).

10. Ushakov, D. N. (Ed.). (1935–1940). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: V 4 t.* [Explanatory dictionary of the Russian language: In 4 vols.]. Moscow, Russia: Sov. entsikl.: OGIZ. Retrieved from <https://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (In Russian).

Поступила в редакцию 17.05.2026 г.

P. R. Shvedchenko, V. A. Ryazanova

THE CORRELATION BETWEEN THE ETHICAL AND MANIPULATIVE ASPECTS OF EUPHEMIZATION IN THE TEXTS OF DONETSK ONLINE INFORMATION RESOURCES

This article examines euphemisms and the tactics of their use in the media covering the ongoing military conflict in Donbas and the social and everyday problems of its residents. The relevance of this work lies in the need for a linguopragmatic analysis of the Donetsk media, in which euphemisation becomes not only a stylistic tool but a central mechanism for constructing an alternative reality. The division of euphemisms into ethical and manipulative categories allows us to identify how linguistic means are used to delegitimise the enemy, neutralise negative connotations, and manage the emotional perception of the target audience. The analysis of euphemism use in Donetsk media revealed the following results. In texts on military topics, ethically oriented euphemisms predominate. Their purpose is to protect the audience from the shocking impact of negative information. In texts on social and everyday topics, euphemisms are used primarily for manipulative purposes. They aim to create a more positive picture in the audience's mind and to downplay the scale of existing social and domestic problems.

Key words: *euphemism, DPR media discourse, ethical euphemization, manipulative euphemization, linguistic influence, military conflict, social and everyday crisis.*

Шведченко Полина Романовна.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, Российская Федерация.
Студент 3 курса бакалавриата.
Направление подготовки 45.03.01 Филология,
профиль «Русский язык и литература».
ORCID 0009-0003-9697-0473.

E-mail: shvedchenko_polina@inbox.ru

Рязанова Валерия Александровна.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, Российская Федерация.
Кандидат филологических наук.
Доцент кафедры русского языка.
ORCID: 0000-0002-7517-8589.
E-mail: ryazanova.v.a@mail.ru.

Shvedchenko Polina Romanovna.

Donetsk State University, Donetsk, Russian
Federation.

A 3rd year undergraduate student.

The field of study is 45.03.01 Philology, profile
"Russian language and literature"

ORCID 0009-0003-9697-0473.

E-mail: shvedchenko_polina@inbox.ru

Ryazanova Valeriya Aleksandrovna.

Donetsk State University, Donetsk, Russian
Federation.

Candidate of Philology.

Associate Professor at Department of the Russian
Language.

ORCID: 0000-0002-7517-8589.

E-mail: ryazanova.v.a@mail.ru.

Один из авторов статьи — ответственный секретарь журнала. Редакционные решения по рукописи принимались без участия ответственного секретаря (включая выбор рецензентов и редакционные решения). Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Словообразование и грамматика

Научная статья

УДК 81'373.611

DOI: 10.5281/zenodo.21332487

А. К. Сытник¹, В. И. Теркулов² © 2026

¹⁻²Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»

¹ORCID 0009-0006-4334-7428

²ORCID 0000-0002-0418-4260

ТИПОЛОГИЯ ГНЕЗД ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ СЛОЖНОСОКРАЩЕННЫХ СЛОВ

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Работа посвящена исследованию гнезд эквивалентности сложносокращенных слов современного русского языка. На материале «Толкового словаря сложносокращенных слов» под редакцией В. И. Теркулова и эквивалентных текстов с использованием компонентного, контекстуального, структурно-формального и ономаσιологического методов анализа установлено, что аббревиатура на синхронном срезе языка соотносится не с одним словосочетанием, а с множеством текстовых эквивалентов, образующих системно организованное гнездо эквивалентности. Автором обнаружены и описаны семантические и ономаσιологические отношения между эквивалентами, показано, что их вариативность обусловлена реализацией ограниченного набора ономаσιологических моделей (объектной, дестинативной, посессивной). Доказано, что гнездо эквивалентности функционирует как семантическое поле. В результате анализа сложносокращенных слов разработана типология гнезд эквивалентности (линейные, радиальные, иерархические) и определены критерии их разграничения.

Ключевые слова: сложносокращённое слово, гнездо эквивалентности, синхронная эквивалентность, аббревиация, семантическое поле.

Для цитирования: Сытник А. К. Типология гнезд эквивалентности сложносокращенных слов / А. К. Сытник, В. И. Теркулов // Новые горизонты русистики. — 2026. — № 2. — С. 51-60. — <https://doi.org/10.5281/zenodo.21332487>.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 26-18-20134, <https://rscf.ru/project/26-18-20134>. «Система аббревиатур русского языка в теоретическом и лексикографическом измерении».

Введение. Современная лингвистика проявляет устойчивый интерес к исследованию аббревиации как одному из наиболее продуктивных способов словообразования в русском языке. В традиционных исследованиях сложносокращенные слова рассматриваются преимущественно в диахроническом аспекте, изучаются механизмы их образования и связи с производящими словосочетаниями. В рамках такого подхода аббревиатура трактуется как результат свертывания исходной номинативной единицы, а её интерпретация связывается с восстановлением полной формы, однако подобная трактовка не в полной мере отражает специфику функционирования сложносокращенных слов в реальной речевой практике, где их значение актуализируется через совокупность возможных текстовых интерпретаций.

В нашем исследовании, вслед за проф. В. И. Теркуловым, под сложносокращенными словами мы понимаем «единицы, связанные мотивационными отношениями со словосочетаниями и содержащие в своем составе эквиваленты не менее двух компонентов этих словосочетаний, как минимум один из которых является неинициальным аббревиационным конструктом (абброконструктом)» [10, с. 99].

В соответствии с таким пониманием сложносокращенных слов мы включаем в их состав традиционно выделяемые частично сокращенные слова (*горзавод* — *городской завод*; *зоокабинет* — *зоологический кабинет*), слоговые аббревиатуры (*кожвен* — *кожно-венерологический диспансер*; *сельмаг* — *сельский магазин*) и инициально-слоговые аббревиатуры (*биоГЭС* — *биогазовая электростанция*; *главк* — *главный комитет*). Все данные явления мы рассматриваем в одном ряду и именуем аббревиатурами за исключением тех ситуаций, где необходимо проследить их структурные различия, в частности, при описании вариантности в сфере аббревиации.

В условиях реального употребления аббревиатура способна соотноситься не с одним словосочетанием, а с несколькими развернутыми эквивалентами, которые реализуются в зависимости от контекста и коммуникативной установки. Тем самым фиксируется явление множественной актуальной дешифровки сложносокращенных слов, при котором одна и та же единица выступает центром ряда функционально эквивалентных номинаций. Данный факт свидетельствует о том, что интерпретация аббревиатур не может быть сведена к восстановлению единственной производящей формы, а требует описания совокупности эквивалентных единиц, связанных системными отношениями. В связи с этим в Донецкой дериватологической школе формируется подход, ориентированный на рассмотрение дешифровок сложносокращенных слов в составе гнезд эквивалентности, т. е. «совокупностей актуально сосуществующих единиц, связанных отношениями мотивационной (формально-семантической) эквивалентности с аббревиатурой и употребляемых с нею в эквивалентных текстах» [11, с. 76]. Такой подход позволяет перейти от описания отдельных соответствий к системному анализу организации интерпретационных возможностей аббревиатуры. Недостаточно изученным остается вопрос о внутренней структуре гнезд эквивалентности и принципах их типологизации, в частности, не определены четкие критерии разграничения типов гнезд, не в полной мере описаны механизмы, лежащие в основе вариативности эквивалентов, а также характер их семантических и ономазиологических отношений.

Дополнительную значимость данная проблема приобретает в контексте разработки лексикографических ресурсов нового типа, в частности «Толкового словаря сложносокращенных слов» под ред. В. И. Теркулова. Масштаб словарного материала (более 13 тыс. гнезд эквивалентности) требует изучения принципов его организации, что делает задачу типологизации гнезд эквивалентности особенно актуальной.

Объектом исследования являются сложносокращенные слова современного русского языка и эквивалентные им словосочетания, образующие гнезда эквивалентности. **Предмет исследования** составляет их внутренняя структурная и семантическая организация, рассматриваемая с учетом ономазиологических механизмов, лежащих в основе вариативности текстовой интерпретации.

Целью работы является выявление принципов организации гнезд эквивалентности сложносокращенных слов и разработка их типологии на основании формальных, семантических и ономазиологических критериев. Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих **задач**: описать типы семантических и ономазиологических отношений, реализующихся внутри гнезд эквивалентности; определить доминирующие принципы их организации и выявить типы гнезд эквивалентности; установить критерии разграничения типов гнезд.

Материалы и методы исследования. Материалом исследования послужил «Толковый словарь сложносокращенных слов» под редакцией В. И. Теркулова, представляющий собой описание текстовых эквивалентов сложносокращенных слов, выявленных на основе синхронного анализа языкового материала. Данный словарь включает более 13 тыс. гнезд эквивалентности, каждое из которых отражает совокупность словосочетаний, соотносимых с аббревиатурой в реальной речевой практике. Объем материала обеспечивает репрезентативность и позволяет выявить устойчивые закономерности функционирования сложносокращенных слов, а также типичные модели

их текстовой интерпретации. Принцип отбора единиц в словарь основан на фиксации фактов употребления в текстах различной функциональной направленности, что обеспечивает синхронный характер анализа и исключает опору исключительно на деривационные связи.

Синхронно-эквивалентностный подход, который привел к обнаружению целого ряда ранее не описанных явлений в области аббревиации, представлен работами В. И. Теркулова [10-12], В. А. Рязановой [8], А. И. Бровца [4], И. Р. Смирновой [9], Д. А. Брацун [3], К. Ю. Емельяновой [5], Е. Ю. Аламайрех [2], А. А. Лялюк [6], Е. Н. Михайловой [7], Е. А. Акулич [1] и других. В работе использованы теоретические выводы, полученные участниками Лаборатории в ходе изучения сложных слов русского языка в процессе работы над созданием «Толкового словаря сложносокращенных слов».

Методологическую основу исследования составляет комплекс взаимодополняющих методов, ориентированных на выявление как формальных, так и семантических характеристик гнезд эквивалентности. Компонентный анализ применяется для выделения семантических признаков, реализуемых в составе эквивалентных словосочетаний, и позволяет установить типы отношений между ними. Использование данного метода дает возможность выявить общие и дифференцирующие признаки эквивалентов, а также определить характер их семантической соотнесенности.

Контекстуальный анализ направлен на изучение условий функционирования различных дешифровок в тексте. Он позволяет установить зависимость выбора того или иного эквивалента от коммуникативной ситуации, жанровых особенностей текста и прагматических факторов. Данный метод является принципиально важным, поскольку именно в тексте реализуется множественная интерпретация аббревиатуры.

Структурно-формальный анализ используется для описания синтаксической организации эквивалентов и выявления моделей их построения. Он позволяет учитывать особенности грамматической связи компонентов, различия в способах формального выражения одного и того же ономаσιологического признака.

Ключевым для данного исследования является ономаσιологический анализ, направленный на выявление моделей номинации, лежащих в основе формирования эквивалентных словосочетаний. Применение данного метода позволяет рассматривать гнездо эквивалентности как результат реализации различных ономаσιологических стратегий, обеспечивающих вариативность интерпретации при сохранении связи с исходной аббревиатурой.

Основная часть. В традиционном представлении сложносокращенное слово интерпретируется как единица, соотносимая с конкретным развернутым словосочетанием, выступающим в качестве его производящей основы. Так, например, слово *киноархив* обычно трактуется как эквивалент словосочетания *кинематографический архив*, однако анализ реального языкового употребления показывает, что подобная интерпретация оказывается упрощенной и не отражает фактической вариативности функционирования аббревиатур в тексте. Так, слово *киноархив* в реальности функционирует как эквивалент словосочетаний *архив кино*, *архив кинофильмов*, *архив киностудии*, *архив кинокомпании*, *кинематографический архив*, *архив кинематографа*: *Госфильмофонд как главный киноархив страны хранит кинонаследие, включая фильмы, снятые на базе студии «Ленфильм»* — В своем выступлении Дмитрий Алимов подчеркнул значимость Госфильмофонда как главного и крупнейшего **архива кинофильмов** в Российской Федерации... [<https://t.me/gosfilmofond>]; *Со своими монтажерами он перегнал на трехчасовые видеокассеты весь киноархив* — *Сегодня в архиве киностудии «БАМ» около шестисот банок с пленками, на которых отснято около 450 фильмов о БАМе* [<https://company.rzd.ru/ru/9401/page/78314?accessible=true&id=34208>]; *Warner Bros. распродает свой киноархив* — *Компания Warner Bros. продает фильмы из архива кинокомпании, которые никогда не издавались на DVD* [<https://tengrinews.kz/tag/warner-bros/page/3/>]. Подобная вариативность подтверждает существование множественной

актуальной дешифровки сложносокращенных слов, при которой интерпретация определяется не восстановлением единственной производящей формы, а актуальными условиями употребления.

Принципиально важным является синхронный характер такого соотнесения, который демонстрирует мотивационные отношения между номинативными единицами, существующие на современном языковом этапе, а его целью является «установление и описание отношений эквивалентности в пределах гнезд эквивалентности» [1, с. 117]. Именно благодаря нему мы можем проанализировать взаимоотношения между лексемами на актуальном языковом срезе, установить эквивалентность некоторых единиц, например, аббревиатуры *онкоцентр* и словосочетаний *онкологический центр*, *центр онкологии*. «Функционально семантическое тождество и мотивационная соотносительность аббревиатуры и её конструкторов с соответствующими словосочетаниями и входящими в них словами» [12, с. 36] и является синхронной эквивалентностью сложносокращенного слова. Это позволяет учитывать случаи, в которых формально производное словосочетание не совпадает с исторической производящей базой, но выступает как актуальный текстовый эквивалент. Показателен в этом отношении пример, приведенный в исследовании А. И. Бровцом: «У слова *автогонщик*, образованного от аббревиатуры *автогонки*, обнаруживается возникший вследствие псевдоунивербализации эквивалент *автомобильный гонщик*» [4, с. 489]. Данное словосочетание находится в мотивационных отношениях с аббревиатурой на синхронном срезе языка и функционирует как её текстовый эквивалент, однако с точки зрения диахронии не является производящим для неё. Таким образом, гнездо эквивалентности представляет собой не просто набор зафиксированных соответствий, а динамическую систему, формируемую на основе актуального языкового употребления и пополняемую новыми компонентами по мере фиксации эквивалентных единиц в текстах.

Анализ материала показывает, что эквиваленты, входящие в состав одного гнезда, не являются тождественными по своему значению, и даже в случаях формальной синонимии они могут различаться по характеру семантической интерпретации. Так, в гнезде эквивалентности *автомагазин* значение аббревиатуры в синтаксических эквивалентах может трактоваться и дестинативно (как ‘специализированный магазин, предназначенный для автомобилистов’ — *магазин товаров для автомобилистов*), и фабрикативно (с указанием на конкретный тип объекта — *магазин автозапчастей*, *магазин автомобилей*, *магазин автоаксесуаров*). В данном контексте особую значимость приобретает ономасиологический подход, позволяющий рассматривать процесс формирования эквивалентов как результат реализации различных моделей номинации. Проведенный анализ позволяет выделить три базовые ономасиологические модели, реализующиеся в пределах гнезд эквивалентности.

Первая из них — объектно-ориентированная модель, в рамках которой признак указывает на объектную соотнесенность базиса. При этом структурно такие модели часто реализуются в виде последовательности зависимых компонентов, каждый из которых уточняет предыдущий. Так, для сложносокращенного слова *автокаталог* эквивалент *каталог запчастей для автомобилей* демонстрирует многоступенчатую ономасиологическую структуру: базисом выступает *каталог*, тогда как признаки реализуются в виде цепочки зависимых компонентов — *запчастей* (объектная характеристика) и *для автомобилей* (дестинативное уточнение). Аналогичная структура наблюдается в гнезде *киноархив* (*архив кинофильмов*), *медсклад* (*склад медикаментов*), *нефтеразведка* (*разведка месторождений нефти*), где базис сочетается с объектным признаком.

Второй устойчивой моделью является дестинативная ономасиологическая модель, в которой признак выражает назначение или функциональную направленность обозначаемого объекта. Так, аббревиатуре *автовесы* эквивалентно словосочетание *весы для автомобиля*, где *весы* — базис предмета, а компонент *для автомобиля* указывает на

дестинативное значение базиса; аналогично с аббревиатурами *бензоколонка* — колонка для бензина (базис «приспособление» сочетается с дестинативом), *автоинвертор* — инвертор для автомобилей (базис «приспособление» сочетается с дестинативом) и под.

Третьей базовой моделью является посессивная ономаσιологическая модель, означающая, что признак указывает на объект, которому принадлежит или с которым соотносится обозначаемое целое. Так, в гнезде *автозапчасти* эквивалент *запчасти* автомобиля реализует посессивный признак через указание на владельца (*автомобиль*). В гнезде *киноархив* аналогичная модель представлена формами *архив киностудии*, *архив кинокомпании*, где признак указывает на принадлежность. Посессивный признак обладает высокой степенью синкретичности, он может сочетать посессивные и локативные, посессивные и качественно-атрибутивные, посессивные и объектные и другие значения, что приводит к тому, что в ряде случаев посессивные и объектные модели оказываются формально схожими, но различаются направленностью интерпретации.

В пределах одного гнезда эквивалентности ономаσιологические модели взаимодействуют и комбинируются. Так, в гнезде *автозапчасти* можно наблюдать одновременное существование посессивной (*запчасти автомобиля*) и дестинативной (*запчасти для автомобиля*) моделей. В гнезде *киноархив* сочетаются объектная (*архив кинофильмов*) и посессивная (*архив киностудии*) интерпретации. В этом смысле гнездо эквивалентности может быть интерпретировано как особый тип ономаσιологического поля, в котором реализуется определенное число стратегий номинации.

Каждая новая дешифровка возникает не изолированно, а воспроизводит определенную модель. Так, в гнезде *киноархив* появление вариантов *архив кино*, *архив кинофильмов*, *архив киностудии*, *архив кинокомпании*, *архив кинематографа* не может быть объяснено только расширением контекста, так как данные эквиваленты демонстрируют устойчивые типы семантического варьирования, которые обнаруживаются и в других гнездах аналогичной структуры. Ср.: *видеоархив* — *архив видео*, *архив видеозаписей*, *архив видеонаблюдения*, *архив с видео*, *архив видеоматериалов*, *архив видеофайлов*; *аудиоархив* — *архив аудио*, *архив аудиозаписей*, *архив аудиокниг*, *архив с аудио*; *медархив* — *архив медицинской информации*, *медицинский архив*, *архив медучреждения*, *архив медицинского учреждения*. Такая повторяемость модели может свидетельствовать о том, что множественная интерпретация имеет системный характер, в связи с чем представляется целесообразным рассматривать гнездо эквивалентности не как совокупность зафиксированных в словаре соответствий, а как модель потенциальной интерпретации, в рамках которой реализуются ономаσιологические стратегии. Иными словами, гнездо отражает не только уже зафиксированные употребления, но и те способы номинации, которые в принципе допустимы в языке.

Выявление ономаσιологических моделей, лежащих в основе формирования эквивалентных словосочетаний, позволяет перейти к решению основной задачи исследования — разработке типологии гнезд эквивалентности. Как показывает анализ, различия между гнездами определяются характером вариативности, реализуемой в их пределах, в связи с чем в качестве основного критерия типологизации выступает способ варьирования ономаσιологических признаков при соотношении эквивалентов с аббревиатурой. На основании данного критерия представляется возможным выделить три основных типа гнезд эквивалентности: линейные, радиальные и иерархические.

Линейные гнезда эквивалентности представляют собой предельный случай, при котором ономаσιологическая вариативность сведена к минимуму. В таких гнездах все эквиваленты реализуют одну и ту же модель номинации, сохраняя неизменными как базис, так и тип ономаσιологического признака. Различия между единицами затрагивают исключительно способы формального выражения этого признака и не приводят к изменению семантической структуры. Так, в гнезде *абонбаз* эквиваленты *абонентская база*, *база абонентов*, *абонентная база* представляют собой варианты одной и той же конструкции, в которой базис *база* сочетается с объектным признаком (*абоненты*).

Различия между формами обусловлены выбором синтаксической модели — атрибутивной или генитивной, — однако они не влияют на способ концептуализации обозначаемого объекта. Аналогичная закономерность наблюдается в гнездах *профком* (*профсоюзный комитет*, *комитет профсоюза*) и *студсовет* (*студенческий совет*, *совет студентов*). Во всех этих случаях варьирование ограничивается формальными средствами выражения признака и не сопровождается появлением альтернативных ономаσιологических интерпретаций. Таким образом, линейное гнездо характеризуется отсутствием конкурирующих ономаσιологических признаков: все эквиваленты реализуют один и тот же тип номинации, что позволяет уточнить его определение как структуры, в которой вариативность носит исключительно формальный характер и не затрагивает семантику.

Принципиально иной тип организации представляют **радиальные гнезда эквивалентности**. Если линейные демонстрируют стабильность ономаσιологической модели, то радиальные гнезда возникают в результате варьирования именно ономаσιологического признака при сохранении общего базиса и денотативного инварианта. В этом случае множественность эквивалентов обусловлена не формальными преобразованиями, а наличием нескольких альтернативных оснований номинации одного и того же объекта. Радиальные гнезда определяются с помощью наличия центрального значения и производных от него эквивалентов, однако данное положение требует уточнения: центральность в данном случае должна пониматься не как семантическая производность, а как устойчивость базиса, вокруг которого реализуются различные типы признаков. Радиальная структура возникает тогда, когда один и тот же базис допускает несколько способов конкретизации. Показательным в этом отношении является гнездо *киноархив*: во всех его эквивалентах сохраняется базис *архив*, однако признак варьируется. В эквивалентах *архив кино*, *архив кинофильмов* реализуется объектная модель, где признак указывает на содержимое архива. В словосочетаниях *архив киностудии*, *архив кинокомпании* признак приобретает посессивный характер, обозначая принадлежность. Таким образом, в пределах одного гнезда реализуются разные ономаσιологические признаки при неизменности базиса. Именно это и формирует радиальную структуру, где эквиваленты соотносятся не друг с другом, а с общим центром — базисом, — образуя «лучи», соответствующие различным способам концептуализации. Аналогичная организация наблюдается в гнезде *автомагазин*: базис *магазин* остается постоянным, тогда как признак варьируется — *магазин автомобилей* (объектный признак), *магазин автотоваров* (обобщенный объектный признак), *магазин для автомобилистов* (дестинативный признак). Все эти формы соотносятся с одним и тем же типом объекта — торговым учреждением автомобильной сферы, — однако различаются основанием номинации.

Важно отметить, что в радиальных гнездах варьирование затрагивает именно тип признака, а не его лексическую реализацию в пределах одной модели. В отличие от линейных гнезд, где возможны варианты типа *база абонентов* и *абонентская база*, здесь речь идет о конкуренции разных ономаσιологических интерпретаций. В этом смысле радиальные гнезда представляют собой результат наложения нескольких моделей номинации на один и тот же базис. Существенно также то, что радиальные гнезда характеризуются ограниченной взаимозаменяемостью эквивалентов, в отличие от линейных структур, где замена не влияет на интерпретацию, здесь она приводит к смещению акцентов. Так, *архив кинофильмов* и *архив киностудии* могут соотноситься с одним и тем же референтом в тексте, однако в первом случае акцентируется содержимое, а во втором — принадлежность. Эти различия не разрушают денотативного единства, но изменяют способ представления объекта, именно поэтому радиальные гнезда характеризуются внутренней семантической градацией: в их составе можно выделить более нейтральные, центральные эквиваленты, реализующие наиболее типичный способ номинации (как правило, объектный), и периферийные, в которых актуализируются дополнительные признаки — посессивные, дестинативные и др., однако эта градация не

носит иерархический характер, поскольку все элементы сохраняют соотнесенность с одним и тем же денотатом.

Важно разграничивать радиальные гнезда и случаи, в которых варьирование приводит к изменению объема значения: если в составе гнезда появляются эквиваленты, обозначающие не один и тот же объект, а различные его типы, это свидетельствует о переходе к иерархической организации. Таким образом, граница радиальности проходит там, где сохраняется денотативный инвариант при смене ономаσιологического признака, следовательно, радиальное гнездо может быть определено как структура, в которой один и тот же ономаσιологический базис реализуется через систему альтернативных признаков, соответствующих различным моделям номинации, их совокупность образует упорядоченное поле интерпретаций, обеспечивающее множественность текстовой реализации сложносокращенного слова без разрушения его семантической целостности.

Если радиальные гнезда демонстрируют максимальную ономаσιологическую вариативность при сохранении денотативного единства, то **иерархические гнезда** представляют собой иной тип организации, при котором варьирование ономаσιологического признака сопровождается изменением объема значения. В этом случае речь идет уже не о различных способах представления одного и того же объекта, а о формировании внутри гнезда системы соотнесенных, но не тождественных денотатов. Показательным в этом отношении является гнездо *автокаталог*: во всех его эквивалентах сохраняется базис *каталог*, однако признак варьируется таким образом, что задает разные классы объектов — *каталог автотоваров*, *каталог автозапчастей*, *каталог автоаксессуаров*. В данном случае *каталог автотоваров* выступает как более общее обозначение, тогда как *каталог автозапчастей* и *каталог автоаксессуаров* представляют собой его реализации. Это означает, что соответствующие эквиваленты не являются взаимозаменяемыми, поскольку каждый из них соотносится с собственным подмножеством объектов. Таким образом, внутри гнезда формируется система отношений гиперо-гипонимического типа, где отдельные элементы находятся в отношениях включения. Существенно, что данная иерархия задается не самим базисом, который остается неизменным, а характером признака, конкретизирующего этот базис. Аналогичная организация наблюдается в гнезде *автомагазин*: при сохранении базиса *магазин* различные эквиваленты формируют неодинаковые по объему денотаты: *магазин автотоваров* охватывает более широкий класс объектов, чем *магазин автозапчастей* или *магазин автоаксессуаров*. В данном случае различия между эквивалентами обусловлены не сменой типа ономаσιологического признака (как в радиальных гнездах), а его конкретизацией, приводящей к выделению подкатегорий внутри общего класса. В связи с этим уточняется и основной критерий иерархического гнезда, которым является наличие в его составе эквивалентов, находящихся в отношениях включения, то есть обозначающих соотнесенные, но не тождественные классы объектов, при этом взаимозаменяемость таких эквивалентов в тексте оказывается ограниченной или невозможной.

Особый интерес представляют случаи, в которых граница между радиальной и иерархической организацией оказывается неочевидной. Гнездо эквивалентности может включать как радиальные, так и иерархические связи, однако его тип определяется доминирующим принципом организации. Таким образом, границы между типами гнезд выявляются не по формальным признакам, а на основе анализа характера ономаσιологических отношений: если варьирование затрагивает тип признака при сохранении денотата, гнездо относится к радиальному типу; если же оно приводит к изменению объема и формированию отношений включения — к иерархическому. Следовательно, иерархическое гнездо может быть определено как структура, в которой единый ономаσιологический базис реализуется через систему признаков, конкретизация которых приводит к выделению различных, соотнесенных по принципу включения классов объектов. Именно эта особенность и определяет его место в общей типологии гнезд эквивалентности. В реальности гнезда эквивалентности часто включают различные типы отношений одновременно, что свидетельствует о том, что типология должна

рассматриваться как модель, фиксирующая доминирующие принципы организации, а не как система взаимоисключающих категорий.

Заключение. Проведенное исследование позволило уточнить представления о характере функционирования сложносокращенных слов в современном русском языке и обосновать необходимость их рассмотрения не как изолированных единиц, а как центров гнезд эквивалентности — системно организованных совокупностей текстовых эквивалентов. В ходе работы было установлено, что множественная интерпретация аббревиатур носит закономерный, а не случайный характер и обусловлена действием устойчивых ономаσιологических механизмов. Анализ материала показал, что формирование эквивалентных словосочетаний осуществляется на основе ограниченного набора моделей номинации, среди которых основными являются объектная, дестинативная и посессивная, взаимодействие которых в пределах одного гнезда обеспечивает вариативность интерпретации при сохранении связи с исходной аббревиатурой.

В соответствии с поставленными задачами были выявлены типы семантических и ономаσιологических отношений, реализующихся внутри гнезд эквивалентности, а также определены доминирующие принципы их организации. На этом основании разработана типология гнезд эквивалентности, включающая три основных типа: линейные, радиальные и иерархические. Линейные гнезда характеризуются отсутствием вариативности ономаσιологического признака и отражают случаи формального варьирования при сохранении единой модели номинации. Радиальные гнезда демонстрируют варьирование ономаσιологического признака при сохранении денотативного инварианта, что приводит к формированию системы альтернативных способов концептуализации одного и того же объекта. Иерархические гнезда связаны с изменением объема значения и формированием отношений включения между эквивалентами.

Таким образом, предложенная типология позволяет систематизировать разнообразие гнезд эквивалентности и установить критерии их разграничения, основанные на характере ономаσιологической вариативности, что, в свою очередь, создает теоретическую основу для более последовательного описания сложносокращенных слов в лексикографической практике.

Практическая значимость исследования заключается в разработке принципов системного описания сложносокращенных слов в составе гнезд эквивалентности, что позволяет переосмыслить традиционные подходы к их лексикографическому представлению. Предложенная типология и критерии разграничения гнезд могут быть использованы при создании словарей нового типа, ориентированных не на фиксацию единичных соответствий, а на отражение вариативности текстовой интерпретации языковых единиц. Полученные результаты также могут быть применены в практике автоматической обработки текста.

Перспективы дальнейших исследований связаны с развитием ономаσιологического подхода к описанию аббревиации как динамической системы номинации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акулич Е. А. Система дешифровальных стимулов в гнезде эквивалентности «VELO» / Е. А. Акулич // Русский язык в поликультурном мире: I Международный симпозиум / отв. ред. Е. Я. Титаренко : Сб. науч. статей. В 2-х т. Том 2. — Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2017. — С. 153–157.
2. Аламайрех, Е.Ю. Некоторые уточнения определения понятия «аббревиация» / Е.Ю. Аламайрех // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2016. — № 4. — С. 224–231.
3. Браун Д. А. Аббревиатурный ономаσιологический класс: модели формального описания / Д. А. Браун // Новые горизонты русистики. — 2018. — № 6. — С. 4–9.
4. Бровец, А.И. Дешифровальный стимул сложносокращенного слова: к проблеме определения и описания / А.И. Бровец // Русистика. — №4. — 2019. — С.487–499. — DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-4-487-501.
5. Емельянова К. Ю. Аббреконструкт и аффиксоид: к вопросу о связи понятий / К. Ю. Емельянова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. — 2020. — № 3–4. — С. 126–132.

6. Лялюк А. А. Ономасиологический и полевой подходы к изучению аббревиатурных слов / А. А. Лялюк // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2017. — № 2 (26). — С. 146–150.
7. Михайлова Е. Н. Ономасиологические особенности релятивного дешифровального стимула сложносокращенного слова / В. И. Теркулов, Е. Н. Михайлова // Новые горизонты русистики. — 2018. — Вып. 4. — С. 33–38.
8. Рязанова В. А. Специфика словарной интерпретации семантики аббревиатур / В. А. Рязанова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. — 2022. — Т. 8. — № 1. — С. 158–169.
9. Смирнова И. Р. О составном абброконструкте / И. Р. Смирнова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. — 2019. — № 2. — С. 62–70.
10. Теркулов, В. И. Гнезда эквивалентности сложносокращенных слов в аббревиационной группе с абброконструктом БИО / В. И. Теркулов, А. А. Сыроватская // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики: ежеквартальный научный журнал. — № 3 (19). Владикавказ, 2015. — С. 99–105.
11. Теркулов, В.И. Сложносокращённые слова: синхронный и диахронный аспекты описания / В.И. Теркулов // Вестник Московского университета. — Серия 9: Филология. — 2017. — № 6. — С. 73–97.
12. Теркулов, В.И. Текст как показатель аббревиатурной эквивалентности / В.И. Теркулов // Язык. Текст. Дискурс. — Вып. 16. — Ставрополь, 2018. — С.34–41.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Толковый словарь сложносокращённых слов русского языка [электронный ресурс]: 13618 словарных статей, 695 аббревиатурных групп, 12830 гнезд эквивалентности / В. И. Теркулов [и др.]; под ред. В. И. Теркулова; отв. ред. В.А. Рязанова; ФГБОУ ВО «ДонГУ». — Донецк: ДонГУ, 2025. — 1048 с. — Режим доступа: <http://repo.donnu.ru:8080/jspui/handle/123456789/5253>.

REFERENCES

1. Akulich, E.A. (2017). Sistema deshifroval'nykh stimulov v gnezde ekvivalentnosti "velo" [System of decoding stimuli in the equivalence nest "velo"]. In E.Ya. Titarenko (Ed.), *Russkii yazyk v polikul'turnom mire: I Mezhdunarodnyi simpozium*, Vol. 2, pp. 153–157. Simferopol: IT "ARIAL". (In Russian).
2. Alamairekh, E.Yu. (2016). Nekotorye utochneniya opredeleniya ponyatiya "abbreviatsiya" [Some clarifications of the definition of "abbreviation"]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*, No. 4, 224–231. (In Russian).
3. Bratsun, D.A. (2018). Abbreviaturnyi onomasiologicheskii klass: modeli formal'nogo opisaniya [Abbreviation onomasiological class: models of formal description]. *Novye gorizonty rusistiki*, No. 6, 4–9. (In Russian).
4. Brovets, A.I. (2019). Deshifroval'nyi stimul slozhnosokrashchennogo slova: k probleme opredeleniya i opisaniya [Deciphering stimulus of a complex abbreviated word: to the problem of definition and description]. *Rusistika*, No. 4, 487–499. DOI: 10.22363/2618-8163-2019-17-4-487-501. (In Russian).
5. Emel'yanova, K.Yu. (2020). Abbrokonstrukt i affiksoid: k voprosu o svyazi ponyatii [Abbroconstruct and affixoid: to the question of the relationship of concepts]. *Vestnik Donetskogo natsiona'nogo universiteta. Seriya D: Filologiya i psikhologiya*, No. 3–4, 126–132. (In Russian).
6. Lyalyuk, A.A. (2017). Onomasiologicheskii i polevoi podkhody k izucheniyu abbreviaturnykh slov [Onomasiological and field approaches to the study of abbreviated words]. *Aktua'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki*, No. 2(26), 146–150. (In Russian).
7. Terkulov, V.I., & Mikhailova, E.N. (2018). Onomasiologicheskie osobennosti relyativnogo deshifrova'nogo stimula slozhnosokrashchennogo slova [Onomasiological features of the relational decoding stimulus of a complex abbreviated word]. *Novye gorizonty rusistiki*, No. 4, 33–38. EDN: WGSDTO. (In Russian).
8. Ryazanova, V.A. (2022). Spetsifika slovarnoi interpretatsii semantiki abbreviatur [Specificity of dictionary interpretation of the semantics of abbreviations]. *Uchenye zapiski Krymskogo federa'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, Vol. 8, No. 1, 158–169. (In Russian).
9. Smirnova, I.R. (2019). O sostavnom abbrokonstrukte [About the composite abbroconstruct]. *Vestnik Donetskogo natsiona'nogo universiteta. Seriya D: Filologiya i psikhologiya*, No. 2, 62–70. (In Russian).
10. Terkulov, V.I., & Syrovatskaya, A.A. (2015). Gnezda ekvivalentnosti slozhnosokrashchennykh slov v abbreviatsionnoi grupe s abbrokonstruktom BIO [Nests of equivalence of complex abbreviated words in abbreviation group with abbroconstruct BIO]. *Aktua'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki: ezhekverta'nyi nauchnyi zhurnal*, No. 3(19), 99–105. (In Russian).
11. Terkulov, V.I. (2017). Slozhnosokrashchennye slova: sinkhronnyi i diakhronnyi aspekty opisaniya [Complex abbreviated words: synchronic and diachronic aspects of description]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya*, No. 6, 73–97. (In Russian).
12. Terkulov, V.I. (2018). Tekst kak pokazatel' abbreviaturnoi ekvivalentnosti [Text as an indicator of abbreviation equivalence]. *Yazyk. Tekst. Diskurs*, No. 16, 34–41. (In Russian).

Поступила в редакцию 08.05.2026 г

TYPOLOGY OF EQUIVALENCE CLUSTERS OF COMPLEX ABBREVIATED WORDS

The work is devoted to the study of the equivalence clusters of complex abbreviated words of the modern Russian language. On the material of the «Explanatory Dictionary of Complex Abbreviated Words» edited by V. I. Terkulov and equivalent texts using component, contextual, structural-formal and onomasiological methods of analysis, it was found that the abbreviation on the synchronous slice of the language correlates not with one phrase, but with a set of textual equivalents that form a systemically organized equivalence clusters. The author discovered and described the semantic and onomasiological relationships between the equivalents, showed that their variability is due to the implementation of a limited set of onomasiological models (object, destinate, possessive). It has been proven that the equivalence clusters functions as a semantic field. Based on the analysis of complex abbreviated words, a typology of equivalence clusters (linear, radial, hierarchical) was developed and the criteria for their differentiation were determined.

Keywords: *complex abbreviated word, equivalence clusters, synchronous equivalence, abbreviation, semantic field.*

Сытник Анна Константиновна

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, Российская Федерация.
Студент 1 курса магистратуры.
Направление подготовки 45.04.01 Филология, профиль
«Русский язык: Теоретические и практические аспекты».
ORCID 0009-0006-4334-7428.
E-mail: annsstnk@yandex.ru.

Теркулов Вячеслав Исаевич

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, Российская Федерация.
Доктор филологических наук, профессор.
Заведующий кафедрой русского языка.
ORCID 0000-0002-0418-4260.
E-mail: terkulov@rambler.ru.

Sytnik Anna Konstantinovna

Donetsk State University,
Donetsk, Russian Federation.
A 1th year magistrature student.
The field of study is 45.04.01 Philology, profile
«Russian language: theoretical and practical aspects».
ORCID: 0009-0006-4334-7428.
E-mail: annsstnk@yandex.ru.

Terkulov Vyacheslav Isaevich

Donetsk State University,
Donetsk, Russian Federation.
Doctor of Philology, Professor
Head of the Russian Language Department.
ORCID 0000-0002-0418-4260.
E-mail: terkulov@rambler.ru.

Один из авторов статьи — главный редактор журнала. Редакционные решения по рукописи принимались без участия главного редактора (включая выбор рецензентов и редакционные решения). Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья
УДК 81'373.611
DOI: 10.5281/zenodo.21332607

А.О. Халабузарь © 2026

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»
ORCID 0009-0002-5023-0368

ФОРМАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ АББРЕВИАТУР С КОМПОНЕНТОМ АВИА-

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Работа посвящена уточнению принципов описания формальной эквивалентности «слово — словосочетание» для аббревиатурных пар, входящих в аббревиатурную группу «авиа» в русском языке. Используется синхронный подход к определению аббревиатур (сложносокращённых слов). Констатируется необходимость включения в формальное описание двух типов моделей: модели использования дешифровального стимула и модели формальной разновидности эквивалентности. Описываются способы формализации моделей. Выявляются четыре основные модели использования дешифровального стимула для аббревиатурной группы авиа (X(ад)У, УХА, УХ, X(ад)АУ), представленных 15 моделями формальной разновидности эквивалентности, по которым образовано 583 аббревиатурные пары. К наиболее частотным моделям формальной разновидности эквивалентности относятся модели Прил1ед+Сущ1ед = АКПрил1ед+Сущ1ед (257 использований), Прил(комп)1ед+Сущ1ед = АКПрил(комп)1ед+Сущ1ед (93 использования), Сущ1ед+Сущ2ед = АКСущ2ед+Сущ1ед (86 использований) и Сущ1ед+Сущ(комп)2ед = АКСущ(комп)2ед+Сущ1ед (65 использований).

Ключевые слова: сложносокращённое слово, аббревиатура, формальная модель, модель использования дешифровального стимула, модель формальной разновидности эквивалентности

Для цитирования: Халабузарь А. О. Формальные модели эквивалентности аббревиатур с компонентом авиа- / А. О. Халабузарь // Новые горизонты русистики. — 2026. — № 2. — С. 61–69. — <https://doi.org/10.5281/zenodo.21332607>.

Исследование выполнено в рамках государственного задания «Языковое пространство города: собственно лингвистический, социолингвистический, лингвокультурологический и психолингвистический аспекты рассмотрения» (№ 126051921056-8).

Введение. Объектом рассмотрения в нашей статье являются формальные модели синхронной эквивалентности аббревиатурной группы «авиа» в современном русском языке. Под аббревиатурной группой нами понимается «совокупность сложносокращённых слов, имеющих тождественный начальный конструкт» [5, с. 114]. При этом сложносокращёнными словами считаются «нарицательные лексемы, связанные мотивационными отношениями со словосочетаниями и включающие в свой состав эквиваленты не менее двух слов этих словосочетаний, как минимум один из которых является неинициальным абброконструктом (сокращённым эквивалентом)» [12: 104], например *авиабомбардировка*, *авиадивизия*, *авиаинцидент* и под. Понятно, что все указанные слова входят в аббревиатурную группу авиа-, поскольку содержат в своём составе данный абброконструкт (см. об абброконструктах: [3; 9; 13]. Отметим, кстати, что в работе М. А. Газаты и В. И. Теркулова предложено рассматривать как разновидность аббревиатурной группы абброконструктивную группу [2], в которой нет строгой привязки абброконструкта к началу слову: они могут занимать как препозитивную (*авиаэвакуация* — *авиационная эвакуация*), так и медиапозитивную (*наркомавиапром* — *народный комиссар авиационной промышленности*) и постпозитивную (*Сибавиа* — *Сибирские авиалинии*)

позиции. В нашей работе рассматриваются только препозитивные абброконструкты. Иначе говоря, мы работаем с классической аббревиатурной группой, поскольку в этом случае абброконструкт выполняет свою основную функцию — базовую признаковую, в то время как в медиапозиции он является уточняющим признаковым (в приведённом примере — для компонента *-пром* — *промышленность*), а в постпозиции — базисным (в приведённом примере — *авиалинии*) компонентом.

Исследованию аббревиатурной группы как единицы теории аббревиации посвящены работы исключительно представителей Донецкой дериватологической школы. Общая теория аббревиатурной группы описывается в кандидатской диссертации В. А. Рязановой «Аббревиатурные группы в структурном и ономазиологическом аспектах» [6]. Рассматривались в работах представителей школы и формальные характеристики отдельных групп: «хим» [4], «ред» [1] и др. Однако одна из самых больших по количеству входящих в неё аббревиатур группа «авиа» не рассматривалась учёными, хотя, как показал наш анализ, в ней представлен весь спектр моделей формальной эквивалентности.

Цель работы — описание формальные особенностей базовой эквивалентности аббревиатур, входящих в аббревиатурную группу «авиа». Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

1) уточнить принципы описания формальной эквивалентности «слово-словосочетание»

2) описать основные (наиболее представленные в Аббревиатурной базе кафедры русского языка ДонГУ) модели формальной эквивалентности.

Материалы и методы исследования. Материалом рассмотрения в статье послужили аббревиатуры, входящие в аббревиатурную группу «авиа». В Аббревиатурной базе кафедры русского языка ДонГУ представлено 296 данных единиц, составляющих 861 аббревиатурную пару (одно слово может составлять несколько аббревиатурных пар). Больше только в группе «авто» — 337 единиц, сформировавших 1622 пары. В одной из предыдущих статей [14] мы описали принципы описания формальной эквивалентности «слово — словосочетание», базирующиеся на моделях описания композитной эквивалентности, представленных в докторской диссертации В. И. Теркулова «Композиты русского языка в ономазиологическом аспекте» [8] с некоторыми уточнениями, предложенными в уже упомянутой диссертации В. А. Рязановой [6]. Главными положениями сформированной на указанных принципах методологии являются:

1. Формальное описание в данном случае касается не процессов образования аббревиатур, а ситуаций их синхронной текстовой эквивалентности, то есть актуальной синтаксической дешифровки аббревиатур. Эквивалентами слова при этом считаются словосочетания, отвечающие трём критериям:

а) «формально-семантическое соответствие конструкторов слова лексемам, входящим в словосочетание»;

б) «активное употребление в текстах и слова и словосочетания»;

в) «частотное употребление слова и словосочетания (не менее 100 включений) в эквивалентных текстах (в текстах, в которых они употребляются вместе. — А. Х.)» [7, с. 92].

Например, эквивалентами слово *авиахолдинг* являются словосочетания *авиационный холдинг* и *авиастроительный холдинг* по следующим причинам.

а) Слова *авиационный* и *авиастроительный* замещаются абброконструктом *авиа-*: *авиационный* — 375 раз (как известно, простой атрибутивный эквивалент является самым частотным для всех абброконструкторов), *авиастроительный* — 5 раз¹. Слово и словосочетания имеют тождественное значение «Акционерная компания, владеющая контрольным пакетом акций юридически самостоятельных предприятий, работающих в области авиации и авиапромышленности».

¹ Данные Аббревиатурной базы данных кафедры русского языка ДонГУ.

б) В Аббревиатурной базе данных кафедры русского языка слово *авиахолдинг* отмечается 34504 раза, словосочетание *авиационный холдинг* — 24734 раза, а *авиастроительный холдинг* — 15971 раз.

в) *Авиахолдинг* и *авиационный холдинг* в абсолютно эквивалентных текстах обнаруживаются 247 раз, например: *Формируется финальный облик Группы «Аэрофлота», как одного из крупнейших мировых авиахолдингов — Аэрофлот является одной из старейших авиакомпаний мира и одним из наиболее узнаваемых российских брендов, входит в число крупнейших авиационных холдингов мира* (<https://mintrans.gov.ru/ministry/awards/anniversaries/34>), а *авиахолдинг* и *авиастроительный холдинг* — в 27, например: *Создание в России единого авиахолдинга ФАС воспринял «в штыки» — Если мы создаем единый авиастроительный холдинг, который на мировом рынке будет иметь долю в 10%, то это не является доминированием* (<https://vsluh.ru/novosti/dengi/sozdanie-v-rossii-edinogo-aviakholdinga-fas-vosprinyal-v-shytyki> 43985/).

2. Описание формальной эквивалентности, представленное впервые в работе В. И. Теркулова «Сложносокращённые слова: синхронный и диахронный аспекты описания» [11] включает два направления: описание общей модели использования дешифровального стимула в эквивалентном словосочетании и описание конкретной модели формальной разновидности эквивалентности.

3. **Модель использования дешифровального стимула.** Под дешифровальным стимулом понимается «стереотип расшифровки аббреконструкта» [10, с. 19], то есть «слово или сочетание слов, которое является эквивалентом аббреконструкта и может быть использовано для его замены в эквивалентном словосочетании» [11, 88], например слово *авиатор*, эквивалентное аббреконструкту *авиа-* в слове *авиагородок* (=городок *авиаторов*), *авиагарнизон* (= *гарнизон авиаторов*), *авиаclub* (= *club авиаторов*) и др. Нами различаются лемма — словарное воплощение дешифровального стимула и токен — его реальное воплощение в эквивалентном аббревиатуре словосочетании. Например, лемма *авиация* представлена в семи токенах: *авиацией* (*авиаобстрел* — *обстрел авиацией*); *авиации* (*авиагарнизон* — *гарнизон авиации*); *авиация* (*авиасвязь* — *авиация связи*); *в авиации* (*авиаслужба* — *служба в авиации*); *для авиации* (*авиатопливо* — *топливо для авиации*); *от авиации* (*авиашум* — *шум от авиации*); *по авиации* (*авиаинспектор* — *инспектор по авиации*). Для аббревиатурной группы «авиа» обнаружена 51 лемма, реализованная в более чем 200 токенах.

В модели использования дешифровального стимула даётся общая структурно-грамматическая характеристика леммы, для чего используются символы, представленные в таблице 1.

Таблица 1. Символы, применяемые в модели использования дешифровального стимула

Символ	Тип токена	Пример
X	Простое слово	<i>Авиационный: авиакомплекс — авиационный (X1) комплекс</i>
X2 (в схеме X1X2)	В составных аббреконструктах эквивалент второго аббреконструкта (первый обозначается символом X1)	<i>Метеорологический: авиаметеостанция — авиационная (X1) метеорологическая (X2) станция</i>
A (в схеме XA)	Часть эквивалентного сложного слова, не представленная аббреконструктно	<i>Авиакомпания: авиаагент — агент авиа(X)компаний(A)</i>
Z (в схеме XZ)	Слово эквивалентного словосочетания, не имеющее эквивалентов в аббревиатуре	<i>Авиационных перевозок: авиаобслуживание — обслуживание авиационных (X) перевозок (Z)</i>
Y	Главное слово эквивалентного словосочетания	<i>Авиарейсов: авиаобслуживание — обслуживание (X) авиарейсов</i>

Кроме того, в модели даётся указание на частеречную принадлежность компонента дешифровального стимула:

– если в скобках рядом с основным символом нет оператора, перед нами существительное, например в схеме ZX для аббревиатурной пары *авиафорум* — *форум любителей авиации*, где Z связывается с токеном-существительным *любителей*, а X — с токеном-существительным *авиации*;

– если в скобках с основным символом приводится оператор «ад», дешифровальный стимул является адъективным токеном — прилагательным или причастием, например X(ад) для обозначения адъективного токена авиационная аббревиатурной пары *авиакатастрофа* — *авиационная катастрофа*;

– оператор «предл» указывает на то, что в состав дешифровального стимула входит предлог, например в паре *авиаинспектор* — *инспектор по авиационной безопасности*, реализующей модель (предл)XZ;

– оператор «союз» указывает, собственно, на союз, например в модели (предл)Z(союз)ZXA: *авиаагент* — *агент по бронированию и продаже авиабилетов*).

Модель включает обозначения всех компонентов эквивалентного словосочетания. Например, пара *авиаопрыскивание* — *опрыскивание* (У) с (предл) *помощью* (Z) *авиации* (X) реализует модель использования дешифровального стимула У(предл)ZX.

Модель формальной разновидности эквивалентности определяет тип формального соответствия компонентов (токенов) словосочетания и конструкторов аббревиатуры. В данную модель входят два блока: аббревиатуры и эквивалента. В блоке эквивалента используются символы, представленные в таблице 2.

Таблица 2. Символы, применяемые в модели формальной разновидности эквивалентности

Символ	Тип токена	Пример
Сущ	существительное	<i>Авиацией: авиаобстрел</i> — <i>обстрел авиации</i> (Сущ2ед)
Прил	прилагательное	<i>Авиационное: авиазвено</i> — <i>авиационное</i> (Прил1ед) <i>звено</i>
предл	предлог	<i>Для: авиатопливо</i> — <i>топливо для</i> (предл) <i>авиации</i>
союз	союз	<i>И: авиаколледж</i> — <i>колледж авиационного приборостроения и</i> (союз) <i>автоматики</i>
комп	Сложное слово	<i>Авиадвигателей: авиадетали</i> — <i>детали для авиадвигателей: Сущ2мн(комп)</i>
1...6	Номер падежной формы	<i>В области авиации: авиаспециалист</i> — <i>специалист в области авиации</i> (Сущ1ед+предл+Сущбед+Сущ3ед)
нескл	Несклоняемое слово	<i>Шоу: авиашоу</i> — <i>авиационное шоу</i> (Прил1ед+Сущнескл)
ед	Единственное число	<i>авиационная автоматическая: авиапушка</i> — <i>авиационная автоматическая пушка</i> (Прил1ед+Прил1ед+Сущ1ед)
мн	Множественное число	<i>на авиационные перевозки: авиатариф</i> — <i>тариф на авиационные перевозки</i> (Сущ1ед+Прил4мн+Сущ4мн)

В блоке аббревиатуры добавляется только компонент АК — абброконструктор. Кроме того появление в скобках описание токена со знаком минус указывает на компонент Z модели использования дешифровального стимула). Например, модель формальной разновидности эквивалентности для пары *авиатехникум* — *техникум авиационного приборостроения*, реализующей модель использования дешифровального стимула XZ, имеет следующий вид: Сущ1ед+Прил2ед+Сущ2ед = АКПрил2ед+Сущ1ед (-Сущ2ед).

Основные модели формальной эквивалентности

Нами обнаружено для аббревиатурной группы «авиа» 44 модели использования дешифровального стимула, из которых самыми частотными являются модели, представленные в таблице 3.

Таблица 3. Наиболее частотные модели использования дешифровального стимула

Модель	Количество пар	Процент по отношению к общему количеству пар
X(ад)У	269	31,24
УХА	115	13,36
УХ	100	11,61
X(ад)АУ	99	11,50

Указанные модели использования дешифровального стимула реализуются в следующих моделях формальной эквивалентности.

Х(ад)У

Самая распространённая модель дешифровального стимула, представленная простым словосочетанием, включающим в свой состав существительное и простой адъектив. Модель презентативного типа. Отмечается 269 раз, что составляет 31,24% от общего числа аббревиатурных пар аббревиатурной группы «авиа» (далее — **КолАп1: 269; 31,24%**). Представлено четырьмя формальными моделями формальной разновидности эквивалентности.

Модель 1. **Прил1ед+Суш1ед = АКПрил1ед+Суш1ед** — модель эквивалентного частично сокращённого слова, в которой абброконструкт эквивалентен прилагательному, а существительное выступает в полной форме, например *авиачасть* — *авиационная часть*: *Новый вертолет Ми-8АМТШВ поступил на вооружение в авиачасть армейской авиации ВВО в Забайкалье* — *Авиационная часть армейской авиации объединения ВВС и ПВО Восточного военного округа, базирующаяся в Забайкальском крае, пополнилась новым Ми-8АМТШ «Терминатор»* (<https://patriot-expo.ru/1007/>). Отмечается 257 раз, что составляет 95,54% от общего числа пар, реализующих модель х(ад)+у и 29,85% от общего числа аббревиатурных пар (далее — **КолАп2: 260; 95,54%; 29,85%**).

Модель 2. **Прил1мн+Суш1мн = АКПрил1мн+Суш1мн** — разновидность модели 1, в которой прилагательное и существительное реализованы в парадигме множественного числа (**КолАп2: 5; 1,86%; 0,58%**), например *авиапоставки* — *авиационные поставки*: *Глобальные авиапоставки. Экспорт. Импорт. Экспертиза. AVIA IMPEX — синергия экспертов с многолетним опытом на рынке авиационных поставок* (<https://aviaimpex.com/>).

Модель 3. **Прил1ед+Суш1ед = АК1Прил1ед+АК2Суш1ед** (**КолАп2: 4; 1,49%; 0,46%**) — образование слоговых аббревиатур, в которых оба компонента являются абброконструктами, например, *авиазент* — *авиационный брезент*: *Авиационный брезент (авиазент) — дешёвая, надёжная, часто используемая, из недостатков — при хороших осадках — промокает, посему требует либо спец. покрытия, либо просто водоотталкивающего чехла, накидки* (<https://obovfsem.ru/obo-vsem/aksessuary/kak-vybrat-turisticheskij-ryukzak.html>).

Модель 4. **Прил1ед+СушНескл = АКПрил1ед+СушНескл**, где главное слово является несклоняемым существительным (**КолАп2: 3; 1,12%; 0,89%**), например, в паре *авиашоу* — *авиационное шоу*: *Из-за авиашоу в центре Ульяновска приостановят ремонт дорог* — *Глава Ульяновска Александр Болдакин рекомендовал подрядчикам завтра, 19 июня, приостановить работы по ремонту улиц Спасской, Гимова и бульвара Новый Венец чтобы не создавать трудностей и препятствий для зрителей авиационного шоу «Русских Витязей»* (<https://73online.ru/r/iz-za-aviashou-v-centre-ulyanovska-priostanovyat-remont-dorog-167309>).

УХА

КолАп1: 115; 13,36%. Модель дешифровального стимула, в которой абброконструкту соответствует сложное существительное в косвенном падеже. В сложносокращённом слове отсутствует эквивалент второго компонента композита. Представлена пятью моделями формальной разновидности эквивалентности.

Модель 5. **Суш1ед+Суш(комп)2ед = АКСуш(комп)2ед+Суш1ед** (**КолАп2: 65; 56,52%; 7,55%**). Абброконструкту соответствует форма родительного падежа единственного числа существительного, а базисное существительное имеет либо полную парадигму, например *авиаменеджер* — *менеджер авиакомпании* (ср. *менеджеры авиакомпании*): *Авиаменеджер — это тот, кто всегда знает, почему ваш рейс задержали* — *Если менеджер авиакомпании спокоен — значит, он просто хорошо скрывает панику* (<https://mycalling.ru/aviamenedzher.html>), или парадигму *singularia tantum*, например *авиапроизводство* — *производство авиатехники*: *На этой мажорной ноте советские*

исследователи и заканчивали рассмотрение **авиапроизводства** в годы войны — Все это привело к обвалу **производства авиатехники** (<https://ym-penza.ru/kulturnyj-sloj/kraevedenie/item/7796-aviapromyshlennost-sssr-v-gody-vojny>).

Модель 6. **Сущ1ед+Сущ(комп)2мн = АКСущ(комп)2мн+Сущ1ед** (КолАп2: 42; 36,52%; 4,88%). В отличие от предыдущей модели композитный эквивалент абброконструкта употреблён в форме родительного падежа множественного числа, например **авиамаршрут** — *маршрут авиаперевозок*: *Новые авиамаршруты появятся в 2025 году в Забайкалье* — *Новые маршруты авиаперевозок появятся в 2025 году в Забайкальском крае* (<https://eastrussia.ru/news/novye-aviamarshruty-poyavyatsya-v-2025-godu-v-zabaykale-/>).

Модель 7. **Сущ1мн+Сущ(комп)2мн = АКСущ(комп)2мн+Сущ1мн** (КолАп2: 3; 2,61%; 0,30%). В этом случае и главное и зависимое слово эквивалентного словосочетания представлены формами множественного числа, например **авиауслуги** — *услуги авиаперевозок*: *Все авиауслуги выполняются собственными воздушными судами-самолетами Ан-2 и вертолетами Ми-8, Ми-8МТВ* — *Предлагаем услуги авиаперевозок высокой надежности в Екатеринбург* (<https://aviastar-spb.ru/napravlenie/narian-mar/>).

Модель 8. **Сущ1мн+Сущ(комп)2ед = АКСущ(комп)2ед+Сущ1мн** (КолАп2: 3; 2,61%; 0,30%). В данной модели главное слово эквивалентного словосочетания имеет парадигму множественного числа, а эквивалент абброконструкта представлен в форме родительного падежа единственного числа, например **авиадетали** — *детали авиатехники*: *Моделирование процессов гибки тонкостенных деталей авиатехники с учетом геометрической нелинейности* (https://elibs.kai.ru/docs_file/826020/HTML/3/).

Модель 9. **Сущ1ед+Сущ(комп)5ед = АКСущ(комп)5ед+Сущ1ед** (КолАп2: 2; 1,74%; 0,20%). Оба слова эквивалентного словосочетания употреблены в формах единственного числа. Эквивалент абброконструкта представлен формой творительного падежа: **авиаписьмо** — *письмо авиапочтой*: *Напишите мне авиаписьмом, чтобы было быстрее, адрес на конверте* — *Из Владивостока в Екатеринбург письмо авиапочтой доходило за три-четыре дня* (<https://proza.ru/2022/08/30/509>).

УХ

КолАп1: 100; 11,61%. Модель дешифровального стимула релятивного типа, в которой абброконструкту соответствует простое существительное в косвенном падеже. Аббревиация метатезного типа представлена тремя моделями формальной разновидности эквивалентности.

Модель 10. **Сущ1ед+Сущ2ед = АКСущ2ед+Сущ1ед** (КолАп2: 86; 86%; 9,99%). Абброконструкту соответствует форма родительного падежа единственного числа существительного, а базисное существительное имеет либо полную парадигму, например **авиарейд** — *рейд авиации* (см. *рейды авиации*): *Под прикрытием сильных активных шумовых помех проводятся разведывательные авиарейды* — *Рейды авиации Израиля египетское командование оценило как подготовительный этап к новым ударам* (<https://pro75555.myqip.ru/?1-17-0-00000011-000-0-0>), или парадигму *singularia tantum*.

Модель 11. **Сущ1ед+Сущ2мн = АКСущ2мн+Сущ1ед** (КолАп2: 8; 8%; 0,93%). Разновидность модели 14, в которой абброконструкту соответствует форма родительного падежа множественного числа эквивалентного существительного, например **авиаклуб** — *клуб авиаторов*: *В Москве есть клуб авиаторов «Девять-девять» и там авиаторы исполняют свои самодельные песни время от времени* — *Пацанам надо дать интереснее альтернативу их обычному компьютерному времяпрепровождению а не противопоставлять авиаклуб компьютеру* (<https://reaa.ru/threads/teoreticheskiye-voprosy-raboty-yupsh-i-vospominaniya-yunosheskaya-planernaya-shkola.15027/page-20>). В модели представлена только полная парадигма базисного существительного.

Модель 12. **Сущ1ед+Сущ5ед = АКСущ5ед+Сущ1ед** (КолАп2: 6; 6%; 0,7%). В данной модели эквивалентное абброконструкту существительное представлено формой творительного падежа единственного числа, например **авиадоставка** — *доставка авиацией*: *Авиадоставка — это самый быстрый способ перевозки товаров* — *Будь то*

срочная **доставка авиацией** или экономичная перевозка морем, мы найдем лучший вариант для вас (<https://rustranschina.su/airdelivery/>).

X(ад)АУ

КолАп1: 99; 11,50%. Модель дешифровального стимула модификативного типа, в которой абброконструкту соответствует сложное прилагательное. В сложносокращённом слове отсутствует эквивалент второго компонента композита. Представлена двумя моделями формальной разновидности эквивалентности.

Модель 13. Прил(комп)1ед+Сущ1ед = АКПрил(комп)1ед+Сущ1ед (**КолАп2: 93; 93,94%; 10,80%**). Абброконструкт эквивалентен первой части сложного прилагательного, а существительное выступает в полной форме, представляющей либо полную парадигму, например *авиаобъединение* — *авиапромышленное объединение: Создаваемые параллельно нашей работе другими авиаобъединениями среднемагистральные самолеты типа ТУ-334 ... и другие «закроют» только часть этого рынка* — *Погосян подчеркнул, что основное производство новых самолетов будет сосредоточено в холдинге «Сухой» и в новосибирском авиапромышленном объединении* (<https://vn.ru/news-26760/>), либо парадигму *singularia tantum*, например *авиаоборудование* — *авиакосмическое оборудование*.

Модель 14. Прил(комп)1мн+Сущ1мн = АКПрил(комп)1мн+Сущ1мн (**КолАп2: 5; 6%; 5,05%; 0,58%**). В отличие от модели 13 здесь и аббревиатура имеют парадигму *Pluralia tantum* и эквивалентно парадигме множественного числа коррелирующего с ней словосочетания, например *авиауслуги* — *авиатранспортные услуги: Как правило, запрос общества на дешевые авиауслуги связан с низкой покупательной способностью населения* — *Для повышения доступности и качества авиатранспортных услуг государство должно разработать нормативно-правовую модель рынка конкурентоспособных региональных и местных пассажирских авиане перевозок* (<https://transportrussia.ru/item/5474-mestnye-aviaperevozki-est-zadely-dlya-rosta.html>).

Модель 15. Прил(комп)1ед+Сущ1ед = АК1Прил(комп)1ед+АК2Сущ1ед (**КолАп2: 1; 1,01%; 0,1%**). Единичный случай в данной модели дешифровального стимула, когда аббревиатура является слоговой: *авиапром* — *авиакосмическая промышленность: Российский авиапром смог обратить кризис в новые возможности, он успешно справляется со сложностями и не сбавляет темп разработок в пандемию* — *Мишустин напомнил о том, что «наукоград Жуковский в пятнадцатый раз стал центром новейших достижений отечественной и мировой авиакосмической промышленности»* (<https://fomag.ru/news-streem/rossiyskiy-aviaprom-uspeshno-spravlyetsya-so-slozhnostyami-v-pandemiyu-mishustin/>).

Заключение. Таким образом, формальная модель эквивалентности выступает как комплекс, состоящий из модели использования дешифровального стимула и модели формальной разновидности эквивалентности. Для аббревиатурной группы «авиа» обнаружено 44 модели использования дешифровального стимула, реализованных более чем в 200 моделях формальной разновидности эквивалентности. Наиболее частотным является использование четырёх моделей использования дешифровального стимула X(ад)У, УХА, УХ, X(ад)АУ, представленных 15 моделями формальной разновидности эквивалентности, по которым образовано 583 аббревиатурные пары. В дальнейшем мы предполагаем описать все обнаруженные нами формальные модели эквивалентности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бутурлимова, М. А. Формальные модели аббревиатурной группы «ред» / М. А. Бутурлимова, В. И. Теркулов // Актуальные проблемы речевой культуры будущего специалиста : Материалы I Международной студенческой научно-практической конференции, посвященной 100-летию юбилею Донецкого национального технического университета, Донецк, 17–21 мая 2021 года. — Донецк: Донецкий национальный технический университет, 2021. — С. 27–28.

2. Газаты, М. А. Абброконструктная группа бух (бухгалтерский) / М. А. Газаты, В. И. Теркулов // Новые горизонты русистики. — 2026. — № 1. — С. 65–73. — <https://doi.org/10.5281/zenodo.20476080>.
3. Емельянова, К. Ю. Слово — морфема — конструкт: дискуссия о статусе сокращенного компонента аббревиатуры / К. Ю. Емельянова, В. И. Теркулов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2026. — Вып. 3 (909). — С. 86–92.
4. Музалева, В. Р. Формальные модели эквивалентности в аббревиатурной группе «хим» / В. Р. Музалева // Новые горизонты русистики. — 2022. — № 18. — С. 36–40.
5. Рязанова, В. А. Типология аббревиатурных групп: принципы и реализация / В. А. Рязанова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. — 2020. — № 1. — С. 114–122.
6. Рязанова, В. А. Аббревиатурные группы в структурном и ономаσιологическом аспектах : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Рязанова Валерия Александровна, 2023. — 212 с.
7. Системные, когнитивно-дискурсивные и синхронно-диахронические аспекты деривационных процессов в русском языке / Е. В. Петрухина, В. И. Теркулов, О. Ю. Крючкова [и др.]. — Москва : МГУ имени М. В. Ломоносова, 2024. — 322 с.
8. Теркулов, В. И. Композиты русского языка в ономаσιологическом аспекте : специальность 10.02.01 «Русский язык» : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Теркулов Вячеслав Исаевич. — Киев, 2008. — 472 с.
9. Теркулов, В. И. О разновидностях абброконструктов : абброэквивалент и абброморфема / В. И. Теркулов // Континуальность и дискретность в языке и речи : материалы 5 Международной конференции. — Краснодар, 2015. — С. 30–33.
10. Теркулов, В. И. Материалы к словарю терминов экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации / В. И. Теркулов // Восточнославянская филология. Языкознание. — 2016. — № 3(29). — С. 13–25.
11. Теркулов, В. И. Сложносокращённые слова: синхронный и диахронный аспекты описания / В. И. Теркулов // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. — 2017. — № 6. — С. 73–97.
12. Теркулов, В. И. Сложносокращённые апеллятивы как автономная разновидность аббревиатур / В. И. Теркулов // Русистика. — 2020. — Т. 18. № 1. — С. 97–112. — DOI: 10.22363/2618-8163-2020-18-1-97-112.
13. Теркулов, В. И. Абброконструкт: принципы определения и описания / В. И. Теркулов, И. Р. Смирнова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2022. — № 2. — С. 28–42. — DOI: 10.29025/2079-6021-2022-2-28-42.
14. Халабузарь, А. О. Модели дешифровки сложносокращённых слов, входящих в аббревиатурную группу "авиа" / А. О. Халабузарь // Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : Материалы IV Международной научной конференции, Донецк, 31 октября 2019 года / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. Том 4 Часть 2. — Донецк: Издательство ДонНУ, 2019. — С. 32–34.

REFERENCES

1. Buturlimova, M. A., & Terkulov, V. I. (2021). Formal'nye modeli abbreviaturnoi gruppy "red" [Formal models of the abbreviation group "red"]. In Aktual'nye problemy rechevoi kul'tury budushchego spetsialista: Materialy I Mezhdunarodnoi studencheskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letnemu yubileyu Donetskogo natsional'nogo tekhnicheskogo universiteta (pp. 27–28). Donetsk National Technical University. (In Russian).
2. Gazaty, M. A., & Terkulov, V. I. (2026). Abbrokonstruktnaya gruppya bukh (bukhgalterskii) [Abbroconstruct group bukh (accounting)]. Novye gorizonty rusistiki, 1, 65–73. <https://doi.org/10.5281/zenodo.20476080>. (In Russian).
3. Emelyanova, K. Yu., & Terkulov, V. I. (2026). Slovo — morfema — konstrukt: diskussiya o statuse sokrashchennogo komponenta abbreviaturnoy [Word — morpheme — construct: A discussion on the status of the shortened component of an abbreviation]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki, 3(909), 86–92. (In Russian).
4. Muzaleva, V. R. (2022). Formal'nye modeli ekvivalentnosti v abbreviaturnoi gruppe "khim" [Formal models of equivalence in the abbreviation group "khim"]. Novye gorizonty rusistiki, 18, 36–40. (In Russian).
5. Ryazanova, V. A. (2020). Tipologiya abbreviaturnykh grupp: printsipy i realizatsiya [Typology of abbreviation groups: Principles and implementation]. Vestnik Donetskogo natsional'nogo universiteta. Seriya D: Filologiya i psikhologiya, 1, 114–122. (In Russian).
6. Ryazanova, V. A. (2023). Abbreviaturnye gruppy v strukturnom i onomasiologicheskom aspektakh [Abbreviation groups in structural and onomasiological aspects] (Doctoral dissertation). (In Russian).
7. Petrukhina, E. V., Terkulov, V. I., Kryuchkova, O. Yu., et al. (2024). Sistemnye, kognitivno-diskursivnye i sinkhronno-diaxronicheskie aspekty derivatsionnykh protsessov v russkom yazyke [Systemic, cognitive-discursive, and synchronic-diachronic aspects of derivational processes in the Russian language]. Lomonosov Moscow State University. (In Russian).
8. Terkulov, V. I. (2008). Kompozity russkogo yazyka v onomasiologicheskom aspektе [Composites of the Russian language in the onomasiological aspect] (Doctoral dissertation). Kyiv. (In Russian).

9. Terkulov, V. I. (2015). O raznovidnastyakh abbrokonstruktov: abbroekvivalent i abbromorfema [On the varieties of abbroconstructs: Abbroequivalent and abbromorpheme]. In Kontinual'nost' i diskretnost' v yazyke i rechi: Materialy 5 Mezhdunarodnoi konferentsii (pp. 30–33). (In Russian).
10. Terkulov, V. I. (2016). Materialy k slovaru terminov eksperimental'noi laboratorii issledovaniya tendentsii abbreviatcii [Materials for the dictionary of terms of the experimental laboratory for the study of abbreviation trends]. Vostochnoslavyanskaya filologiya. Yazykoznanie, 3(29), 13–25. (In Russian).
11. Terkulov, V. I. (2017). Slozhnosokrashchennye slova: sinkhronnyi i diakhronnyi aspekty opisaniya [Compound-shortened words: Synchronic and diachronic aspects of description]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya, 6, 73–97. (In Russian).
12. Terkulov, V. I. (2020). Slozhnosokrashchennye apellyativy kak avtonomnaya raznovidnost' abbreviatur [Compound-shortened appellatives as an autonomous type of abbreviations]. Rusistika, 18(1), 97–112. DOI: 10.22363/2618-8163-2020-18-1-97-112. (In Russian).
13. Terkulov, V. I., & Smirnova, I. R. (2022). Abbrokonstrukt: printsipy opredeleniya i opisaniya [Abbroconstruct: Principles of definition and description]. Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki, 2, 28–42. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2022-2-28-42>. (In Russian).
14. Khalabuzar, A. O. (2019). Modeli deshifrovki slozhnosokrashchennykh slov, vkhodyashchikh v abbreviaturnuyu gruppu "avia" [Models for decoding compound-shortened words belonging to the abbreviation group "avia"]. In S. V. Bepalova (Ed.), Donetskie chteniya 2019: obrazovanie, nauka, innovatsii, kul'tura i vyzovy sovremennosti: Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Vol. 4, Part 2, pp. 32–34). DonNU Publishing House. (In Russian).

Поступила в редакцию 04.06.2026 г.

A. O. Khalabuzar

FORMAL MODELS OF ABBREVIATION EQUIVALENCE WITH AN COMPONENT AVIA-

The paper is devoted to clarifying the principles of describing the formal equivalence of "word — phrase" for abbreviation pairs included in the abbreviation group "avia" in Russian. A synchronous approach is used to identify abbreviations (compound words). It is stated that there is a need to include two types of models in the formal description: models of the use of a decoding stimulus and models of a formal kind of equivalence. The methods of formalization of models are described. Four main models of using the decryption incentive for the abbreviation group avia (X(ад)У, УХА, УХ, X(ад)АУ), represented by 15 formal equivalence models, according to which 583 abbreviation pairs are formed. The most frequent models of the formal type of equivalence include the models Прил1ед+Сущ1ед = АКПрил1ед+Сущ1ед (257 uses), Прил(комп)1ед+Сущ1ед = АКПрил(комп)1ед+Сущ1ед (93 uses), Сущ1ед+Сущ2ед = АКСущ2ед+Сущ1ед (86 uses) and Сущ1ед+Сущ(комп)2ед = АКСущ(комп)2ед+Сущ1ед (65 uses).

Keywords: *compound word, abbreviation, formal model, decoding stimulus usage model, formal equivalence type model.*

Халабузарь Алла Олеговна.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, Российская Федерация.
Ассистент кафедры русского языка.
ORCID 0009-0005-2228-0781.
E-mail: stebuki@yandex.ru.

Khalabuzar Alla Olegovna.

Donetsk State University, Donetsk, Russian
Federation.
Assistant of the Department of Russian Language.
ORCID 0009-0005-2228-0781.
E-mail: stebuki@yandex.ru.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Литература и лингвистический анализ художественного текста

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI: 10.5281/zenodo.21332707

Е. А. Епифанова¹, О. А. Димитриева² © 2026

¹⁻²Федеральное государственное бюджетное

образовательное учреждение высшего образования

«Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева»

¹ORCID 0009-0007-1276-236X

²ORCID 0000-0003-2734-640X

КОМПАРАТИВНЫЕ ТРОПЫ С ПИЩЕВОЙ СЕМАНТИКОЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ В. П. АСТАФЬЕВА

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Данная работа посвящена анализу пищевых компаративных тропов с пищевой семантикой, функционирующих в художественной прозе В. П. Астафьева. Материалом для исследования являются художественные произведения В. П. Астафьева «Последний поклон», «Ода русскому огороду», «Царь-рыба», «Печальный детектив», «Прокляты и убиты». Методом сплошной выборки из данных произведений извлечено 452 компаративных тропа с пищевой семантикой. Основными методами исследования являются описательный, семантический и лингвостилистический. Описаны основные метафорические модели компаративных тропов: «человек ↔ пища», «предмет ↔ пища», «природа ↔ пища» и «животное ↔ пища». Выявлены основные группы гастрономической лексики, входящей в состав метафор и сравнений, а также признаки, лежащие в основании сравнения. Исходя из результатов их анализа, определены и описаны идиостилевые особенности прозы В. П. Астафьева.

Ключевые слова: компаративные тропы, метафора, сравнение, пищевая семантика, метафорическая модель, гастрономический код культуры.

Для цитирования: Епифанова Е. А. Компаративные тропы с пищевой семантикой в художественной прозе В. П. Астафьева / Е. А. Епифанова, О. А. Димитриева // Новые горизонты русистики. — 2026. — № 2. — С. 70–83. — <https://doi.org/10.5281/zenodo.21332707>.

Введение. Цель работы — выявление и систематизация компаративных тропов (далее — КТ) с пищевой семантикой в художественной прозе В. П. Астафьева, определение их роли в формировании идиостиля писателя. **Объектом исследования** являются КТ с пищевой семантикой в художественной прозе В. П. Астафьева. **Предмет** — структурно-семантические типы КТ с пищевой семантикой как маркеры идиостиля В. П. Астафьева.

Изучение КТ занимает значительное место в истории лингвистики, поскольку сам механизм сравнения лежит в основе когнитивной деятельности человека. Компаративные тропы (термин Н. А. Кожевниковой) — «метафоры и образные сравнения разных структурных типов» [8, с. 7]. Основными элементами семантики КТ выступают: «предмет сравнения (то, что сравнивается с чем-л.), образ сравнения (то, с чем сравнивается что-л.), основание сравнения» [8, с. 7]. В последние десятилетия внимание лингвистов сосредоточено на анализе метафор и сравнений в художественной прозе XX–XXI вв. (см. [3, 13–16]).

Особое место занимают исследования КТ с пищевой семантикой. Значительный вклад в изучение пищевой метафоры внесла Е. А. Юрина, рассматривающая данный троп в когнитивном, лингвокультурологическом, лексикографическом аспектах [17].

Исследователь, определяя границы понятия «пищевая метафора», пишет, что «сферой-источником всевозможных метафорических проекций выступает понятийная область “Еда/Пища”, а сферой мишенью — различные концептуальные сферы, явления которых подлежат метафорической номинации и образному означиванию» [16, с. 208].

Н. А. Николина и З. Ю. Петрова подчеркивают, что «для современной русской прозы характерно интенсивное использование компаративных конструкций, содержащих гастрономическую лексику» [9, с. 82]. Отмечается, что данные тропы «охватывают различные сферы изображаемого, при этом наиболее частотны при характеристике человека» [9, с. 82]. Анализу пищевых (кулинарных) метафор посвящены исследования Б. Х. Х. Алхаидари [1], А. С. Бойчук [2], С. Ю. Сидоровой [12].

Обзор научной литературы, посвященной анализу языка художественной прозы В. П. Астафьева, показывает, что исследования связаны с изучением диалектной и просторечной лексики [10], фразеологизмов и паремий [7], [15]. Также интерес лингвистов направлен на описание основных метафорических моделей в отдельных произведениях [6], [11]. В настоящей работе предпринята попытка комплексного исследования КТ с пищевой семантикой в произведениях В. П. Астафьева, что подтверждает его актуальность и новизну.

В работе рассмотрены метафорические модели «человек ↔ пища», «предмет ↔ пища», «природа ↔ пища» и «животное ↔ пища». В основе распределения лежит классификация метафор и сравнений по четырем основным категориям («человек, животные, природа и предметы» [5, с. 202]), предложенная Г. С. Ермолаевым [5].

Материалы и методы исследования. Материалом для исследования послужили произведения В. П. Астафьева «Последний поклон» (1968–1992), «Ода русскому огороду» (1972), «Царь-рыба» (1975), «Печальный детектив» (1986), «Прокляты и убиты» (1990–1994). Методом сплошной выборки из произведений извлечены 452 КТ с пищевой семантикой. В работе использованы описательный и семантический методы, лингвостилистический и контекстуальный анализ.

Основная часть.

ЧЕЛОВЕК → ПИЩА. Через пищевую метафору характеризуется человек в целом, части его тела, особенности внешности, поведения, нрава и темперамента (подробнее см. [4]). В качестве предмета сравнения выступают **глаза человека**: (1) «<...> *глаза ее* <...> *подавались наружу и из черненьких, смородиново поблескивающих, становились, как у русских баб, светлые и большие*» [23, с. 317]; (2) «<...> *мать, строка по сторонам раскосыми хантыйскими глазами, из ореховых перекрасившихся в задымленные*» [22, с. 192]. Глаза ассоциируются с орехом (всего 4 примера), голубикой (1), смородиной (2). В большинстве примеров основанием для сравнения в подобных конструкциях выступает цвет.

В прозе В. П. Астафьева через пищевые метафоры и сравнения характеризуется:

– **голова**: (3) «Он [Булдаков] *перестал звать деда, лакал воду распухшим языком и все бодался и бодался с рекою, катая в ней свою голову, будто грязную брюкву с грязной ботвой*» [22, с. 752]. Голова часто уподобляется брюкве, картошке, кочану капусты, основанием для сравнения служит сходство формы и размера.

– **лицо (груб. морда)**: (4) «<...> *не позавидуешь тому, кто под разрыв попадает, — вещал веселый офицер с мордой, светящейся, будто минусинский помидор*» [22, с. 477]. Минусинские помидоры (от названия города в Красноярском крае) отличаются крупным размером, что и характеризует специфические черты лица.

– **губы, рот**: (5) «А глаза [Антонины] с искрой, с бесом, пляшущим в зрачках, скулы продолговатые обнажились, *губы бруснично заалели*» [22, с. 191]. В основе метафорического уподобления лежит сходство цвета и формы.

– **нос**: (6) «Нелька, наблюдая одним глазом за тем, что делается возле лодки, другим прошла по Лехе — наглая, ширококоротая рожка, *нос картофелиной рос да ножкой гриба подосиновика оборотился*» [22, с. 459]. В большинстве примеров нос соотносится с овощами и грибами по форме.

– **живот** (прост. *брюхо*): (7) «<...> пощупав мое **округлившееся брюхо**, иногда и **пошлепав по нему, как по сдобному караваю**, [бабушка] отправляет досыпать, если это случалось в заговенье или после поста, на праздники» [20, с. 263].

В качестве предмета сравнения могут выступать **зубы**: (8) «**зубы хрустнули яичной скорлупой, провалились в рот**» [22, с. 475–476] (основание для сравнения — хрупкость, непрочность); **руки (локоть)**: (9) «**Леонид локоть кренделем загнул**» [19, с. 61] (актуализируется форма сравниваемого предмета); **лоб**: (10) «**Лоб у Кеши делался бледным, исходил мокротью, будто резаная брюква соком**» [20, с. 216] (сходство с процессами, свойственными овощам).

Сердце не столько как орган, сколько состояние души неожиданно сравнивается с капустой. Душевная боль персонажа преломляется в развернутой метафоре «сердце — это капуста»: (11) «**Сердце Финифатьева слипается в груди капустными листьями, скрипит. В груди волгло, непродышливо**» [22, с. 688]; (12) «**Надо бы выпрямиться распуститься телом, дать сердцу простор, но он боится потревожить притупившуюся боль <...> сердце, завязываясь в вилок, складывает, прижимает лист к листу, замирая в сиротливом отдалении**» [22, с. 688]. При создании образа автор используется ряд лексем, связанных с капустой: *листья, вилок, скрипеть*. Во фрагменте (11) тревога и тягостное состояние героя передаются глагольными метафорами *слипается, скрипит*. В примере (12) глагольная лексика (*завязываясь, складывает, прижимает*) актуализирует процессный аспект сильного эмоционального переживания, сердце-кочан становится средоточием горя и отчаяния. Здесь можно также проследить паронимическую аттракцию: выражения *сердце скрипит, завязываясь в вилок* из-за звукового сходства сближаются по смыслу с фразеологизмами *скрепя сердце, завязывать в узел*.

Через пищевые КТ характеризуется и **человек в целом**. Например, маленький, слабый и тщедушный с виду Аким («Царь-рыба») ассоциируется с сыроежкой, которая контрастирует с медведем: (13) «<...> **он [Аким] мал ростиком, косолап, бесцветен, что болотная сыроежка, а зверь мохнат, вздыблен, отважен, свиреп**» [23, с. 341].

Женские образы сопоставляются с ягодой — традиционным образом сравнения в русской культуре. Так, рано ушедшая из жизни девочка ассоциируется с недоспелой ягодой, а красивая, полная жизни девушка — с луговой земляникой: (14) «<...> **в кедровом струганом гробу лежит <...> светлая девочка, не успевшая стать девушкой, — кровинка, ласточка, ягодка неспелая**» [23, с. 192]; (15) «<...> **кратко вздохнул Герцев и заметил другую девушку <...> яркогубую, глазастьенькую, свежую, что луговая земляничинка**» [23, с. 425]. Диминутивы подчеркивают трепетное и ласковое отношение рассказчика к описываемым людям. В одном из текстов мы встречаем сопоставление женщины с персиком: (16) «**О, мадам! Вы прекрасны, как сицилийская бархатная роза! Ослепительны, как африканское солнце! Нежны, как арабийский персик!**» [21, с. 295]. Сравнение возникает в контексте комплимента в связи с «южными» топонимами (*сицилийская, африканское*) и предметами (*бархатная роза, солнце*) — подчеркивается чрезмерная лесть героя, его желание соблазнить девушку красивыми фразами. Данное сравнение контрастирует со всеми остальными КТ с пищевой семантикой, т. к. редко встречаются фрукты в качестве предмета/объекта сравнения, и это единичный пример, в котором упоминается персик — «экзотический» для Сибири фрукт.

Негативные ассоциации несут в себе тропы, в которых женщины сравниваются с *говяжьей тушей, галушками, картофелем*. В ряде произведений мы читаем о жестоком отношении к женщинам, насильственное действие над ними описывается через сравнения с образами с пищевой семантикой, включающими глаголы воздействия «разделали», «разделался»: (17) «<...> **однажды поэт пригласил Элю «покататься» на машине. Он разделался с нею, как повар с картошкой, раздавив не только душу, вроде бы и кожу с нее живьем ободрал**» [23, с. 488].

Действия и поведение человека характеризуются через КТ, в которых функционирует лексика, связанная с приготовлением и поглощением пищи. Метафорический перенос основан на сходстве процессов. Заготовка сена, складывание копен ассоциируется

с поеданием оладий: (18) *«Коля Рындин <...> по-конски грохает на всю округу, вилами поддевает копны, точно олады вилкой в масленицу за столом у бабушки Секлетины»* [22, с. 289]. Здесь подчеркивается недюжинная сила, трудолюбие героя, радость от привычных, традиционных крестьянских забот.

Отдельно остановимся на КТ, связанных с описанием войны. В. П. Астафьев создает образ войны, жестокой, бессмысленной и кровопролитной, в т. ч. и при помощи КТ. Так, солдаты в бою сравниваются с кашей (5 примеров): (19) *«<...> увязнув в рукопашном бою, он [Щусь] ринулся в человеческую кашу»* [22, с. 94]; (20) *«<...> река все густела и густела от черной каши из людей»* [22, с. 408]. В контекстах актуализируются семы «большое количество», «смешение», образ каши сопровождается конкретизаторами *человеческая* (19), *черная, из людей* (20). Во фрагменте (20) масштабность события подчеркивается лексическим повтором глагола *густела* в сочетании с усилительной частицей *и*. Живые и мертвые солдаты образуют однородную массу, где нет отдельного человека.

Традиционно мясорубкой называют «кровавопролитную битву, в которой гибнет и получает увечья большое количество людей» [26, с. 305]. Языковая метафора получает развитие в следующем фрагменте: (21) *«На фронт побыстрее, на фронт, в дело, в мясорубку — там из этого человеческого фарша пельмень, котлета, из кого и боец получится»* [22, с. 166]. В. П. Астафьев расширяет ряд «мясных» наименований, связанных с войной, дополняет их авторскими метафорами: общая масса солдат — это *фарш*, который станет либо *котлетой*, *пельменем* (негативная ассоциация), либо *бойцом* (положительная коннотация).

Похожее развитие тропа можно проследить и в следующем контексте: (22) *«Конечно, надо бы здесь, на плацдарме, быть не им, а тем, по чьему приказу они влезли в харьковский котел, вовсе и не подозревая, что котел это, да еще такой огромный! В нем сварится не одна армия, масса людей превратится в кашу, жидкую грязь, одобренную мясом и кровью»* [22, с. 438]. Котлом в военной терминологии называют «полное окружение частей противника» [24, с. 463]. В анализируемом примере мы наблюдаем взаимодействие прямого и переносного значений, ассоциация «окружение противником = сосуд округлой формы для варки пищи или кипячения воды» подкрепляется глаголами *свариться*, *одобрить*, большое количество людей уподобляется *каше*.

Через пищевую метафору характеризуются и абстрактные понятия: жизнь, чувство, мука, горе и т. д. Чаще всего данные понятия описываются через вкусовые свойства пищи (*сладкий, горький*). Основанием для подобных сопоставлений выступают особенности восприятия, сходство производимых впечатлений и ощущений. Приятные, доставляющие удовольствия чувства, мысли описываются с помощью эпитетов *сладкий, сладостный*: (23) *«Лишь праздным людям снятся диковинные сны и мучают их сладкие, загадочные или тревожные предчувствия»* [20, с. 131]; (24) *«Аля, Аленька, Аленочка, Алевтинушка, Тина! — и не упомянуть, пожалуй, всех-то ласковых имен. И одно ведь басчей другого, каждое к языку медом льнет, сладкой каплей к нему прилипает, разливается теплом по нутру»* [22, с. 689].

Прилагательное *горький* обычно употребляется в стертых языковых метафорах и служит для описания событий, исполненных горя, страданий, чтобы передать степень отчаяния, бессилия, сожаления: (25) *«<...> она еще пнула мужа, села на дрова и стала громко причитать, обскаживая незнакомым людям свою горькую жизнь»* [23, с. 143].

Таким образом, в прозе В. П. Астафьева через пищевую метафору характеризуется человек в целом, части его тела, поступки. Абстрактные понятия, такие как война, жизнь, воспоминания, слова, предчувствие могут иметь гастрономическую интерпретацию. КТ, построенные по модели «пища → человек», наиболее частотны (182 примера), что свидетельствует об особом внимании автора к характеристике человека, описанию его внешних и внутренних свойств. Нередко уподобление человека пище несет в себе негативные коннотации, подобные сравнения служат для создания отрицательных образов.

ЧЕЛОВЕК → ПИЩА. В качестве предмета сравнения могут выступать продукты и блюда, данная модель менее продуктивна, чем модель «пища → человек» (см. таблицу 1).

Таблица 1. Основные метафорические модели

	«Последний поклон»	«Печальный детектив»	«Ода русскому огороду»	«Прокляты и убиты»	«Царь-рыба»	Всего
Общее количество	141	26	52	103	130	452
«Пища → человек»	47	15	6	63	51	182
«Человек → пища»	13	1	23	3	4	44
«Предмет → пища»	36	2	9	7	18	72
«Пища → предмет»	9	5	1	10	8	33
«Пища → природа»	21	2	9	16	25	73
«Природа → пища»	2	0	0	2	8	12
«Животное → пища»	6	0	4	1	6	17
«Пища → животное»	7	1	0	1	10	19

В прозе В. П. Астафьева встречается отождествление *брюквы* с частями человеческого тела (*головой, черепом*), одеждой (*камилавкой*) по форме, размеру и величине: (26) «<...> *дед и с удивлением обнаруживает: одна лишь видимость от овоци осталась, обе половинки брюквы превратились в черепаушки*» [18, с. 262].

Другой овощ, которому нередко приписываются человеческие черты, — *капуста* (27) «<...> *капуста белыми башками наружу торчала из зеленого ворота листьев*» [21, с. 289–290]. Капуста сравнивается с головой из-за круглых очертаний кочана, а также потому, что ее верхние листья, обрамляющие вилок, напоминают воротник. Из-за большого количества листьев капуста сравнивается с одеждой попа — ризами: (28) «<...> *капуста же, избавленная от тли, ядреть примется и, как поп, который хоть и низок, обрядится во сто ризок*» [18, с. 310]. В примере считывается народная загадка, зафиксированная в сборнике «Пословицы русского народа» В. И. Даля: «Стоит поп низок, на нем сто ризок (*вилок, кочан*)» [25, с. 95].

Свекла, редька, картофель, огурец также характеризуются через антропоморфную метафору. Рост свеклы, наполнение соками ассоциируется с циркуляцией крови: (29) «*Как-то отчужденно, напористо растет свекла, до поры до времени никем не замечаемая, багровеет, кровью полнится*» [21, с. 289–290].

Устойчивую ассоциацию *картофеля* с женщиной мы наблюдаем в очерке «Ода русскому огороду». Рассказчик сравнивает его с труженицей, русской женщиной, что несет в себе положительные коннотации: (30) «*В огороде же том самоглавнейший спаситель — скромное, многотерпеливое существо, участью-долей схожее с русской женщиной, — картошка*» [18, с. 275]. Подобным сравнением автор одновременно отмечает значимость и ценность картофеля для простого русского человека.

Следующий антропоморфный образ — *огурец*. Ребристая поверхность огурца отождествляется с лицом человека, покрытым морщинами и прыщами, место прикрепления цветка к плоду сравнивается с носом, рост овоща — со стремлением человека к свободе: (31) «*Зябкие прыщи, морщины выровнялись, огурец налился соком, заблестел, округлился с боков, и ему тесно стало под листьями, воли захотелось <...> в носу у него [огурца] шушулиной сохлый цветок торчит*» [18, с. 271]. В следующих примерах рифмующиеся сочетания *огурец-молодец, огурец-удалец* отсылают к фольклорным загадкам и пословицам, подчеркивают поэтичность образа: (32) «*Лежит огурец-удалец, дразнится*» [18, с. 271]; (33) «*Уцелел огурец, белопуный молодец!*» [18, с. 271].

Другими продуктами растительного происхождения, выступающими в качестве предмета сравнения, выступают ягоды: *брусника, княженика (княженица), земляника, смородина, черника, виноград*.

Часто в качестве мотивационного метафорического признака выступает цвет сопоставляемых объектов. Цвет раздавленной брусники напоминает кровь: (34) «<...> и чудилось им: во вдавленных каблуками ямках **светилась не размиchanная брусника, но вражеская кровь**» [22, с. 9]. Созревающие ягоды княженицы, постепенно приобретающие розоватый оттенок, по цвету сопоставляются с румянцем на щеках: (35) «<...> **застенчивым, большим румянцем розовели по кочкам звездочки дивной ягоды — княженицы**» [23, с. 269].

В качестве предмета сравнения в единичных примерах могут выступать *калачи, каравай, хлеб, блин, зерно*. Например, хлебный мякиш отождествляется с человеческим телом: (36) «В протянутые руки работника складывались свежие караваи с бело выступившей по бугру мучной пылью, с разорвавшейся на закруглениях **хлебной плотью**» [22, с. 182–183]. Зерна пшеницы по форме и величине напоминают слезы: (37) «Соломинки, что посуше, хрупко сломались, что погибче, легли возле дороги **вразнохлест <...> и словно бы тлели день и ночь поминальные свечки над усопшим хлебным полем, уже отплакавшим слезами зерен**» [22, с. 247].

Таким образом, пища и продукты питания характеризуются сквозь призму антропоморфной метафоры. В качестве предмета сравнения в данной модели выступают овощи, ягоды, мучные изделия и т. д. Наибольшее число примеров, построенных по анализируемой модели, встречается в повести «Ода русскому огороду», произведении, воспевающем овощи и растения.

ПРЕДМЕТ → ПИЩА. В прозе В. П. Астафьева пища описывается через предметные (артефактные) метафоры, наделяется вещественными признаками.

Так, ягоды (*земляника, брусника, боярышник*) сравниваются с огнем, углем (4 фрагмента), возникает метафора «красная ягода = огонь»: (38) «<...> **лишь ярче, пламенной загорится от брусники беломошье и угаснет уже под снегом**» [23, с. 313].

Плоды смородины своим блеском и мерцанием напоминают стекло: (39) «*Тусса со стеклянно мерцающей смородиной*» [21, с. 76]. Голубика и черника сопоставляются с вареньем на основе вкусового сходства: (40) «*Тайга <...> закраснела брусникой, будто в варенье, сладкой сделались голубика и черника <...>*» [23, с. 433].

Через предметную метафору характеризуются овощные и бобовые культуры: *картофель, тыква, капуста, брюква, горох*. Мотивационным метафорическим признаком может выступать температура, форма, динамические свойства (глаголы *жигала, раскаленным*): (41) «<...> **в середине жигала овощ [картофелина] в самый раз, испеклась, умякла, родимая, рот горячит, по кишкам раскаленным ядром катится**» [22, с. 60]; цвет, узор: (42) «*Дома, на деревенском огороде, садили <...> русскую скороспелку, розовато-нежного цвета снаружи, с розоватым кружевцем*» [21, с. 374].

В «Оде русскому огороду» встречается фрагмент, в котором можно найти 4 КТ, связанные с *тыквой*, образом сравнения для которых служат объекты вещественного мира: (43) «<...> **под листьями, в глубокой борозде объявился желтопузый, в банный котел величиною, ребристый кругляк. Нечаянно мальчик нашел затаившиеся в жалице еще два плода, продолговатых и тоже ребристых, что стиральная доска. Сгреб мальчик под мышки бледнопузых этих поросят, домой доставил, будто счастливый золотоискатель самородки**» [18, с. 293] Тыква по форме напоминает круглый камень, на основе сходства величины и размера она сопоставляется с *котлом*; поверхность тыквы, ее фактура сравниваются со *стиральной доской*, а действия, производимые над овощами — то, как мальчик несет их домой, подчеркивают ценность находки. Также в данном фрагменте присутствует зооморфная метафора *бледнопузые поросята*.

Другие продукты питания и блюда, а также кухонный инвентарь редко характеризуются при помощи пищевой метафоры. В качестве предмета сравнения

выступают следующие изделия: *каша, борщ, сало, жир, конфета, жижа, лярд, колбаса*. Мотивационным метафорическим признаком могут выступать:

– консистенция: (44) «<...> *приподнимал с железного дна посуды кашу, будто **нерастеребленную овчину***» [22, с. 78], где причастие *нерастеребленную* подчеркивает высокую плотность консистенции;

– цвет: (45) «Он мантулил, комаров кормил, ***борщи ржавые*** ел, <...>» [23, с. 348];

– сходство производимых действий: (46) «Хлеб он не резал, *отхватывал зубами прямо от булки, затем острием ножом пластал вместе с кожей **кус сала***, кидал его в рот, *будто **дополнительный заряд в казенник орудия***» [23, с. 205].

В текстах анализируемых произведений представлены лишь четыре фрагмента, где в качестве предмета сравнения выступает питье. Молоко по температуре сопоставляется с каленым шлаком: (47) «От горячего молока, которое я проталкивал в горло, ***точно каленый шлак***, сделалось полегче, и я задремал» [21, с. 353]. Вино по своему воздействию на организм уподобляется электрическому току, а вены — проводам: (48) «***Вино без задержки катилось по кишкам, током пробивало все члены и спутанные провода жил***» [23, с. 175].

Таким образом, пища в прозе В. П. Астафьева часто выступает в качестве предмета сравнения (72 примера), продукты питания сравниваются с объектами вещественного мира из-за сходства физических, динамических свойств и консистенции.

ПИЩА → ПРЕДМЕТ. Значительно реже продукты питания и блюда выступают в качестве образа сравнения (33 примера). Предметы действительности сравниваются с едой из-за сходства по форме: (49) «<...> *труба, кнехты, каждая доска, гвоздь и вроде бы даже мотор, открыто илепающий на **грибы похожими клапанами***, непобедимо воняли рыбой» [23, с. 9]; по цвету: (50) «Лизнув желтым языком ***сахарно-белую щепу***, пламя отменяло торцы поленьев и начинало с треском их разгрызать, протачиваться по щелям» [23, с. 288]. Во фрагменте пламя костра приобретает антропоморфные черты; огонь *лизает, разгрызает* щепки и поленья, подобно тому как человек ест кусочки рафинада, поэтому сравнение древесины с сахаром основано не только на цветовом тождестве, но и на сходстве действий.

С сахаром сравниваются и другие предметы. Например, сельские хаты напоминают кубики сахара по форме, причем очертания конкретизируются благодаря распространителям *обколотыми и обкусанными уголками*, а также по цвету: дома выделяются среди дыма своей белизной, на что указывает глагол *светятся*: (51) «<...> ***хаты в селце светятся кубиками сахара с обколотыми иль обкусанными уголками***» [22, с. 562].

Отплывающий теплоход образно связывается с рафинадом: (52) «Скоро ***теплоход*** завис меж ломко подрагивающими стрелками и не шел дальше, не качался, а ***белосахарным кубиком*** намокал снизу, опускался в воду, пока наконец совсем в ней не растворился» [23, с. 431]. В основе метафорического переноса лежит кроме цвета и формы тождество происходящих процессов (ср. глаголы *намокал, опускался, растворился*).

Компаративные конструкции модели «*пища → предмет*» строятся на основе нескольких мотивационных метафорических признаков. Золотые серьги по цвету, форме, размеру напоминают ягоды морошки: (53) «Во всем ее [Ольги] облике, в туго свернутых под белой косынкой волосах, в ушах с маленькими золотыми ***сережками, похожими на переспелую морошку*** <...> чувствовалась основательность» [22, с. 672].

Ряд сравнений и метафор основан на сходстве формальных и динамических свойств. Военная каска уподобляется колобку — имеет круглую форму, совершает аналогичные действия: (54) «<...> *вдруг возникла и игрушечно **покатилась колобком** круглая каска*, <...>» [22, с. 355]. Похожее сравнение с блином мы встречаем далее в романе: (55) «<...> [Финифатьев] *торопливо начал набивать диск патронами, **перебирая** вскрытую **половину диска** в руках, будто горячий блин*» [22, с. 558]. Туруханск в Красноярском крае по внешнему

виду напоминает разломанный хлеб: (56) «*Туруханск ликом смахивает на природу, его окружающую. Изломанный на краюшки крутым яром, оврагами и речками*» [23, с. 374].

Таким образом, метафорическая модель «предмет → пища» выстраивается на сходстве таких характеристик, как форма, размер, цвет, запах, консистенция, а также подобие действий.

ПИЩА → ПРИРОДА, ПИЩА → ЖИВОТНЫЕ. Погодные условия, объекты живой и неживой природы характеризуются с помощью КТ с пищевой семантикой. В большинстве примеров (73 единицы) в качестве предмета сравнения выступают природные явления (*снег, ветер, лед*), географические объекты (*пруд, дорога, остров, скала*), небесные тела (*солнце, звезды*), растения (*трава, водоросли, ряска*); реже (19 примеров) — звери, птицы, насекомые и другие представители животного мира.

В ряде фрагментов мотивационным метафорическим признаком в модели «пища → природа» является консистенция. Например, снег традиционно по степени вязкости и плотности ассоциируется с кашей: (57) «*Я скребу веслами по волнам, в которых уже не расплавляется жидкая снежная кашница*» [21, с. 57].

Кисель и *студень* также характеризуют густоту описываемых явлений. Например, прошлогодняя трава в воде превращается в вязкую жидкость: (58) «<...> *щука* <...> старалась уйти в черную корягу или в *кисель* прошлогодней *травы*, на ходу заглатывая добычу» [23, с. 121]. Дым, наполнивший комнату, настолько плотный, что связывается со студнем: (59) «*В избушке слой дыма, что окуневый студень — хоть ножом режь...*» [23, с. 28]. На густоту дыма указывает и фразеологизированное сочетание *хоть ножом режь*. Гастрономический образ *студень* конкретизируется прилагательным *окуневый*.

Мотивационными метафорическими признаками могут выступать следующие свойства:

– запах: (60) «*Она [русская земля] <...> после спертного, гнилого духа казармы сахарно-сладким воздухом наполненная, сияла из края в край белыми снегами, переливалась искрами*» [22, с. 195]; (61) «*Тлен прошлогодней травы, закисающих болот и умершей хвои плотно прикрывало ароматами новоцветья. <...> Воздух что карамелька*» [23, с. 171].

В представленных фрагментах запах свежего, чистого воздуха вызывает те же ощущения, что и сладкий вкус какого-либо блюда, причем образ сравнения сопровождается различными распространителями. В этих контекстах наблюдаем оппозицию «гниль, тлен — свежесть», чистый воздух воспринимается сладким из-за контраста с духотой и застойностью подвального и казарменного духа, смрадом прели травы и хвои, запахом *закисающих болот*;

– внешний вид в целом: (62) «<...> *лилия стала жесткой на вид, ломка лепестками и напоминала скорее вареного рака, а не цветок*» [23, с. 383]. Цветок лилии внешним видом напоминает вареного рака из-за ломкости лепестков, жесткости, красного цвета. Морковная гряда ассоциируется с пирогом: (63) «<...> *морковные гряды, присыпанные опилками, чтобы тля всякая не портила, поднимаются сдобными пирогами*» [18, с. 283]. Основанием для подобного сравнения послужило внешнее сходство (форма, цвет), а также аналогичность происходящих процессов (*поднимаются*);

– сходство действий и процессов: (64) «<...> *почти ежегодно в опарно набухшую тундру, по которой не пройдешь, не проедешь, на реку, запятнанную раскисшим льдом, не выплывешь, голод гнал его [Акима] на поиски хоть какой-нибудь пищи*» [23, с. 268]. Снеготаяние в тундре также образно связывается с процессом брожения дрожжевого теста, снег подобно опаре становится жидким и вязким;

– деформирование предмета: (65) «<...> *часть суши <...> была бомбами отсечена от материка или, как уголочек уже начатого желтого пирога, отрезана, употреблена, лучшие по-шороховски — схавана воздушными едоками*» [22, с. 715]. Бомбардировка материка сопоставляется с разрезанием пирога, отсеченная часть суши метафорически уподобляется уголку пирога (сходство формы, цвета). Ряд глаголов дан в градации с семантикой ‘употребления пищи’ (*отрезана, употреблена, схавана*), которая передает

эмоциональное состояние говорящего. Авиаторы также воспринимаются через пищевую метафору и называются *воздушными едоками*.

Сходство цвета и формы лежит в основе следующих сравнений: (66) «*В завозне, увешанной под крышей, по следам и укосинам ласточкиными и осиными гнездами, по края набитыми белым снегом, будто чашки, наполненные молоком, шла привычная, размеренная работа*» [22, с. 279]; (67) «*По острову, в лунках засохшей ископыти, словно в каменных сахарницах, белел иней*» [22, с. 354].

Выступы скалы (Шалуний бык) напоминают по форме и цвету части мясной туши, получающиеся при разделке и обработке: (68) «*Шалуний бык сер, в ржавчине по щекам, и щеки напоминают мясную обрезь*» [21, с. 316]. Скала образно связывается и с другими продуктами питания: (69) «*Шалунвей — Шалуний бык, обколотый взрывами, будто затасканный в кармане серый кусок сахара*» [23, с. 536]. Обколотые выступы горы по форме напоминают кусок сахар, края которого повредились из-за внешнего воздействия, на что указывает причастие с зависимым словом *затасканный в кармане*, цветовое сходство подчеркивается прилагательным *серый*.

— действие и цвет: для описания цвета утреннего неба неизвестный поэт, чьи стихи читают герои романа «Царь-рыба», употребляет динамическую компаративную конструкцию, дающую образную характеристику процесса в его разворачивании (наступление рассвета): (70) «*...Рассвет идет / Над лесом от хвои озеленилось небо, / И зажелтело спелую морошкой / И соком княженики налилось*» [23, с. 495]. Цвет неба образно сравнивается с окрасом морошки и княженики, метафорические смыслы заключены не только в сравнении, но и в глаголах *зажелтело*, *налилось (соком)*. КТ со схожей семантикой могут сопровождаться дополнительными основаниями сравнения: (71) «*Жиденькая, морковная зарица таяла за дальними перевалами, <...>*» [23, с. 488–489].

В следующем примере небо уподобляется тазу, а солнце — кипящему в нем морошковому варенью: (72) «*В тот вечер солнце было заключено в какую-то медную, плохо начищенную посудину, похожую на таз. И в тазу том солнце стесненно плавилось, вспухая шапкой морошкового варенья, переваливалось через края посуды, на закате светило, зависало над рекой, и, угасая, умиряясь, кипя уже в себе, не расплескивало огонь, словно бы взгрустнуло, глядя на взбесившиеся берега реки*» [22, с. 400]. Аналогия *солнце = морошковое варенье* строится на тождестве цвета, внешнего вида (*вспухая шапкой*), происходящих процессов, подчеркиваемых глаголами *плавилось*, *кипя*, *переваливалось*.

Небесный свод фольклорно сравнивается с хлебными закромами, а падающие звезды — с зерном: (73) «*Августовский звездопад давно прошел, зерна звезд, как и зерна хлебные с пашен, ссыпаны в закрома небесные и в лари да сусеки деревянные, а это в заполье, на краю неба какие-то обсевки иль такие же, что под Осиповом, заброшенные колосья роняют точнее, редкое семя*» [22, с. 632].

Кроме того, рыбы, насекомые, птицы и звери характеризуются через пищевые метафоры и сравнения. С помощью КТ описывается как внешний вид животных в целом, так и отдельные части тела, органы, ткани, а также скопление насекомых.

В некоторых фрагментах (всего 6) предметом сравнения выступает рыба. Например, мелкая речная рыба имеет вытянутое и длинное тело, что вызывает ассоциацию с лапшой: (74) «*Геологи иной раз забредали туда, поддевали рубахой либо полотенцем муляву-лапшу, варили ее*» [23, с. 336]. Рот осетра уподобляется отверстию мясорубки на основе сходства действий и формы: (75) «*<...> рыба [осетр] продвигалась за ним [Игнатьичем], упрямо нащупывала его и, ткнувшись хрящом холодного носа в теплый бок, <...> и с мокрым чавканьем вбирала внутренности в разъявленный рот, точно в отверстие мясорубки*» [23, с. 233]. Жаберная мякоть тайменя по цвету сопоставляется со спелым арбузом, а боковая прореха в полости рта у рыб по цвету и консистенции напоминает кисель: (76) «*Вот жаберные крышки распахнулись так широко, что под ними обозначилась кисельная зубчатка и арбузно спелая, тоже зубчатая жаберная мякоть*» [21, с. 407].

Большое количество кровососущих насекомых, скопившихся в одном месте, напоминают своим внешним видом тесто: (77) «*В отсвете костра, падающего на воду, видно не просто облако гнуса, а на замазку похожее тесто. Без мутовки, само собою сбивается оно над огнем, набухает, словно на опаре, осыпая в огонь желтью отрубей*» [23, с. 64].

Рой мух образно связывается с ягодами смородины на основе сходства цвета, формы, количества, размера: (78) «*Неспокойное течение покачивало у приплесков и в уловах черную шубу мухоты, которая и по берегу лежала слоями осыпавшейся смородины, сонно ползла трупная тварь по чуть уже пригретому яру*» [22, с. 711].

Нами обнаружено лишь 3 примера с названиями птиц, построенные по анализируемой метафорической модели: (79) «*И застонал, заулюлюкал тихий зимний лес, красной искрой из гущи ельников метнулась сойка*» [23, с. 334]. В этих случаях, как правило, речь идет о цвете оперенья.

В рассмотренных произведениях единичными случаями представлено метафорическое осмысление домашних и диких животных. В качестве предмета сравнения выступают лишь части тела, органы и ткани. Например, съеденные собакой кости диких животных подобно неотваренным макаронам издают характерный хруст: (80) «*Аким обдирает белок возле печи, бросал тушки за дверь. Розка [собака] там их уминала, похрустывая косточками, будто макаронами*» [23, с. 448]. Кровь собаки по цвету и консистенции напоминает кисель: (81) «*<...> кровь иссякла, вяло уже сочилась по шерсти, сгущаясь клюквенным киселем*» [23, с. 342]. Сходство цвета подчеркивается прилагательным *клюквенный* (красный), вязкость и плотность консистенции передается через дееспричастие *сгущаясь*.

Таким образом, в основании метафорических моделей «природа → пища», «животное → пища» лежит сходство таких свойств, как консистенция, форма, размер, цвет, одоративные и звуковые ощущения, количество, а также подобие происходящих процессов и производимых действий. В анализируемой модели представлены как традиционные метафоры и сравнения (сравнение природных объектов с киселем, кашей, на основе сходства консистенции), сладкий и медовый (об аромате), так и индивидуально-авторские (солнце = морошковое варенье, тундра = опара, остров = каравай и т. п.). Сопоставление природных явлений, географических объектов, растений и животных с пищей и продуктами в большинстве примеров несет в себе нейтральную оценку.

ПРИРОДА → ПИЩА. ЖИВОТНОЕ → ПИЩА. Продукты питания, блюда и посуда редко характеризуются через метафоры и сравнения, связанные с природой (всего 12 примеров).

Основанием сравнения в подобных конструкциях выступают следующие свойства:

– цвет: (82) «*<...> откуда-то из недр его, из самой утробы, высыпались на снег горсть-другая стилой, на залежалое золото похожей пшеницы*» [22, с. 252]. В фрагменте наблюдаем инверсию при построении сравнительного оборота, нарушение традиционной конструкции.

– консистенция и температура: (83) «*Пахучая хлебная лава, еще теплая, только-только усмирённая огнем — великое чудо из всех земных чудес*» [22, с. 182].

Пища также может восприниматься сквозь призму зооморфной метафоры (17 примеров). Мотивационными признаками могут выступать различные физические и динамические свойства: (84) «*По тазу вместе с белыми семечками жабами всплывали зеленые разопрелые помидоры, ошметки капусты, в слизь разварившиеся, мясные иль какие-то другие жилы и белесая муть картошки*» [22, с. 128]. В данном отрывке находит отражение негативная оценка получившегося варева, на что указывают словосочетания *в слизь разварившиеся*, *белесая муть* и слова *ошметки*, *разопрелые*.

Морошка уподобляется рыбе на основе сходства динамических процессов: (85) «*Летами по кладбищу высыпала сильная морошка, будто рыба какая, заплыв сюда в половодье, выметывала комочки желтой икры*» [23, с. 271].

Сравнение может строиться и на аналогичности отношения героев к сравниваемым объектам. Так, к молодому, свежему огурцу бабушка рассказчика относится бережно, трепетно, что выражается в ее действиях: (86) «*Бабка сорвала его [огурец] и бережно принесла в руках, словно цыпушку*» [18, с. 271].

Таким образом, продукты питания в прозе В. П. Астафьева редко описываются через природные и зооморфные метафоры. С природными явлениями пища ассоциируется на основе сходства цвета, температуры, консистенции. Аналогичность действий, движений, внешнее подобие рождает в авторском сознании ассоциацию «пища = животное».

Заключение. Из 452 компаративных конструкций с пищевой семантикой большая часть метафор и сравнений построена по моделям «человек ↔ пища» (226 примеров — 50%), затем следует «предмет ↔ пища» (105 конструкций — 23,2%). Метафорическая модель «природа ↔ пища» составляет 18,8% от общего числа тропов (85 примеров). Меньше всего в текстах метафор и сравнений, построенных по модели «животное ↔ пища» (36 конструкций — 8%).

Основанием для метафорического переноса выступают параметрические (величина, форма, размер, рост), цветовые (цвет, окрас, масть), температурные, тактильные (мягкость, твердость), консистенциальные (консистенция, структура, состояние), динамические (действие, процесс), одоративные (запах), квантитатвные (количество), субъектно-психологические признаки.

Проанализировав метафорические модели в повести В. П. Астафьева, можно выделить основные тематические группы пищевой лексики: 1) овощи: *капуста, брюква, картофель, редька, тыква, горох, лук, морковь, огурец, помидор, свекла*; 2) мучные изделия, зерновые продукты: *блин, каравай, хлеб, крендель, пряник, пирог, калач, тесто, опара, зерно, пшеница, лапша, галушки, макароны*; 3) ягоды: *земляника, морошка, княженица, смородина, голубика, черника, виноград, персик*, бахчевые культуры — *арбуз, дыня*; 4) грибы: *рыжик, боровик, сыроежки*; 5) молочные продукты: *сметана, молоко, простокваша*; 6) крупяные изделия: *каша, саго, пишено*; 7) рыба: *иваси, икра, щука, таймень*; 8) мясные продукты: *обрезь, пельмень, фарш, котлета*; 9) сладости: *сахар, карамелька, конфета, варенье, мед*; 10) напитки: *кисель, вино, кипяток, коньяк*; 11) яйцо. 12) кухонный инвентарь: *котел, мясорубка, чашка, сахарница*; 13) вкусовые ощущения: *сладкий, горький, кислый*. 14) гастрономическая деятельность: *кипеть, крошить, месить, стряпать*. В произведениях практически не встречаются фрукты в качестве предмета/образа сравнения (2 примера), редко упоминаются закуски и гарниры, супы (4 примера). Благодаря КТ с пищевой семантикой создается особый «сибирский колорит», т. к. в подобных конструкциях автор упоминает овощи, ягоды, грибы, произрастающие на территории тайги, и блюда, которые готовят в Красноярском крае.

Пищевые метафоры и сравнения несут в себе нейтральную оценку (*смородина* → *глаза*, *морошка* → *серьги*, *красная икра* → *сойка*), выражают положительные (*земляничинка* → *девушка*, *кружеево* → *скороспелка*, *карамелька* → *воздух*) и отрицательные коннотации (*сыроежка* → *человек*, *кисель* → *травя*, *мясорубка* → *осетр*). Часто снижение образа наблюдается в конструкциях модели «пища → человек».

Идиостилевыми чертами В. П. Астафьева являются: употребление в компаративных конструкциях окказиональных наречий на -о (*смородиново, опарно, арбузно, бруснично, кисельно* и т. д.), отметим, что в НКРЯ приведенные наречия не встречаются (*бруснично* — три словоупотребления, включая автора, *кисельно* — четыре словоупотребления, три из которых, обнаружено в текстах В. П. Астафьева); большое количество развернутых метафор и сравнений, примеры контаминации и паронимической аттракции, тенденция к конкретизации пищевых образов, выражающаяся в регулярном использовании уточняющих и распространяющих определений разных типов.

В составе КТ используются элементы фольклора: автор употребляет загадки, поговорки, приметы, тем самым подчеркивается связь с народнопоэтической традицией.

Можно сделать вывод, что использование метафор и сравнений с пищевой семантикой является идиостилевой чертой образного языка В. П. Астафьева.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алхайдари, Б. Х. Х. К вопросу о роли гастрономических и кулинарных метафор в произведениях русской литературы начала XX века (на примере повести «Собачье сердце» М. Булгакова) / Б. Х. Х. Алхайдари // Преподаватель XXI век, 2024, № 4–2. — С. 382–393. — DOI: 10.31862/2073-9613-2024-4-382-393.
2. Бойчук, А. С. Гастрономическая метафора как показатель социокультурных отношений в среде носителей русского языка / А. С. Бойчук // Учёные записки ЗабГУ. Серия: Филология, история, востоковедение, 2012, № 2. — С. 190–193.
3. Дозорова, Д. В. Типы и функции метафор в прозе В. Пелевина / Д. В. Дозорова // Слово. Словесность. Словесник : материалы международной научно-практической конференции преподавателей и студентов, посвященной Году педагога и наставника и Году русского языка как языка межнационального общения СНГ. — Т. IX. — Рязань: РГУ им. С.А. Есенина 2023. — С. 211–215.
4. Епифанова, Е. А. Метафорическая модель «человек ↔ пища» в повести В. П. Астафьева «Последний поклон» / Е. А. Епифанова // Молодежный филологический вестник : Сборник научных статей. — Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2025. — С. 111–114.
5. Ермолаев, Г. С. Михаил Шолохов и его творчество / Г. С. Ермолаев. — СПб.: Академический проект, 2000. — 448 с.
6. Коломова, А. С. Средства выразительности в повести В. П. Астафьева «Ода русскому огороду» / А. С. Коломова // Аллея науки, 2019, Т. 3, № 5 (32). — С. 191–195.
7. Кропина, Е. Д. Пословицы и поговорки в произведениях В. П. Астафьева / Е. Д. Кропина // Язык и культура в современном мире : сборник материалов Всероссийской научно-практической студенческой конференции с международным участием. — Челябинск: Библиотека А. Миллера, 2024. — С. 331–335.
8. Метафоры и сравнения современной русской прозы: семантические классы, динамика, взаимодействие / под ред. Н. А. Николиной, З. Ю. Петровой, Н. А. Фатеевой. — М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2025. — 408 с.
9. Николина, Н. А. Гастрономическая лексика в компаративных конструкциях современной русской прозы / Н. А. Николина, З. Ю. Петрова // Русская речь, 2021, № 1. — С. 72–83. — DOI 10.31857/S013161170013907-6.
10. Падерина, Л. Н. Диалектная речь как средство нравственной характеристики персонажа (на примере повествования В. П. Астафьева «Царь-рыба») / Л. Н. Падерина // Эпоха науки, 2017, № 12. — С. 202–207. — DOI 10.1555/2409-3203-2017-0-12-202-207.
11. Ревенко, И. В. Модели метафорического переноса в романе В.П. Астафьева «Прокляты и убиты» / И. В. Ревенко // Динамические процессы в языке и языковой картине мира : материалы II Всероссийской научно-практической конференции. — Красноярск : КГПУ им. В.П. Астафьева, 2021. — С. 51–54.
12. Сидорова, С. Ю. Кулинарная метафора как культурная модель мира в литературе XX века / С. Ю. Сидорова // Международный журнал исследований культуры, 2015, № 2(19). — С. 150–160.
13. Соколова, М. Г. «И нежно льются перезвоны ив, преклоненных у воды». Употребление названий растений в качестве предметов и образов сравнения компаративных тропов в идиостиле М. П. Герасимова / М. Г. Соколова // Русская речь, 2020, № 1. — С. 68–77. — DOI: 10.31857/S013161170008298-6.
14. Шарапова, Е. В. Метафоры звука в романе Веры Богдановой «Сезон отравленных плодов» / Е. В. Шарапова // Русская речь, 2024, № 1. — С. 98–106. — DOI 10.31857/S0131611724010085.
15. Шароглазова, Ю. В. Трансформированные фразеологические единицы в произведениях В. П. Астафьева / Ю. В. Шароглазова // Сибирский филологический форум, 2025, № 2(31). — С. 30–44.
16. Юрина, Е. А. «Пищевая метафора»: Объем и границы понятия / Е. А. Юрина // Вестник Кемеровского государственного университета, 2015, № 3–1(63). — С. 207–212.
17. Юрина, Е. А. Русская пищевая метафора в словарном представлении / Е. А. Юрина // Говор : альманах, 2024, № 8. — С. 102–108. — DOI 10.48612/govor/nkxe-6t4a-k5t4.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

18. Астафьев, В. П. Васюткино озеро / В. П. Астафьев. — М.: АСТ, 2023. — 320 с.
19. Астафьев, В. П. Печальный детектив : Роман, рассказы, новеллы, очерк / В. П. Астафьев. — Л.: Лениздат, 1989. — 368 с.
20. Астафьев, В. П. Последний поклон : Повесть / В. П. Астафьев : в 2 т. — М.: Мол. гвардия, 1989. — Т. 1. — 336 с.
21. Астафьев, В. П. Последний поклон : Повесть / В. П. Астафьев : в 2 т. — М.: Мол. гвардия, 1989. — Т. 2. — 432 с.
22. Астафьев, В. П. Прокляты и убиты : роман / В. П. Астафьев. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 832 с.
23. Астафьев, В. П. Царь-рыба : роман / В. П. Астафьев. — М.: АСТ, 2020. — 544 с.
24. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб.: Норинт, 2003. — 1536 с.
25. Пословицы русского народа В. И. Даля / вступ. ст. М. Люстров. — М.: Олма-Пресс, 2004. — 702 с.

26. Словарь русской пищевой метафоры / сост. А. В. Боровкова, М. В. Грекова, Н. А. Живаго, Е. А. Юрина; под ред. Е. А. Юриной. — Т. 1: Блюда и продукты питания. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. — 428 с.
27. Словарь русской пищевой метафоры / А. В. Балдова, М. В. Герасимова, Н. А. Живаго, Е. А. Юрина; под ред. Е. А. Юриной. — Т. 3: Субъект, объект и инструменты гастрономической деятельности — Томск : Изд-во Том. ун-та, 2019. — 454 с.

REFERENCES

1. Alkhaidari, B. Kh. Kh. (2024). K voprosu o roli gastronomicheskikh i kulinarnykh metafor v proizvedeniyakh russkoy literatury nachala XX veka (na primere povesti «Sobach'e serdtse» M. Bulgakova) [On the Role of Gastronomic and Culinary Metaphors in Early 20th-Century Russian Literature (Based on the Novella "The Heart of a Dog" by Mikhail Bulgakov)]. *Prepodavatel XXI vek [Teacher of the 21st Century]*, 4–2, 382–393. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-4-382-393. (In Russian).
2. Boychuk, A. S. (2012). Gastronomicheskaya metafora kak pokazatel' sotsiokul'turnykh otnosheniy v srede nositeley russkogo yazyka [Gastronomic Metaphor as an Indicator of Sociocultural Relations in the Russian-Speaking Community]. *Uchenye zapiski ZabGU. Seriya: Filologiya, istoriya, vostokovedenie [Scientific Notes of Transbaikal State University. Series: Philology, History, and Oriental Studies]*, 2, 190–193. (In Russian).
3. Dozorova, D. V. (2023). Tipy i funktsii metafor v proze V. Pelevina [Types and Functions of Metaphors in V. Pelevin's Prose]. *Slovo. Slovesnost'. Slovesnik : materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii prepodavateley i studentov, posvyashchennoy Godu pedagoga i nastavnika i Godu russkogo yazyka kak yazyka mezhnatsional'nogo obshcheniya SNG, Ryazan', 20 aprelya 2023 goda [Slovo. Slovesnost. Slovesnik : Materials of the International Scientific and Practical Conference of Teachers and Students Dedicated to the Year of the Teacher and Mentor and the Year of the Russian Language as the Language of Interethnic Communication in the CIS, Ryazan, April 20, 2023]*, IX, 211–215. (In Russian).
4. Epifanova, E. A. (2025). Metaforicheskaya model' «chelovek ↔ pishcha» v povesti V. P. Astaf'eva «Posledniy poklon» [The Metaphorical Model "Man ↔ Food" in V. P. Astafyev's Novel "The Last Bow"]. *Molodezhnyy filologicheskii Vestnik : Sbornik nauchnykh statey. [Youth Philological Bulletin: Collection of Scientific Articles]*. Gomel'skiy gosudarstvennyy universitet im. F. Skoriny, 111–114. (In Russian).
5. Ermolaev, G. S. (2000). Mikhail Sholokhov i ego tvorchestvo [Mikhail Sholokhov and His Works]. *Akademicheskii projekt*. (In Russian).
6. Kolomova, A. S. (2019). Sredstva vyrazitel'nosti v povesti V. P. Astaf'eva «Oda russkomu ogorodu» [Means of Expression in V. P. Astafyev's Story "Ode to the Russian Garden"]. *Alleya nauki [Alley of Science]*, 3, (5 (32)), 191–195. (In Russian).
7. Kropina, E. D. (2024). Poslovitsy i pogovorki v proizvedeniyakh V. P. Astaf'eva [Proverbs and Sayings in the Works of V. P. Astafyev]. *Yazyk i kul'tura v sovremennom mire : sbornik materialov Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy studencheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem [Language and Culture in the Modern World : Collection of Materials from the All-Russian Scientific and Practical Student Conference with International Participation]*, Chelyabinsk: Biblioteka A. Millera, 331–335. (In Russian).
8. Nikolina, N. A., Petrova, Z. Yu., Fateeva N. A. (Ed.) (2025). Metaforы i sravneniya sovremennoy russkoy prozy: semanticheskie klassy, dinamika, vzaimodeystvie [Metaphors and Comparisons in Contemporary Russian Prose: Semantic Classes, Dynamics, and Interaction]. *Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN*. (In Russian).
9. Nikolina, N. A. & Petrova, Z. Yu. (2021). Gastronomicheskaya leksika v komparativnykh konstruktsiyakh sovremennoy russkoy prozy [Gastronomic Vocabulary in Comparative Constructions of Modern Russian Prose]. *Russkaya rech' [Russian Speech]*, 1. 72–83. DOI 10.31857/S013161170013907- 6. (In Russian).
10. Paderina, L. N. (2017). Dialektnaya rech' kak sredstvo нравstvennoy kharakteristiki personazha (na primere povestvovaniya V. P. Astaf'eva «Tsar'-ryba») [Dialect Speech as a Means of Characteristic Moral Evaluation (Based on V. P. Astafyev's Story "The Kingfisher")]. *Epokha nauki [Epoch of Science]*, 12, 202–207. DOI 10.1555/2409-3203-2017-0-12-202-207. (In Russian).
11. Revenko, I. V. (2021). Modeli metaforicheskogo perenosa v romane V.P. Astaf'eva «Proklyaty i ubity» [Models of Metaphorical Transfer in V. P. Astafyev's Novel "Cursed and Killed"] *Dinamicheskie protsessy v yazyke i yazykovoy kartine mira : materialy II Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Krasnoyarsk, 30 oktyabrya 2020 goda [Dynamic Processes in Language and the Linguistic Worldview: Proceedings of the II All-Russian Scientific and Practical Conference, Krasnoyarsk, October 30, 2020]*. Krasnoyarsk : Krasnoyarskiy gosudarstvennyy pedagogicheskii universitet im. V.P. Astaf'eva, 51–54. (In Russian).
12. Sidorova, S. Yu. (2015). Kulinarная metafora kak kul'turnaya model' mira v literature XX veka [Culinary Metaphor as a Cultural Model of the World in 20th-Century Literature]. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury [International Journal of Cultural Research]*, 2(19), 150–160. (In Russian).
13. Sokolova, M. G. (2020). «I nezhno l'yutsya perezvony iv, preklonennykh u vody». Upotreblenie nazvaniy rasteniy v kachestve predmetov i obrazov sravneniya komparativnykh tropov v idiostile M. P. Gerasimova ["And the gentle chimes of willows bowed by the water." The Use of Plant Names as Objects and Images of Comparison in the Idiostyle of M. P. Gerasimov]. *Russkaya rech' [Russian Speech]*, 1, 68–77. DOI: 10.31857/S013161170008298-6. (In Russian).

14. Sharapova, E. V. (2024). Metaforы zvuka v romane Very Bogdanovoy «Sezon otravlennykh plodov» [Metaphors of Sound in Vera Bogdanova's Novel "The Season of Poisoned Fruits"]. Russkaya rech' [Russian Speech], 1, 98–106. DOI 10.31857/S0131611724010085. (In Russian).
15. Sharoglazova, Yu. V. (2025). Transformirovannye frazeologicheskie edinit'sy v proizvedeniyakh V. P. Astaf'eva [Transformed Phraseological Units in the Works of V. P. Astafyev]. Sibirskiy filologicheskiy forum [Siberian Philological Forum], 2(31), 30–44. (In Russian).
16. Yurina, E. A. (2015). «Pishchevaya metafora»: Ob'em i granitsy ponyatiya ["Food Metaphor": Scope and Boundaries of the Concept]. Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Kemerovo State University], 3–1(63), 207–212. (In Russian).
17. Yurina, E. A. (2024). Russkaya pishchevaya metafora v slovarnom predstavlenii [Russian Food Metaphor in Dictionary Representation]. Govor : al'manakh [Govor : Almanac], 8, 102–108. DOI 10.48612/govor/nkxe-6t4a-k5t4. (In Russian).

Поступила в редакцию 01.06.2026 г.

E. A. Epifanova, O. A. Dimitrieva

COMPARATIVE TROPES WITH FOOD SEMANTICS IN V. P. ASTAFIEV'S FICTION

This work is devoted to the analysis of food comparative tropes with food semantics, functioning in the fiction of V. P. Astafiev. The material for the study was the artistic works of V. P. Astafyev "The Last Bow", "Ode to the Russian garden", "The Tsar-fish", "The Sad Detective", "Cursed and Killed". A total of 452 comparative tropes with food semantics were extracted from the data using a continuous sampling technique. The main research methods are descriptive, semantic, and contextual, including systematization and analysis. The main metaphorical models of comparative tropes ("human ↔ food", "object ↔ food", "nature ↔ food", and "animal ↔ food") have been described. The main groups of gastronomic vocabulary that are part of food metaphors and comparisons have been identified, as well as the features that underlie the comparisons. Based on the results of their analysis, the idiosyncrasies of V. P.'s prose have been identified and described.

Keywords: *comparative tropes, metaphor, comparison, food semantics, metaphorical model, gastronomic code of culture.*

Епифанова Елизавета Андреевна.

Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева,
г. Чебоксары, Российская Федерация.
Студент 5 курса бакалавриата.
Направление подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки),
профиль «Русский язык и литература».
ORCID 0009-0007-1276-236X.
E-mail: liza.epifanova.98@mail.ru.

Димитриева Ольга Альбертовна.

Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Российская Федерация.
Кандидат филологических наук, доцент.
Доцент кафедры русской и чувашской филологии и культурологии.
ORCID 0000-0003-2734-640X.
E-mail: olgaal_79@mail.ru

Epifanova Elizaveta Andreevna.

I. Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russian Federation.
A 5th year undergraduate student.
The field of study is 44.03.05 Pedagogical Education (with two training profiles), profile "Russian language and literature".

ORCID 0009-0007-1276-236X.

E-mail: liza.epifanova.98@mail.ru

Dimitrieva Olga Albertovna.

I. Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russian Federation.
Candidate of Philology, Associate Professor
Associate Professor of the Department of Russian and Chuvash Philology and Culturology.

ORCID 0000-0003-2734-640X.

E-mail: olgaal_79@mail.ru.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья

УДК 81'373.611

DOI: 10.5281/zenodo.21332797

А. П. Судакова¹, М. Н. Панчехина² © 2026

*¹⁻²Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»*

¹ORCID 0009-0006-6170-0790

²ORCID 0000-0002-8268-7293

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ЛЕКСИКИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Данная работа посвящена анализу роли и способов использования лексических единиц с национально-культурным компонентом в литературном произведении. На материале романа М. А. Шолохова «Тихий Дон» доказываем, что этнокультурная лексика (диалектизмы, реалии, фоновая и коннотативная лексика) является не просто стилистическим приёмом, а полифункциональным механизмом передачи казачьей идентичности. В статье рассматриваются три основных способа введения диалектизмов в ткань повествования (прямая речь персонажей, несобственно-прямая речь, контекстуальное пояснение), а также подробно анализируются лексико-семантические группы «Одежда», «Обряды», «Еда» и «Ландшафт». Биографический контекст позволяет оценить формирование структуры языковой личности писателя, где ядерным компонентом является этнокультурная лексика. Исследование показывает, как через этнокультурную лексику в романе создаётся цельный образ донского казачества, раскрывается его мировидение, хозяйственный уклад и система ценностей.

Ключевые слова: этнокультурная лексика, этнолингвистика, диалектизм, лексико-семантическая группа, лексическая единица

Для цитирования: Судакова А. П. Особенности функционирования этнокультурной лексики в художественном тексте / А. П. Судакова, М. Н. Панчехина // Новые горизонты русистики. — 2026. — № 2. — С. 84–93. — <https://doi.org/10.5281/zenodo.21332797>.

Исследование выполнено в рамках государственного задания «Языковое пространство города: собственно лингвистический, социолингвистический, лингвокультурологический и психолингвистический аспекты рассмотрения» (№ 126051921056-8).

Современный мир переживает эпоху интенсивной глобализации, которая ускоряется цифровизацией и массовыми миграционными процессами. В этих условиях языки и культуры народов сближаются и сталкиваются с угрозой утраты собственной уникальности. Художественная литература остаётся одним из немногих пространств, где этнокультурная специфика сохраняется, осмысливается и активно транслируется новым поколениям читателей. В художественном тексте этнокультурная лексика превращается в инструмент создания национального колорита, передачи мировидения, формирования идентичности и диалога культур. «Предметом исследования этой науки [лингвокультурологии] являются единицы языка, которые приобрели символическое, эталонное, образно-метафорическое значение в культуре и которые обобщают результаты собственно человеческого сознания — архетипического и прототипического, зафиксированные в мифах, легендах, ритуалах, обрядах, фольклорных и религиозных дискурсах, поэтических и прозаических художественных текстах, фразеологизмах и метафорах, символах и поговорах (поговорах) и т. д.» [7, с. 28].

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, в условиях унификации языков и культур (например, доминирование английского в цифровом пространстве) изучение функционирования этнокультурной лексики в литературе помогает противодействовать потере локальных идентичностей. Во-вторых, в эпоху мультикультурализма (особенно в России с ее многонациональным составом) понимание, как этнокультурные элементы интегрируются в художественный нарратив, способствует диалогу культур. В-третьих, в современной филологии наблюдается устойчивый интерес к интеграции методов корпусной лингвистики и лингвокультурологии, что позволяет исследовать этнокультурную лексику не только в статике, но и в динамике её семантических и прагматических реализаций в рамках художественного дискурса. Исследование заполняет пробел в изучении не только статичных значений слов, но и их динамического функционирования в контексте художественного дискурса, что имеет практическое значение для перевода, преподавания и культурной политики.

Объектом исследования выступает этнокультурная лексика в художественном тексте, а предметом — собственно лексические единицы, принадлежащие к указанному типу лексики.

Цель работы — раскрытие специфики функционирования этнокультурной лексики в художественном тексте как механизма передачи национально-культурной идентичности, выявление ее стилистических и семантических особенностей, а также определение ее роли в формировании восприятия читателем художественного произведения.

Во время работы были использованы следующие методы исследования:

- описательный метод — используется для подробной характеристики этнокультурной лексики, её типов и функций в художественном тексте;
- классификация — позволяет систематизировать этнокультурную лексику по трём типам (безэквивалентная, фоновая, коннотативная) и по лексико-семантическим группам («Одежда», «Обряды», «Еда», «Ландшафт»);
- компонентный анализ — применяется для разложения значений слов на минимальные семантические компоненты (семы) и выявления национально-культурного компонента;
- сопоставительный метод — используется для сравнения лексических единиц из разных языков (немецкого, татарского, русского) с целью выявления этнокультурной специфики;
- метод наблюдения — реализуется через анализ конкретных примеров этнокультурной лексики в тексте романа «Тихий Дон»;
- биографический метод — используется для объяснения использования диалектизмов и этнокультурной лексики через личную историю М. А. Шолохова.

«Язык — ценнейший исторический источник: он воскрешает прошлое, понимание которого становится возможным только из особой лингвистической ткани названных им понятий» [10, с. 130]. Этнолингвистика — «раздел языкознания, изучающий язык по отношению к национальной культуре, взаимодействие языковых, этнокультурных и этнопсихологических факторов в функционировании и эволюции языка» [12, с. 130]. Исходя из этого определения, под **этнокультурной лексикой** мы понимаем совокупность слов (лексем), отражающих взаимосвязь между языковыми и культурными явлениями, например, нем. *Spätnachmittag* — время около 6 вечера; татар. *бәлеш* — национальное блюдо, большой круглый пирог с начинкой; рус. *скородумки* — на скорую руку, испеченные без дрожжей блины или пышки [5].

Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров в работах «Лингвострановедческая теория слова» (1980) и «Язык и культура» (1973) вводят понятие национально-культурного компонента в семантике слова. Этнокультурная лексика — это единицы, в значении которых присутствует лексический фон (совокупность «непонятных семантических долей»), отражающий специфику национальной культуры, истории, быта и общественного сознания конкретного этноса. Язык здесь выступает «хранителем духовных ценностей национальной культуры» [2, с. 94]. Лексический фон — это элемент семантики, не участвующий

напрямую в классификации объектов, но фиксирующий культурный опыт этноса. Он имеет языковую природу (закреплён в коллективном сознании носителей) и объективируется через словари, тексты, опросы носителей и анализ межкультурных расхождений.

По Е. М. Верещагину и В. Г. Костомарову, этнокультурная лексика делится на три основных типа.

- безэквивалентная лексика (реалии) — слова, обозначающие понятия или предметы, отсутствующие в другой культуре (например, рус. *матрёшка*, *борщ*, англ. *Thanksgiving*). Их денотат уникален, и перевод требует описания или заимствования.

- фоновая лексика — слова с совпадающим «лексическим понятием» (денотатом), но разным фоном (ассоциациями, фоновыми знаниями). Например, *школа* в разных культурах вызывает разные коннотации (форма, праздничность 1 сентября в СССР/России и отсутствие формы в Финляндии).

- коннотативная лексика — слова с дополнительными эмоционально-оценочными или культурными оттенками (национальные коннотации).

Очень ярко этнокультурная лексика прослеживается в творчестве М. А. Шолохова.

Формирование мировоззрения писателя началось ещё в раннем детстве, что впоследствии повлияло на его художественный стиль. До восьмилетнего возраста он был «нахалёнком» (регионально окрашенное, уничижительное обозначение незаконнорожденного ребёнка в верхнедонской казачьей среде), носил фамилию первого мужа матери — Кузнецов. Этот статус не просто социальный ярлык, а глубокая травма, наложившая отпечаток на личность будущего писателя и нашедшая опосредованное отражение в тематике семейных конфликтов, сословных противоречий и трагедии человеческого очарования в его главном романе «Тихий Дон».

Мы можем детально реконструировать предысторию родительских отношений. Анастасия Даниловна Черникова, дочь крепостного крестьянина-переселенца из Черниговской губернии, оказавшись в услужении у донского помещика Попова, стала жертвой сословного насилия: забеременев от младшего сына хозяина Дмитрия, она была принуждена к браку с пожилым вдовцом-урядником Стефаном Кузнецовым. Неудачный союз, сопровождавшийся побоями и отвержением со стороны родни мужа, завершился бегством женщины с ребёнком, который вскоре умер. Вторичная встреча с Александром Михайловичем Шолоховым, мещанином-зарайским купцом, переросла в глубокую взаимную привязанность, однако из-за юридических и сословных барьеров (живой муж, сословные предрассудки) отношения долгое время сохраняли полулегальный характер: Анастасия Даниловна жила в доме А. М. Шолохова под видом экономки.

Рождение Михаила 24 мая 1905 года (по косвенным данным — фактически в 1902 году, с намеренным приписыванием трёх лет) было зафиксировано по фамилии Кузнецова, что обусловило длительное пребывание мальчика в положении социального изгоя. Угрозы со стороны первого мужа, насмешки хуторян и холодность родственников М. А. Шолохова по отцовской линии (за исключением сестры Ольги) усугубляли психологическую травму. Лишь после гибели Кузнецова на скачках в 1912–1913 годах стало возможным церковное венчание родителей (29 июля 1913 года) и последующее усыновление, окончательно изменившее юридический статус юноши с «казака» на «мещанина».

Данный эпизод представляет собой классический пример влияния ранней социально-культурной маргинальности на становление художественного сознания. «С позиций этнокультурной лингвистики можно выделить типы носителей базовой и маргинальной культур для соответствующего общества. Здесь действует оппозиция “свой — чужой”» [4, с. 9–10]. Дуализм идентичности — пребывание между привилегированным казачьим сословием и бесправными иногородними — позволил М. А. Шолохову обрести уникальную перспективу наблюдателя, способного впоследствии с равной глубиной проникать в психологию обеих противоборствующих сторон Гражданской войны. Именно эта биографическая раздвоенность как предопределила центральный конфликт «Тихого Дона»,

так и помогла в полной мере передать весь колорит донского казачества посредством многих национально-культурно окрашенных лексем. «<...> Шолоховские аллюзии участвуют в создании исторического колорита, придавая достоверности литературным описаниям эпохи 1920–1930-х годов, а интерес к шолоховским героям и сюжетам коррелирует с общекультурным вниманием к переосмыслению советского прошлого» [9, с. 83].

Одной из единиц, составляющих этнокультурную лексику романа, являются диалектизмы. Диалектная (или областная) лексика — «это часть необщенародной лексики, которая является характерной принадлежностью речи населения какой-либо местности, района, области» [3, с. 607]. В романе практически вся рассматриваемая этнокультурная лексика представлена диалектизмами.

В статье Т. Н. Байрамгуловой рассматриваются приёмы использования диалектизмов в «Тихом Доне». «Диалектизмы в шолоховских произведениях — это не набор случайно услышанных человеком городской культуры деревенских слов. Это точное отражение родной писателю донской речи. Писатель слышит ее в разговорах казаков. Они входят в авторские описания природы, используются как образные поэтические средства» [1, с. 1].

Автор анализирует фонетические, морфологические, лексические и синтаксические диалектные особенности. В фонетике преобладают аканье (в том числе сильное и диссимилятивное), замена ударного [а] на [о] (*плóчено, зóтил*), переход [е] в [о] или его сохранение, протеза [в] (*вусы, вострая*), цоканье (*цаек, цто, мальцил*). Морфология представлена особыми формами рода и падежа (*ни сну тебе, глотнет ветру, лошадя, за уголья*), окончаниями прилагательных (-ого, -ова), инфинитивами на -сть и глаголами общего спряжения (*проводют, увидют, гутарют*). Лексика включает собственно диалектные слова (*кубыть, мабуть, зараз, ажник, дюже, нехай, трошки*) и семантические диалектизмы (*бродить* — ловить бреднем).

Особое место занимают 96 этнографических диалектизмов, распределённых по восьми тематическим группам: названия одежды (*голощечина, зипун, исподница*), орудий труда (*арба, безмен, барок*), домашней утвари (*баклага, гас*), животных и растений (*будыль, былка, донник*), построек (*баз, балясина, ветряк*), ландшафта (*буерак, дяляна, ерик*), природных явлений (*крыга, марь*) и характеристик человека (*вязы, гляделка*).

М. А. Шолохов вводит этнокультурную лексику тремя основными способами. Первый и наиболее частотный — прямое включение в речь персонажей для имитации живой донской речи. Например, когда Пантелей Прокофьевич говорит сыну: «*Ты гляди, парень, — уже жестко и зло продолжал старик, — я с тобой не так загутарю*» [13, с. 5], диалектный глагол *загутарю* (заговорю) органично вплетается в его реплику, создавая эффект подлинности.

Второй способ — использование диалектизмов в авторском повествовании с элементами несобственно-прямой речи. Вот как описывается внутреннее состояние героя после ссоры с отцом: «*Покусывая губы, шел Григорий позади отца. “Выкуси, батя, хоть стреноженный, уйду ноне на игрище”*», — думал, злобно обгрызая глазами *крутой отцовский затылок*» [13, с. 6]. Глагол *выкуси* (в значении «ничего у тебя не выйдет») и причастие *стреноженный* (в переносном значении «связанный по рукам и ногам») — яркие примеры диалектной лексики, переданной через внутреннюю речь персонажа.

Третий способ — косвенное семантическое пояснение через контекст. М. А. Шолохов почти никогда не использует прямых определений, что является признаком высокого художественного мастерства. Так, например, слово *курень* впервые появляется в тексте без пояснения: «*В курень его не ходил до смерти, не забывая обиды*» [12, с. 1]. Лишь из последующего контекста читатель понимает, что речь идет о казачьем доме. А слово *баз* (*скотиний баз*) также вводится без определения, но из фразы «*выпустил на проулок скотину*» становится ясно, что это двор для скота.

Помимо этнокультурной лексики М. А. Шолохов активно использует в романе колоративную и одорическую лексику. Как подчёркивает Е. В. Каменская, «цветообозначения в романе не только отражают реальность, показывая глубокое знание

казачьей жизни, но и передают авторское восприятие действительности, являясь средством выражения оценок и экспрессии писателя» [3, с. 33]. При этом некоторые колоративы приобретают дополнительную культурную коннотацию. Например, «черный цвет как цвет глаз может приобретать дополнительную авторскую коннотацию “черта родового сходства”, т. к. для казаков род и семья священны» [3, с. 31]. Сложные прилагательные типа воронено-черные несут «положительную авторскую оценку», поскольку «вороненый — цвет вороненой стали казачьей пашки — обязательного оружия казака, символа всей полноты его прав» [3, с. 30–31].

В данной работе уделяется внимание следующим лексико-семантическим группам слов: «Одежда» (мужская, женская, обрядовая), «Обряды» (семейные, военные и др.), «Еда» и «Ландшафт».

Лексико-семантическая группа «Одежда» включает в себя следующие подгруппы:

1. Мужская одежда.

- *Чирики* — мягкие кожаные туфли без каблуков, закрывающие ногу не выше щиколотки. В тексте романа чирики выполняют функцию маркера повседневности и труда: «Григорий, посапывая, стянул с подвески будничные шаровары, взял их в белые шерстяные чулки и долго надевал **чирик**, выправляя подвернувшийся задник» [13, с. 4].

- *Учкур* — узкий ремень для штанов из сыромятной кожи или из конского волоса. В тексте часто сопровождается глаголами *затянуть*, *подправить*, что отсылает к телесному, тактильному опыту казака. Фраза «**учкур** туго затянут» маркирует физическую силу и готовность к движению, труду.

- *Шаровары* — донские казачьи брюки из полотна с лампасами по бокам — часть традиционной мужской казачьей одежды: «...бережно повесил праздничные, с лампасами, **шаровары**» [13, с. 8]. Сами лампасы — цветные полосы по бокам штанов — были маркером сословной принадлежности к казачеству. В тексте есть ироническое обыгрывание этой детали: когда хуторяне обсуждают жену Прокофия, турчанку, они говорят: «*ходит-то она... в Прокофьевых шароварах... только без лампасин*» [13, с. 2]. Отсутствие лампасов подчёркивает её чуждость казачьей среде.

- *Зипун* — верхняя мужская (и женская) одежда из овчины или домотканого сукна, широкого покроя, но приталенная, с рукавами, подпоясываемая поясом, носилась в холодное время и защищала от дождя и непогоды: «Прокофий кутал жену в **зипун** и на руках относил домой» [13, с. 2]; «... накин **зипун** и скачи к Аксины...» [13, с. 13].

- *Чекмень* — казачий военный мундир; верхняя одежда из домотканой шерсти: «распахнув **чекмень**, шел медленно, как по пахотной борозде» [13, с. 1]. Чекмень использовался как выходная, праздничная одежда, что подчёркивает торжественность момента возвращения Прокофия в хутор.

С помощью изображения разнообразной мужской одежды М. А. Шолохов четко проводит грань между миром до начала войны и после. «В противопоставлении форменной (шинель, сапоги) и домашней (чирики, шаровары, шерстяные чулки, теплая куртка, домотканый зипун) одежды реализуется оппозиция война/дом, проявляющая два полюса в мире казака и раскрывающая их ценностное значение для него» [8, с. 66].

2. Женская одежда.

- *Исподница* — нижняя юбка/рубаша под верхнюю одежду, часто отороченная кружевом. «В синей **исподней юбке**» [13, с. 13] Аксиныя идёт на рыбалку; «Дарья в **исподнице** пробежала доить коров» [13, с. 3]. Лексический фон слова включает представление о женской «скрытой» красоте, о домашней, интимной сфере, противопоставленной публичной.

- *Завеска* — женский передник, фартук без нагрудника. В тексте этот элемент одежды может выступать как маркер труда и женской деревенской рутины («Откинувшись назад, несёт мать в **завеске** на затоп кизяки» [13, с. 9]; «Вытерла о **завеску** руки с засученными по локоть рукавами» [13, с. 32]), так и предметом, через который передается

эмоциональное состояние героев. В сцене, где Акси́нья готовится к предстоящей смерти («Убьет меня Степан... — не то спрашивает, не то утвердительно говорит она» [13, с. 28]), её жест — комканье завески — становится символом отчаяния: «Акси́нья скомкала в пальцы *завеску* и села на лавку» [13, с. 32].

3. Обрядовая одежда.

- *Смертное* — одежда для усопшего, похоронный комплект: чёрная юбка, рубаха и матерчатые чирики и др. Упоминается в контексте смерти Акси́ньиной свекрови. Это слово относится к табуированной лексике, связанной со смертью, и построено по модели отвлечённого имени, замещая прямое наименование.

Лексико-семантическая группа «Обряды» включает в себя следующие подгруппы:

а. Семейные.

- Предсвадебье (сватовство): родители договариваются о браке. Сватовство и связанная с ним лексика представлена в романе очень подробно. Глагол *усватали* (совершили сговор) встречается в речи Пантелея Прокофьевича: «Кого *усватали*? — Только собирается ехать» [13, с. 28]. Важным элементом свадебного обряда является *кладка* — подарки невесте от родителей жениха. Во время сватовства Пантелей Прокофьевич говорит: «Кладка ваша чересчур очень дюже непереносимая для меня! Ты вздумай, дорогой сват, вздумай: *гетры с калошами* — раз, *шуба донская* — два, *две платья шерстяных* — три, *платок шелковый* — четыре. *Ить это разор-ре-нья!*...» [13, с. 43]. Перечисление предметов кладки даёт представление о материальной стороне брака у донских казаков.

- День свадьбы: венчание и свадебное застолье (*курень*, *чекалдыкнуть* — выпить). *Поезжанье* — свадебный поезд жениха за невестой: «За невестой в *поезжанье* нарядили четыре пароконные подводы» [13, с. 48]. *Дружко* (распорядитель свадьбы) — Петро. В тексте описывается, как *поезжанье* скачет к дому невесты: «Лошади в *кумачных, голубых, бледно-розовых пополах, в бумажных цветах, в лентах, заплетенных в гривы и челки, в перезвяке громышков, стлались над кочковатой дорогой, роняя шмотья мыла, и попонки над взмыленными, мокрыми спинами хлопали, рябились, полоскаемые ветром*» [13, с. 49].

- Послесвадебье — упоминается как завершающая часть системы.

б. Военные.

- *Справа* — подготовка к службе за свой счёт. Упоминается в речи атамана на присяге: «И должен ваш отец-мать подумакивать об *справе*. Чтоб коня строевого приобрести...» [13, с. 82].

- *Пластуны* — пешие казачьи части. Упоминаются в контексте военных действий: «По пятам за ними шел полк уральских казаков и 44-й *пластунский*» [13, с. 216].

- *Чембур* — поплавки невода, волокуши; ремень для привязывания коня: «Петро на крыльце наспех сшивал треснувший *чембур*» [13, с. 10].

Лексико-семантическая группа «Еда» включает в себя следующие подгруппы.

- *Кулага* — жидкое кушанье из ржаной муки, солода и сушеных фруктов. В тексте упоминается в контексте приготовления привады для рыбы: «Старик ссыпал в рубаишку *распаренное пахучее жито*» [13, с. 4] — это не кулага, но близкое по технологии блюдо из жита.

- *Каймак* — густые пенки, снятые с кипяченого или топленого молока. Упоминается в сцене сватовства как угощение. Каймак — маркер достатка, поскольку его приготовление требовало большого количества жирного молока: «— К *масленой блины с каймаком* будем исть! — весело крикнул Петро, пихая телка ногой» [13, с. 341].

- *Щерба* — донская рыбная уха. О ней говорится в контексте сватовства: «Семен Гордеевич! — А? — Семен Гордеевич! — Да пошел ты! — Ну, не-е-ет, ты нас баранинкой не угощай... Я, может, стерлядь им... И буду исть — она жир-на-я» [13, с. 52]. Стерлядь — ключевая рыба для донской ухи, и предпочтение ей говорит о казачьей кулинарной культуре.

• *Бурсак* — хлеб продолговатой формы из пшеничной муки: «*Ильинична совала Наталье в кофту мягких бурсаков*» [13, с. 69]; «*привезла домашних сдобных бурсаков*» [13, с. 26]. Название отсылает к бурсацкой (семинарской) культуре, что показывает смешение традиций на Дону.

• *Каныш* — изделие из сдобного теста в виде булочки, ватрушки, пирожка;

• *Куриная кабарга* — хребет;

• *Нардёк* — арбузная патока. В тексте прямо не называется, но упоминаются арбузы в контексте огородов: «*тяжелые, обклеванные воробьями иляпки подсолнухов*» [13, с. 62] — и это указывает на южнорусские реалии, включающие выращивание бахчевых.

Одной из самых обширных лексико-семантических групп является группа «Ландшафт». «Широта и простор донской степи — это географический и вместе с тем духовно-эмотивный фактор становления казачьего менталитета» [6, с. 11]. Лексико-семантическая группа «Ландшафт» включает в себя следующие лексемы.

• *Ендова* — сырое, заливное лесистое место, где собирается талая вода: «*Левобережное Обдонье, пески, ендовы, камышистая непролазь...*» [13, с. 3]. Название *Чертова ендова* («*Надысь рубил я белотал у Чертовой ендовы...*» [13, с. 74]) указывает на мифологизацию пространства: это «дикое», опасное место, граница между освоенным миром хутора и чуждой, враждебной стихией.

• *Займище* — заливной луг: «*Улица... бегущая к займищу*» [13, с. 1]. Здесь казаки трудятся всем хутором, одеваясь как на праздник. Лексика показывает коллективистский уклад, слияние работы и радости, единение людей друг с другом и с землёй, которая кормит их.

• *Суходол* — сухая низина: «*Веснами в майском цветении рвал травы, выкапывал в степи, в суходолах и мокрых балках целебные корни*» [13, с. 93]. Через это слово раскрывается традиционное народное знание, умение лечиться дарами земли, связь казачьего быта с природной аптекой, передаваемая из поколения в поколение мудрость.

• *Буерак* — овраг. обычно поросший лесом: «*Казалось ему, что идет он по буераку, занесенному багряным листопадом, листья мягко уминаются, а под ними — юная упругость сырой буерачной земли*» [13, с. 97]. В годы войны буерак становится символом израненной земли, перекликаясь с искалеченными телами солдат. Это пространство перелома, опасности, драматических событий.

• *Яр* — глубокий овраг; крутой, обрывистый берег реки: «*...саженях в пяти от берега виднелись из воды раскоряченные ветви затонувшего вяза. Вокруг него коловерть...*» [13, с. 4]. У яра происходят переломные встречи, объяснения, расставания. Лексика фиксирует напряжённые, пороговые состояния в судьбе персонажей.

• *Косогор* (употребляется в форме «под горою» и т.п.) — склон холма, горы: «*Они вдвоём отделились от остальных, поехали под горою...*» [13, с. 21]. Это слово фиксирует особое восприятие рельефа. Выражение «поехали под горою» показывает, что для казака движение вдоль склона — естественная навигационная привычка. Гора служит ориентиром, а не препятствием. Через эту лексику передаётся умение казака «читать» местность, использовать её неровности в повседневной жизни — для объезда, укрытия, сокращения пути.

• *Отвод* — участок луга, место для пастбища: «*Таяли конские косяки, гулявшие на станичном отводе*» [13, с. 2]. Слово раскрывает общинный характер казачьего хозяйства: земля не частная, а переделываемая, контролируемая станичным сходом. *Станичный отвод* — это пространство общей ответственности, где пасутся табуны, принадлежащие разным хозяевам. Через лексику показана регуляция земельных отношений, подчинённость личного интереса общинному порядку.

• *Улеж* — луговой пай: «*...отбивали улеши, так он подговаривал всё Малашку Фролову конатся*» [13, с. 19], «*Энти два улеши вспаши, Гришка...*» [13, с. 69]. В контексте «отбивали улеши» слово несёт оттенок передела, дележа, даже соперничества — каждый

казак стремится получить лучший участок. Через *улеи* раскрывается аграрный быт, дробление земли на наделы, постоянная борьба за качество угодий. Это не абстрактное «поле», а конкретный, измеренный, «свой» кусок земли, за который держатся.

• *Деляна (делянка)* — выделенный при дележе участок земли: «Досталась нам **делянка** возле Красного яра» [13, с. 19]. Слово подчёркивает принципиальную для казачества идею: земля делится. Достаётся «нам» (общине, семье), а не является бесхозной. В примере «Досталась нам делянка» слышится и гордость, и смирение перед решением схода. Лексика показывает, что даже природный объект (яр, лог) приобретает социальное значение через закрепление за конкретными людьми.

• *Глаголь* — отметина (обычно в форме буквы «Г») на местности: «Тут я **глаголь** вырубил лопатой» [13, с. 22]. Это акт присвоения пространства через знак. Земля нема, но казак оставляет на ней письменность — пусть примитивную, но понятную соседям. Лексема *глаголь* показывает, что традиционная культура использует графические символы для маркировки территории. Это своего рода народная картография, где буква становится межевым столбом.

• *Кургашек* — небольшой курган, возвышенность (уменьш. от «курган»): «...волк выскочил на **кургашек** — давнишнюю сурчину...» [13, с. 101]. В отличие от монументального кургана (места предков, сакральной высоты), кургашек — это просто сурчина, звериная нора, небольшое возвышение в степи. Слово показывает, что казак различает сакральную вертикаль (большой курган — память) и утилитарную (кургашек — ориентир для охоты). Через уменьшительный суффикс передаётся интимное, «домашнее» знание мельчайших неровностей родной земли.

• *Изволок* — отлогий склон холма: «Гетманский шлях тянулся на **изволок**...» [13, с. 67]. Лексика передаёт ощущение пути, движения, преодоления. Герои постоянно поднимаются на изволоки, откуда открывается даль — это создаёт образ жизни как непрерывной дороги.

• *Пригорок* — небольшой холм: «...на суглинистых местах, на **пригорках** желтел и сворачивался в трубку подгорающий лист...» [13, с. 39]. Пригорок — место, где раньше созревает хлеб, где быстрее сохнет трава, где иные условия для земледелия. Казак через эту лексику фиксирует микроклиматические различия: низина сырее, пригорок теплее. Земля не однородна, она живёт и дышит по-разному, и диалект сохраняет эти наблюдения.

• *Отножина* — ответвление оврага, реки: «...буерак... разветвился на три **отножины**» [13, с. 102]. Слово показывает, как казаки детально, почти анатомически различают черты родной земли, видят её «разветвления», «жилы», что говорит о глубоком знании и освоении пространства.

Таким образом, этнокультурная лексика в художественном тексте выступает не просто стилистическим приёмом, а полифункциональным механизмом передачи национально-культурной идентичности. На материале романа М. А. Шолохова «Тихий Дон» продемонстрировано, что лексические единицы с ярко выраженным национально-культурным компонентом образуют систему, в которой лексический фон становится смысловым и эстетическим центром повествования. Лексико-семантические группы «Одежда», «Обряды», «Еда» и «Ландшафт» иллюстрируют, как этнокультурная лексика одновременно выполняет характерологическую, композиционную, символическую и идентификационную функции, обеспечивая органическое единство авторской речи и речи персонажей, создавая цельный образ донского казачества и раскрывая его мировидение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байрамгулова, Т. Н. Диалектизмы и приемы в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» / Т. Н. Байрамгулова // Язык и культура (Новосибирск). — 2012. — № 1–1. — С. 5–13.
2. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верещагин., В. Г. Костомаров. — М.: Рус. яз., 1980. — 320 с.

3. Каменская, Е. В. Колоративная и одорическая лексика в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» / Е. В. Каменская // Rhema. Рема. — 2013. — № 1 — С. 36–41.
4. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград: Перемена, 2002. — 477 с.
5. Ковалев, Н. И. Кулинарная книга / Н. И. . — [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.teanu.ru/2009/02/skorodumki.html> (дата обращения 07.05.2026).
6. Кононова, С. А. Донская степь как художественное пространство в языке М. А. Шолохова : специальность 10.02.01 «Русский язык» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / С. А. Кононова — Москва, 2007. — 26 с.
7. Маслова, В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. — М.: Издательский центр «Академия», 2001. — 208 с.
8. Плаксицкая, Н. А. Одежда как полифункциональный элемент в романе м. А. Шолохова «Тихий дон» / Н. А. Плаксицкая, Ю. Н. Кутафина, Н. В. Зайцева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2022. — № 6. — С. 61–69.
9. Солдаткина, Я. В. Личность и творчество М. А. Шолохова в зеркале современной русской прозы: основные направления рецепции / Я. В. Солдаткина // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. — 2018. — № 2. — С. 78–84.
10. Яковлева, Т. В. Этнокультуроведческая лексика как отражение языковой картины мира. / Т. В. Яковлева // Инновации в науке. — 2013 — № 16–2 — С. 129–137.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

11. Большой толковый словарь донского казачества: Ок. 18 000 слов и устойчив. словосочетаний / Ростов. гос. ун-т; Ф-т филологии и журналистики; Каф. общ. и сравнительн. языкознания. — М.: ООО «Русские словари»: ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2003. — 608 с.
12. Современный толковый словарь. — Изд. «Большая Советская Энциклопедия», 1997. — С. 6110.
13. Шолохов, М.А. Тихий Дон: Роман в 4-х кн. — М.: Профиздат. — 1990. — 1447 с.

REFERENCES

1. Bairamgulova, T. N. (2012). Dialektizmy i priemy v romane M. A. Sholokhova «Tikhii Don» [Dialectisms and techniques in M. A. Sholokhov's novel «The Quiet Don»] Yazik i kul'tura (Novosibirsk) [Language and Culture (Novosibirsk)], 1 (1), 5-13. (In Russian).
2. Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. (1980). Lingvostranovedcheskaya teoriya slova [Linguistic theory of the word]. Moskva. (In Russian).
3. Kamenskaya, E. V. (2013) Kolorativnaya i odoricheskaya leksika v romane M. A. Sholokhova «Tikhii Don» [Colorative and odoric vocabulary in M. A. Sholokhov's novel «The Quiet Don»]. Rhema. 1, 36-41. (In Russian).
4. Kovalev, N. I. Kulinarная kniga [Cookbook]. — [Electronic resource]. — URL: <http://www.teanu.ru/2009/02/skorodumki.html> (accessed 05.07.2026).
5. Karasik, V. I. (2002). Yazikovoi krug: lichnost', kontsepti, diskurs [The language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena [Volgograd: Change]. (In Russian).
6. Kononova, S. A. (2007). Donskaya step' kak khudozhesvennoe prostranstvo v yazike M. A. Sholokhova : spetsial'nost' 10.02.01. "Russkii yazik" : avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk [The Don Steppe as an artistic space in the language of M. A. Sholokhov : specialty 10.02.01 "Russian language" : abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Philological Sciences]. Moskva. (In Russian).
7. Maslova, V. A. (2001). Lingvokul'turologiya: Ucheb. posobie dlya stud. vissh. ucheb. zavedenii [Linguoculturology: A textbook for students. higher. schools, institutions]. Izdatel'skii tsentr "Akademiya" [Publishing center "Academy"]. (In Russian).
8. Plaksitskaya, N. A (2022). Odezhda kak polifunktsional'nii element v romane m. A. Sholokhova «tikhii don» [Clothing as a multifunctional element in m. A. Sholokhov's novel «the quiet don»] Filologicheskie nauki. Voprosi teorii i praktiki [Philological Sciences. Questions of theory and practice]. 6, 61-69. (In Russian).
9. Soldatkina Ya. V. (2018) Lichnost' i tvorchestvo M. A. Sholokhova v zerkale sovremennoi russkoi prozi: osnovnye napravleniya retseptsii [Personality and creativity of M. A. Sholokhov in the mirror of modern Russian prose: the main directions of reception]. Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedenie, zhurnalistika [Bulletin of the RUDN University. Series: Literary studies, journalism]. 2, 78-84. (In Russian)
10. Yakovleva, T. V. (2013). Etnokul'turovedcheskaya leksika kak otrazhenie yazikovoi kartini mira [Ethnocultural vocabulary as a reflection of the linguistic picture of the world]. Innovatsii v nauke [Innovations in science]. 16 (2), 129-137. (In Russian).
11. Bol'shoi tolkovii slovar' donskogo kazachestva: Ok. 18 000 slov i ustoichiv. Slovosochetanii [A large explanatory dictionary of the Don Cossacks: Approx. 18,000 words and steady. phrases] (2003). Rostov. gos. un-t; F-t filologii i zhurnalistiki; Kaf. obshch. i sravnitel'n. yazikoznaniya. [Rostov State University; Faculty of Philology and Journalism; Department of General and comparatively. Linguistics]. (In Russian).
12. Sovremennii tolkovii slovar' [Modern explanatory dictionary]. (1997). Izd. «Bol'shaya Sovetskaya Entsiklopediya» [Ed. «The Great Soviet Encyclopedia»]. (In Russian).

13. Sholokhov, M. A. Tikhii Don: Roman v 4-ch kn. [The Quiet Don: A novel in 4 books]. (1990). Profizdat. (In Russian).

Поступила в редакцию 14.05.2026 г.

A. P. Sudakova, M. N. Panchekhina

**FEATURES OF THE FUNCTIONING OF ETHNOCULTURAL VOCABULARY
IN A LITERARY TEXT**

This work is devoted to the analysis of the role and ways of using lexical units with a national cultural component in a literary work. Using the material of M. A. Sholokhov's novel "The Quiet Don", the author demonstrates that ethnocultural vocabulary (dialectisms, realities, background and connotative vocabulary) is not just a stylistic device, but a multifunctional mechanism for transmitting Cossack identity. The article examines three main ways of introducing dialectisms into the narrative fabric (direct speech of characters, non-direct speech, contextual explanation), as well as analyzes in detail the lexical and semantic groups "clothing", "rituals", "food" and "landscape". Special attention is paid to the biographical context of the writer, whose marginal position in childhood allowed him to portray both sides of the civil conflict with equal depth. The study shows how the novel creates an integral image of the Don Cossacks through ethnocultural vocabulary, revealing its worldview, economic structure and value system.

Keywords: *ethnocultural vocabulary, ethnolinguistics, dialecticism, lexico-semantic group, lexical unit.*

Судакова Александра Павловна.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, Российская Федерация.

Студент 4 курса бакалавриата.

Направление подготовки 45.03.01 Филология,
профиль «Русский язык и литература».

ORCID 0009-0006-6170-0790.

E-mail: sudakova.s.p@yandex.ru.

Панчехина Мария Николаевна.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, Российская Федерация.

Кандидат филологических наук.

Доцент кафедры русского языка.

ORCID 0000-0002-8268-7293.

E-mail: m.panchehina@donnu.ru.

Sudakova Alexandra Pavlovna.

Donetsk State University, Donetsk, Russian
Federation.

A 4th year undergraduate student.

The field of study is 45.03.01 Philology, profile
"Russian language and literature".

ORCID 0009-0006-6170-0790.

E-mail: sudakova.s.p@yandex.ru.

Panchehina Maria Nikolaevna.

Donetsk State University,
Donetsk, Russian Federation.

Associate Professor of the Russian Language
Department.

ORCID 0000-0002-8268-7293.

E-mail: m.panchehina@donnu.ru.

Один из авторов статьи — член редколлегии журнала. Редакционные решения по рукописи принимались без участия члена редколлегии журнала (включая выбор рецензентов и редакционные решения). Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Научная статья
УДК 821.161.1
DOI 10.5281/zenodo.21332883

В. А. Филатова © 2026

*Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова»
ORCID 0009-0001-8940-8955*

ТРИ ЖЕНСКИХ ПУТЕВЫХ ДНЕВНИКА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА РОССИИ ДЛЯ ДЕТСКОГО ЧТЕНИЯ

В статье исследовано своеобразие трёх женских путевых дневников первой половины XIX века — «Пятнадцатидневного путешествия...» М. Гладковой (1810), второй главы «Записок кавалерист-девицы» Н. Дуровой (1836) и «Каникул 1844 года, или Поездка в Москву» А. Ишимовой (1846). Ключевым свойством этих произведений является их способность формировать образ России через разные модели повествования: сакрально-семейную (у М. Гладковой), героическую (у Н. Дуровой) и профессионально-педагогическую (у А. Ишимовой). В каждом из текстов путешествие становится не только способом познания географических и исторических реалий, но и инструментом патриотического воспитания юного читателя. В статье подробно проанализированы особенности адресации, приёмы создания образа России и способы выражения языкового патриотизма в трёх рассматриваемых произведениях.

Ключевые слова: *детская литература, путевой дневник, образ России, патриотическое воспитание, М. Гладкова, Н. Дурова, А. Ишимова.*

Для цитирования: Филатова В. А. Три женских путевых дневника первой половины XIX века в контексте формирования образа России для детского чтения / В. А. Филатова // Новые горизонты русистики. — 2026. — № 2. — С. 94–102. — <https://doi.org/10.5281/zenodo.21332883>.

Исследование проведено в Донецком государственном педагогическом университете им. В. Шаталова в рамках выполнения Государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации (№ 1025090700023-5-5.3.1) по теме «Взаимодействие школы и семьи по патриотическому воспитанию обучающихся в условиях социокультурной нестабильности, связанной с военными действиями».

Введение. Первая четверть XIX века в истории русской детской литературы, как отмечают исследователи, характеризуется как время застоя, когда ведущие писатели обращали мало внимания на чтение для детей, а публиковались в основном переводы [3, с. 20; 8, с. 12]. В этот период, как и в XVIII веке, почти все писавшие для детей создавали всего одно-два сочинения, участвуя в этой литературе случайно [3, с. 58]. На этом фоне особый интерес представляют три произведения, написанные женщинами в форме путевого дневника, — «15-тидневное путешествие, 15-тилетнюю писанное...» Марии Гладковой (1810), вторая глава «Записок кавалерист-девицы» Надежды Дуровой (1836, первая публикация в «Современнике» при участии А.С. Пушкина), которая представляет собой отрывок из походных записей, датированных 1807 годом и организованных по дневниковому принципу, и «Каникулы 1844 года, или Поездка в Москву» Александры Осиповны Ишимовой (первая публикация в журнале «Звёздочка» в 1845 году, отдельное издание — 1846). Важно отметить, что если книги М. Гладковой и А. Ишимовой были целенаправленно созданы для детского чтения, то «Записки» Н. Дуровой обращены к широкой публике. В настоящем исследовании рассматривается та часть произведения, которая имеет дневниковую форму и ретроспективно воспроизводит походные заметки автора. Объектом исследования являются три названных произведения в их жанровой специфике, а предметом — способы формирования образа России и модели патриотического воспитания, представленные в них.

Все три автора — женщины, однако каждая из них выстраивает свою стратегию литературного поведения. М. Гладкова выступает как послушная дочь и старшая сестра-учительница, оставаясь в рамках традиционной женской роли. Н. Дурова радикально разрывает эту роль: она скрывает свой пол, выходит на поле боя и публично заявляет о своей военной службе. А. Ишимова занимает срединную позицию: она профессионал, педагог, наставница, но при этом остаётся в рамках женской литературной традиции, адресуя свои книги детям и девочкам. Анализ трёх путевых дневников позволяет проследить не только эволюцию жанра, но и эволюцию женского авторства в русской литературе первой половины XIX века. Хронологические рамки исследования охватывают период с 1810 по 1846 год — время, когда Россия пережила Отечественную войну 1812 года, заграничные походы, восстание декабристов и начало формирования новой национальной идентичности в николаевскую эпоху. Три анализируемых текста по-разному отражают этот исторический путь. М. Гладкова фиксирует предвоенную Россию — православную, семейную, ориентированную на традицию. Н. Дурова показывает Россию военную — страну, где женщина может надеть мундир и пойти в атаку. А. Ишимова предлагает образ России послевоенной — страны, которую необходимо осмыслить, изучить и понять через её историю и культуру. Таким образом, три путевых дневника представляют собой не просто литературные памятники, но и своего рода исторические срезы.

История изучения записок Н. Дуровой насчитывает несколько десятилетий. Прижизненная публикация своих откровений, публичное выражение чувств и эмоций в обществе для женщины стало для Надежды Дуровой не менее смелым поступком, чем участие в войне с Наполеоном. На её «правдивое», но не типичное описание войны обращали внимание советские учёные, акцентируя при этом внимание на половой принадлежности писательницы, в частности В. Шкловский и М. Гиллельсон. Реалистическое восприятие войны В. Шкловский расценивал как достоинство записок Н. Дуровой, пример новой современной литературы, поскольку «Дурова как женщина могла рассказывать о том, что она боялась, она могла удивляться и скорбеть на полях боёв, где на земле лежали раздетые мародёрами воины. Дурова как бы опровергала старое представление о “поле славы”» [9, с. 233]. Современные исследователи рассматривают особенности военной психологии Н. Дуровой в контексте поведенческих ориентиров человека наполеоновской эпохи (Е. Приказчикова, Т. Томилина); литературоведы (И. Савкина, Е. Строганова) и историк Н. Пушкарёва проводят параллель между мужским жанром военных мемуаров и женским стилем письма. А.Г. Тартаковский рассматривал записки как военные мемуары и анализировал редакторскую работу А.С. Пушкина [7, с. 45]. А. Б. Рогачевский провёл сравнительный анализ «Записок кавалерист-девицы» и «Капитанской дочки» А. С. Пушкина, показав проблему «права рассказчика» [6, с. 23–31].

Творчество А. Ишимовой в последние годы также привлекает внимание исследователей детской литературы. Н. В. Константинова определяет «Каникулы 1844 года» как документальный травелог и анализирует стратегии повествования [2, с. 1025]. Б. Хеллман в монографии «Сказка и быль» характеризует А. Ишимову как одну из первых профессиональных русских писательниц [8, с. 37].

Книга М. Гладковой остаётся наименее изученной. Наиболее полный анализ её жанровой природы содержится в статье Е. П. Приваловой, опубликованной А. Димьяненко, где доказывается, что текст не является подлинным дневником пятнадцатилетней девочки, а представляет собой литературную обработку [1, с. 242–243]. Все три текста так или иначе связаны с традицией сентиментального путешествия, восходящей к «Письмам русского путешественника» Н. М. Карамзина (1791–1792). М. Гладкова прямо цитирует Н. М. Карамзина в своём дневнике («ибо премудрый Творец неразрывным союзом соединил частное благо с общим» [10, с. 56]), что указывает на осознанную ориентацию на сентименталистскую традицию. Н. Дурова, в свою очередь, создаёт «военный» вариант сентиментализма: она фиксирует не столько стратегические планы, сколько собственные эмоции и переживания, что сближает её с карамзинской традицией «чувствительного»

письма. А. Ишимова трансформирует сентименталистскую традицию в педагогическое русло: путешествие у неё становится не столько способом самопознания, сколько инструментом просвещения юного читателя. Однако сопоставительный анализ всех трёх произведений с учётом их различной жанровой природы и в контексте детского путевого дневника до сих пор не предпринимался. Цель исследования — опираясь на уточнённую жанровую природу каждого из трёх текстов, сопоставить модели формирования образа России и патриотического воспитания, предлагаемые авторами. Задачи включают: анализ жанровой природы каждого текста; выявление особенностей повествования и способов адресации; сопоставление приёмов создания образа России и выражения языкового патриотизма; определение воспитательных стратегий, предлагаемых авторами.

Материалы и методы исследования. Материалом исследования послужили три произведения: «15-тидневное путешествие...» М. Гладковой (СПб., 1810), «Записки кавалерист-девицы» Н. Дуровой (по изд. 1966 и 1987) и «Каникулы 1844 года, или Поездка в Москву» А. Ишиевой (СПб., 1846). Методология исследования включает сравнительно-типологический анализ, позволяющий выявить общие черты и различия в организации повествования, способах создания образа России и приёмах патриотического воспитания, а также элементы историко-литературного, источниковедческого и жанрового анализа. Особое внимание уделяется жанровой природе каждого текста. Как показала Е. Привалова, книга М. Гладковой представляет собой литературную имитацию дневника, созданную матерью семейства и стилизованную под детское письмо [1, с. 242–243]. Вторая глава записок Н. Дуровой, напротив, основана на реальных походных заметках, однако текст подвергся значительной ретроспективной обработке, что позволяет говорить о воспоминаниях, написанных в форме дневника. Сама Надежда Дурова в «Автобиографии» признавалась, что просмотр записей «не всегда покойной жизни» воскресил «и в памяти, и в душе» её былое и дал «мысль собрать эти лоскутки и составить из них что-нибудь целое, напечатать» [11, с. 191]. Путевой дневник А. Ишиевой занимает срединное положение: фактологическая основа (маршрут, исторические справки) достоверна, но образ рассказчицы и эпистолярная форма являются художественным приёмом, а сама книга адресована не реальной сестре, а массовому детскому читателю [2, с. 1025–1026].

Основная часть. Книга Марии Гладковой, изданная в 1810 году в Санкт-Петербурге в типографии Губернского правления без указания имени автора на титульном листе, осталась малозамеченной современниками, однако именно это произведение справедливо считать первым художественным опытом в русской литературе, адресованным девочкам и написанным в форме путевого дневника. Имя автора не было обозначено на обложке, но оно важно для понимания жанра: М. Гладкова подписала посвящение Графине, а завершается повествование призывом «извинять в несвязности и простоте слога юной путешественницы» [10, с. 5–6, 126]. Как доказала Е. Привалова, под «М. Гладковой» следует понимать мать семейства, Марию Сергеевну, в пользу чего «говорит взрослый тон повествования, который прорывается на некоторых страницах книги» [1, с. 243]. Таким образом, перед нами не подлинный дневник, а художественная имитация дневника — жанровая стилизация, где взрослый автор сознательно воспроизводит «несвязность и простоту слога» юной путешественницы. Уже в заглавии чётко обозначен жанр — «путешествие», а в первой же записи героиня называет свой текст «журналом путешествия» [10, с. 10].

Семья, состоящая из матери и дочерей, в сопровождении молодого родственника и прислуги, переезжает из Москвы в Петербург, где их ожидает глава семейства. Маршрут следования включает города Клин, Тверь, Торжок, Вышний Волочёк, Валдай, Новгород и небольшие деревни. По указанию матери с начала пути старшая дочь проводит уроки для младших сестёр, во время которых объясняет географические особенности проезжаемых населённых пунктов и исторические факты. Образ православной России создаётся через описание святых мест: Рождественского девичьего монастыря в Твери, где настоятельницей была их родная тётка «Игуменья Н...Ш...», Спасо-Преображенского собора с мощами Великого Князя Михаила Ярославовича Тверского, Борисоглебского

мужского монастыря в Торжке «по древности своей достойного примечания», Иверского монастыря на Валдае, основанного стараниями Патриарха Никона, а также Софийского собора в Новгороде с древним крестом «с частию древа, на котором Христос Спаситель наш был распят» [10, с. 28–31, 42–45, 78, 112]. Семья в дневнике Гладковой предстаёт как малая церковь: дети любят и почитают отца и мать, обращаясь к ним с большой буквы — «Папинька» и «Маминька». В день именин одной из сестёр, который совпал с днём Владимирской иконы Божией Матери, именинница распорядилась подарком в соответствии с евангельским учением (Лк. 14:12–14) и устроила обед для нищих села, которых пригласила к себе из церкви после обедни, а затем раздала оставшиеся деньги, разделив их поровну между всеми. Мать благосклонно отнеслась к поведению дочери, сказав, что «доброе сердце не остаётся без награждения» [10, с. 96–98]. По М. Гладковой, патриотическое воспитание неотделимо от православного: любить Россию — значит знать её святыни, чтить родителей, заботиться о ближних.

Примечательно, что в дневнике М. Гладковой тема языкового и культурного патриотизма получает не одно, а два последовательных выражения. Первое — эмоциональное и прямое: встретив в трактире знатных девиц, которые не отвечают на приветствие по-русски, но оживают, когда она заговаривает с ними по-французски, рассказчица восклицает: «О! как мне всегда больно, ежели Русские не хотят говорить своим языком, а особливо когда вспомню, что в древние времена и побеждаемые Славянами народы, перенимали их язык» [10, с. 92–93]. Второе выражение — косвенное и обобщающее: возвратившись в свою комнату, она размышляет о том, что «многие из нас желают, чтобы склад тела был лучше, нежели каков он в натуре, а потому и думают, что Французские портнихи, искуснее самой природы» [10, с. 93–94]. Этот фрагмент, хотя и говорит о моде, по сути, продолжает ту же тему: русские люди, особенно женщины, предпочитают иностранное своему — французские моды, французский язык, французские обычаи. М. Гладкова даёт читателю не только прямой эмоциональный призыв, но и более глубокое размышление о том, что подражание иностранному проникает во все сферы жизни, включая повседневный быт, и что патриотизм требует осознанного выбора в пользу своего, отечественного. Это сакрально-семейная модель, где образ России формируется через семейные традиции и православные обычаи, а также через критику слепого подражания иностранному.

Военные походы Н. Дуровой зафиксированы во второй главе «Записок кавалерист-девицы», которая лишь имитирует форму дневника с датами событий: 22 мая, 24 и 25 мая, 29 и 30 мая, июнь 1807 года... [12, с. 362–374]. Однако жанровая природа этого текста не сводится к чистому дневнику. Не все даты соответствуют исторической действительности. Например, битва при Гутштадте, датированная 22 мая 1807 года, на самом деле произошла двумя днями позже, что говорит о том, что эти записи были сделаны значительно позже, а писательница, не имея возможности уточнить даты, обозначила их приблизительно. В тексте отсутствуют характерные для автобиографической прозы слова «бывало», «случалось», «памятую», которые Н.А. Николина называет сигналами мемуарной ориентации [4, с. 14]; вместо этого Дурова многократно употребляет слово «сегодня». В отличие от М. Гладковой и А. Ишимовой, путешествие которых было мирным и семейным, Н. Дурова ехала не по выбранному маршруту, а передвигалась вместе с армией, подчиняясь приказу «выступить в двадцать четыре часа» [12, с. 446]. Описание мест во время этих походов зависит от настроения и самочувствия кавалерист-девицы: трудно заметить что-либо, если двое суток не спать и не сходить с лошади [12, с. 469].

Первый город, о котором упоминается в записках, — Киев. Несмотря на то, что в 1810 году Н. Дурова провела в Киеве два месяца в качестве ординарца при главнокомандующем, о самом городе написано мало. Киев в мирное время для неё — это, прежде всего, люди: А. Ермолов, М. Милорадович, офицеры и гусары. «Мне очень весело в Киеве; я имею здесь много приятных знакомств», — пишет Дурова [12, с. 428]. Балы,

танцы, анекдоты, манёвры — основные занятия гусар. Описание ещё одного города — Кременца — показывает её впечатление: «Я всегда с удовольствием бываю в этом городке, — писала Н. Дурова в 1808 году, — его прекрасное романтическое положение у подошвы утёсистой горы, на которой красуется развалившаяся каменная ограда замка королевы Боны, доставляет мне очаровательную и разнообразную прогулку» [12, с. 419]. Н. Дурова не только восхищается красотой города, но и размышляет над названием: «Полагаю, что Кременец получил своё название от кремнистых гор, его окружающих» [12, с. 419].

Понимая значимость Бородинской битвы для всего хода военных действий, Н. Дурова ограничивается несколькими предложениями из дневниковых записей, из которых ясно только, что было очень холодно, несмотря на летний период времени. В ночь на 24 августа (5 сентября) кавалерист-девица не могла ни согреться, ни уснуть, «сколько ни куталась в шинель» [12, с. 482]. Временный шалаш, сквозь который ветер свистал «как сквозь разбитое окно», не спасал от холода [12, с. 482]. 26 августа (7 сентября) Н. Дурова была очень недовольна тем, что их эскадрон несколько раз ходил в атаку, потому что из-за отсутствия перчаток у неё сильно мёрзли руки, и пальцы едва сгибались. Этот пример подтверждает наблюдение Н. Пушкарёвой о том, что мемуары Н. Дуровой «структурно хотя и очень напоминают “мужские” тексты, в плане эмоциональности являются от начала до конца женскими» [5, с. 65].

В Москву Н. Дурова попала после Бородинского сражения «чтоб заказать сшить тёплую куртку» [12, с. 485]. После сильной контузии она практически ничего не рассказывает о самом городе, но передаёт атмосферу и настроения русских солдат и офицеров после сдачи Москвы: «Взятие Москвы привело нас в какое-то недоумение; солдаты как будто испуганы; иногда вырываются у них слова: лучше уж бы всем лечь мёртвыми, чем отдать Москву!» [12, с. 487]. О пожаре Москвы Н. Дурова оставляет запись, отражающую её непосредственное видение событий: «Через несколько времени древняя столица наша запылала во многих местах! Французы вовсе нерасчётливы. Зачем они жгут наш прекрасный город? свои великолепные квартиры, так дорого ими нанятые? Странные люди!..» [12, с. 487]. К 1836 году, когда записки готовились к печати, Надежда Дурова не могла не знать о версиях поджога Москвы: в 1823 году генерал-губернатор Ф. В. Ростопчин выпустил книгу «Правда о пожаре Москвы», в которой отрицал свою причастность, но не опровергал того, что местные жители сами поджигали свои дома. Тем не менее Н. Дурова сохранила в тексте своё первоначальное впечатление очевидца, а не ретроспективную оценку, что характерно для дневника.

В «Записках» Н. Дуровой представлена сложная система адресации. В полном тексте она обращается к отцу, к молодым сверстницам, а также предполагает читателей из числа членов семьи и широкой публики [12, с. 384, 509, 515, 572]. Она создаёт «виртуальных свидетелей» — читателей, перед которыми кается, например, после убийства гуся: «Хотя это кровь птицы, но поверьте, вы, которые будете когда-нибудь читать мои Записки, что воспоминание о ней тяготит мою совесть» [12, с. 480–481]. Особенность адресации заключается в том, что читатель и автогероиня объединены общим «секретом»: они знают, что гусар Александров — женщина. Это создаёт особую интимность повествования и доверительность между автором и читателем.

По Н. Дуровой, патриотическое воспитание — это воспитание личным примером. Она не поучает юного читателя, но сам факт её жизни (женщина, скрывшая свой пол, ушедшая на войну, получившая Георгиевский крест) работает сильнее любых наставлений. При этом сама Н. Дурова в момент описываемых событий уже была матерью, однако скрывает этот факт и выступает под мужским именем Александров. Это героическая модель, где образ России формируется через военный подвиг и личную жертву.

Традиции детского путевого дневника получили профессиональное развитие в творчестве Александры Ишимовой. Её «Каникулы 1844 года» в современном литературоведении определяются как документальный травелог — метатекст, в котором путешествие разделяется на несколько параллельных линий [2, с. 1026]. В отличие

от М. Гладковой (имитация дневника) и Н. Дуровой (воспоминания на основе дневниковых записей), А. Ишимова создаёт художественное произведение с документальной основой. Образ рассказчицы — взрослой женщины, педагога — и эпистолярная форма являются художественным приёмом, тогда как фактологический материал достоверен. Статус А. Ишимовой в истории детской литературы определяется как новаторский. К моменту публикации «Каникул 1844 года» она уже была широко известна как автор «Истории России в рассказах для детей» (1837–1840). А.С. Пушкин в своей последней записке перед дуэлью писал ей: «Сегодня я нечаянно открыл Вашу Историю в рассказах и поневоле зачитался. Вот как надобно писать!» [14, с. 486]. Книга «Каникулы 1844 года» построена как письма, адресованные сестре, с которой повествовательница расстанется на месяц. Записи свои она называет «журналом» и различает «журнал для себя писанный», который считает бессмысленным, и «журнал писанный для кого-нибудь», который приносит радость и пользу адресату [13, с. 2–3]. Адресат — не только сестра, но и её дети: «тебе остается только читать длинные послания мои, и, если хочешь, передавать их иногда детям твоим: ведь они так просили меня при отъезде описывать как можно подробнее всё, что я увижу в Москве. <...> а нашей старшей, нашей умненькой Анюте, так как уж ей 16 лет, — ей ты можешь читать всё, что я буду описывать» [13, с. 4]. Возраст рассказчицы нигде прямо не указан, но она последовательно противопоставляет себя юным спутникам: Лизу она называет «тоненькая наша Лиза» [13, с. 6], а вместе с Валерьяном они именуются «молоденькими нашими путешественниками» [13, с. 7]. Позднее выясняется, что Лизе около 15 лет: «несмотря на 15-ти летний возраст их — можно было принять за совершенных детей» [13, с. 153]. Повествовательница всегда объединяет себя со взрослой Ольгой Дмитриевной: «Мы с Ольгой Дмитриевной старались также не отставать от них» [13, с. 7].

Маршрут путешествия А. Ишимовой (Петербург — Новгород — Крестцы — Валдай — Вышний Волочёк — Торжок — Тверь — Клин — Москва и окрестности) следует традиционной дороге между двумя столицами. Путевая часть не имеет дат, главы озаглавлены по названиям городов. Даты появляются только после прибытия в Москву и фиксируют отдельные дни пребывания там: с 25 июля по 16 августа. Среди описанных достопримечательностей — Чесменский дворец с историей основания Екатериной II, новгородский Кремль и Софийский собор, Валдайский Иверский монастырь, гостиница Пожарского в Торжке с знаменитыми котлетами, московские святыни — Успенский, Архангельский и Благовещенский соборы, Донской и Симонов монастыри, Троице-Сергиева лавра. А. Ишимова фиксирует и бытовые обычаи: торжокские торговки вишнями обманывают путешественников, положив в корзину сахарную бумагу [13, с. 62]; в московских церквях воры вытаскивают кошельки прямо из рук прихожан [13, с. 261]; в Твери танцуют «бланжу» — танец, вывезенный из Ревеля [13, с. 76].

Сопоставление книг М. Гладковой (1810) и А. Ишимовой (1846) обнаруживает совпадения в описании одних и тех же объектов, несмотря на временной разрыв в 36 лет. Обе писательницы уделяют особое внимание Твери, связывая её облик с деятельностью Екатерины II. М. Гладкова пишет о пожаре 1763 года и помощи императрицы, «пожаловавшей обывателям в помощь 300 тысяч рублей денег» [10, с. 24–25]. А. Ишимова воспроизводит ту же историческую справку: «Тверь украшена, или лучше сказать вновь создана ВЕЛИКОЮ ЕКАТЕРИНОЮ» [13, с. 67–68]. В обеих книгах присутствует описание Спасо-Преображенского собора в Твери и поклонение мощам князя Михаила Тверского [10, с. 30–31; 13, с. 71]. Особенно показательны описания Валдая. Гладкова сообщает, что город «при Царе Алексее Михайловиче населен пленными поляками, и был дворцовым селом» [10, с. 70] и подробно описывает Иверский монастырь [10, с. 78]. А. Ишимова практически повторяет эти сведения [13, с. 51–52]. Одним из самых ярких совпадений становится описание валдайских баранок и назойливых торговок: у М. Гладковой девушки «целыми толпами встречают всех проезжающих» и «не отставая бежали близ нашей кареты» [10, с. 80–81]; у А. Ишимовой — «с обеих сторон кареты нашей протянулись руки с бесчисленными связками баранок» [13, с. 50]. Совпадают и описания новгородских

древностей, в том числе «образа Спасителя с сжатою рукою» [10, с. 108; 13, с. 26], а также креста с частью Древа Господня [10, с. 112; 13, с. 29–30]. Как отмечает Е. П. Привалова (в изложении А. Димьяненко), в описании городов М. Гладкова «над личными впечатлениями иногда явно доминировали сведения, почерпнутые из так называемых “дорожников”» [1, с. 250]. Это объясняет совпадения между текстами двух писательниц, разделёнными годами, и скорее свидетельствует о существовании устойчивого канона и общей источниковой базы.

Серьёзное место в дневнике А. Ишимовой занимают размышления о русском национальном характере. В записях из Твери рассказчица сожалеет, что её новые знакомые, «истинно-русские душою», по привычке говорят по-французски [13, с. 151]. Рассуждения А. Ишимовой о необходимости ценить отечественные товары и не пренебрегать родным языком завершаются словами: «Долго ли будет существовать такое ослепление, заставляющее нас быть так несправедливыми к нашим собственным произведениям?» [13, с. 263]. Как точно замечает Б. Хеллман, «дневник заканчивается обещанием себе самой в будущем говорить по-русски (а не по-французски) как можно чаще и призывать других к тому же» [8, с. 36]. Это профессионально-педагогическая модель, где образ России формируется через систематическое изучение истории, географии и этики, а патриотизм обретает форму осознанного выбора в пользу родного языка и отечественной культуры.

Как уже отмечалось, все три автора по-разному проявляют языковой патриотизм. М. Гладкова ограничивается краткой эмоциональной репликой, дополненной косвенным размышлением о моде как символе подражания иностранному [10, с. 92–94]. Н. Дурова не произносит длинных речей на эту тему — она просто пишет по-русски, служит России под мужским именем и доказывает любовь к Отечеству действием. А. Ишимова выстраивает развёрнутую педагогическую программу, призывая читателей предпочитать отечественные товары иностранным и не пренебрегать родным языком [13, с. 263]. Так, три писательницы осмысливают языковой и культурный патриотизм на разных уровнях: от бытового чувства у М. Гладковой через практическое действие у Н. Дуровой к осознанной педагогической позиции у А. Ишимовой.

Сравнивая адресатов трёх текстов, можно заметить, что М. Гладкова обращается к младшим сёстрам, которые находятся рядом с ней, и её текст — это семейная педагогика. Н. Дурова создаёт сложную систему адресации: отец, молодые сверстницы, «виртуальные свидетели», семья, широкая публика — при этом читатель посвящён в тайну пола автогероини. А. Ишимова, как профессиональный педагог, создаёт обобщённый образ адресата — детей своей сестры, а через них — всех юных читательниц журнала «Звёздочка». От семейного адресата М. Гладковой через многоуровневую и интимную адресацию Н. Дуровой прослеживается переход к обобщённо-педагогическому адресату А. Ишимовой.

Заключение. Проведённый анализ показывает, что книга М. Гладковой (1810, художественная имитация дневника), вторая глава «Записок» Н. Дуровой (1836, воспоминания на основе подлинных дневниковых записей) и «Каникулы 1844 года» А. Ишимовой (1846, художественный путевой дневник в эпистолярной форме) не просто три независимых памятника женской автобиографической прозы, но три взаимодополняющие модели формирования образа России и патриотического воспитания через литературу путешествий для детей. М. Гладкова учит любить Россию через её святыни и семейные традиции. Н. Дурова учит защищать Россию через личный подвиг и преодоление страха. А. Ишимова учит понимать Россию через её историю, географию и культуру, осознанно предпочитая своё чужому. Вместе они дают юному читателю три взаимодополняющих вектора патриотического воспитания: духовный, героический и просветительский.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Димьяненко, А. «Первый труд неопытной писательницы»: Е. П. Привалова о книге М. Гладковой / А. Димьяненко // Детские чтения. — 2021. — № 2. — С. 238–255.
2. Константинова, Н. В. Документальный травелог А. О. Ишимовой «Каникулы 1844 года»: стратегии повествования / Н. В. Константинова // Litera. — 2022. — № 10. — С. 1024–1031.

3. Материалы по истории русской детской литературы (1750–1855) / Под ред. А. К. Покровской и Н. В. Чехова. — М.: [ИМВР], 1927. — Вып. 1. — 304 с.
4. Николина, Н. А. Поэтика русской автобиографической прозы / Н. А. Николина. — М.: Флинта, 2002. — 424 с.
5. Пушкарёва, Н. Л. У истоков женской автобиографической прозы в России / Н. Л. Пушкарёва // Филологические науки. — 2000. — № 3. — С. 62–69.
6. Рогачевский, А. Б. «Кавалерист-девица» Н. А. Дуровой и «Капитанская дочка» А. С. Пушкина: «право рассказчика» / А. Б. Рогачевский // Филологические науки. — 1993. — № 4. — С. 23–31.
7. Тартаковский, А. Г. 1812 год и русская мемуаристика: опыт источниковедческого изучения / А. Г. Тартаковский. — М.: Наука, 1980. — 312 с.
8. Хеллман, Б. Сказка и быль: история русской детской литературы / Б. Хеллман. — М.: Новое литературное обозрение, 2016. — 560 с.
9. Шкловский, В. Б. О теории прозы / В. Б. Шкловский. — М.: Советский писатель, 1983. — 384 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

10. Гладкова, М. 15-тидневное путешествие, 15-тилетнему писанное, в угождение родителю и посвящаемое 15-тилетнему другу. 1810-го года августа месяца / М. Гладкова. — СПб.: В типографии Губернского правления, 1810. — 126 с.
11. Дурова, Н. Записки Кавалерист-девицы / Н. Дурова. — Казань: Татарское книжное издательство, 1966. — 200 с.
12. Дурова, Н. А. Записки кавалерист-девицы / Н. А. Дурова // Давыдов Д. В. Стихотворения. Проза. Дурова Н.А. Записки кавалерист-девицы. — М.: Правда, 1987. — С. 321–572.
13. Ишимова, А. О. Каникулы 1844 года, или Поездка в Москву / А. О. Ишимова. — СПб., 1846. — 270 с.
14. Пушкин, А. С. Письмо Ишимовой А. О., 27 января 1837 г. В Петербурге // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977–1979. — Т. 10. Письма. — 1979. — С. 486.

REFERENCES

1. Dimyanenko, A. (2021). «Pervyj trud neopytnoj pisatel'nicy»: E.P. Privalova o knige M. Gladkovej [“The first work of an inexperienced writer”: E.P. Privalova on M. Gladkova’s book]. *Detskie chteniya* [Children’s Readings], 2, 238–255. (In Russian)
2. Hellman, B. (2016). *Skazka i byl’: istoriya russkoj detskoj literatury* [Fairy tale and reality: a history of Russian children’s literature]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)
3. Konstantinova, N. V. (2022). *Dokumental’nyj travelog A. O. Ishimovoj «Kanikuly 1844 goda, ili Poezdka v Moskvu»: strategii povestvovaniya* [Documentary travelogue by A. O. Ishimova “Holidays of 1844, or a Trip to Moscow”: narrative strategies]. *Litera*, 10, 1024–1031. (In Russian)
4. *Materialy po istorii russkoj detskoj literatury (1750–1855)* [Materials on the history of Russian children’s literature (1750–1855)]. (1927). In A. K. Pokrovskaya & N. V. Chekhov (Eds.). Vol. 1. Moscow: IMWR. (In Russian)
5. Nikolina, N. A. (2002). *Poetika russkoj avtobiograficheskoy prozy* [The poetics of Russian autobiographical prose]. Moscow: Flinta. (In Russian)
6. Pushkareva, N. L. (2000). *U istokov zhenskoy avtobiograficheskoy prozy v Rossii* [At the origins of women’s autobiographical prose in Russia]. *Filologicheskie nauki* [Philological sciences], 3, 62–69. (In Russian)
7. Rogachevskij, A. B. (1993). «Kavalerist-devica» N. A. Durovoj i «Kapitanskaya dochka» A.S. Pushkina: «pravo rasskazchika» [N. A. Durova’s “Cavalry Maiden” and A. S. Pushkin’s “The Captain’s Daughter”: the “narrator’s right”]. *Filologicheskie nauki* [Philological sciences], 4, 23–31. (In Russian)
8. Tartakovskij, A. G. (1980). *1812 god i russkaya memuaristika: opyt istochnikovedcheskogo izucheniya* [1812 and Russian memoiristics: an experience of source studies]. Moscow: Nauka. (In Russian)
9. Shklovsky, V. B. (1983). *O teorii prozy* [On the theory of prose]. Moscow: Sovetskij pisatel’. (In Russian)

Поступила в редакцию 15.06.2026 г.

V. A. Filatova

THREE WOMEN’S TRAVEL DIARIES OF THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY IN THE CONTEXT OF SHAPING THE IMAGE OF RUSSIA FOR CHILDREN’S READING

The article examines the distinctive features of three women’s travel diaries from the first half of the 19th century — M. Gladkova’s “15-tidnevnoe puteshestvie...” (A Fifteen-Day Journey..., 1810), the second chapter of N. Durova’s “The Cavalry Maiden” (1836), and A.O. Ishimova’s “Kanikuly 1844 goda, ili Poezdka v Moskvu” (Holidays of 1844, or A Trip to Moscow, 1846). The key characteristic of these works is their capacity to shape the image of Russia through different narrative models: the sacral-family model (in M. Gladkova), the heroic model (in N. Durova), and the professional-pedagogical model (in A. Ishimova). In each text, the journey serves not only as a means of exploring geographical and historical realities, but also as an instrument for the patriotic education of the young reader. The article provides a detailed analysis of the features of addressivity, the techniques for creating the image of Russia, and the ways of expressing linguistic patriotism in the three works under consideration.

Keywords: *children's literature, travel diary, image of Russia, patriotic education, M. Gladkova, N. Durova, A. Ishimova.*

Филатова Виктория Алексеевна.

Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова,
г. Горловка, Российская Федерация.

Кандидат филологических наук, доцент

Доцент кафедры зарубежной филологии, теории и практики перевода.

ORCID 0009-0001-8940-8955.

E-mail: www.vafilatova@mail.ru.

Filatova Victoria Alekseyevna.

Donetsk State Pedagogical University named after V. Shatalov,

Gorlovka, Russian Federation.

Candidate of Philology, Associate Professor.

Associate Professor of the Department of Foreign Philology, Theory and Practice of Translation.

ORCID 0009-0001-8940-8955.

E-mail: www.vafilatova@mail.ru.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. Научный журнал «Новые горизонты русистики» входит в систему РИНЦ (лицензионный договор № 230-11/2025). Решением ВАК Российской Федерации от 30.03.2026 г. журнал включён в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

2. Для публикации в журнале «Новые горизонты русистики» принимаются оригинальные научные работы студентов (в соавторстве с научным руководителем), магистрантов (в соавторстве с научным руководителем), аспирантов, молодых учёных, опытных учёных, учителей, содержащие результаты исследований, относящиеся к отраслям наук:

5.8. Педагогика:

5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (Русский язык).

5.9. Филология:

5.9.1 Русская литература и литература народов Российской Федерации;

5.9.5 Русский язык. Языки народов России.

В журнале имеются следующие разделы:

- Лексикология и стилистика;
- Дискурсология и генристика;
- Словообразование и грамматика;
- Методика преподавания русского языка;
- Литература и лингвистический анализ художественного текста.

3. При наличии рекомендации научного руководителя и положительных отзывов рецензентов работы студентов и магистрантов могут быть опубликованы самостоятельно.

4. Статьи, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала после проверки на наличие плагиата, рецензирования, с учётом научной значимости и актуальности представленных материалов. Рукописи, не соответствующие редакционным требованиям, и статьи, не соответствующие тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редакция не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей, за исключением случаев явного недоразумения. Рукописи авторам не возвращаются. Статья, задержанная на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку рукописей. Корректур статей авторам не высылаются.

5. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, в т. ч. за полноту и достоверность изложенных фактов и положений.

6. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

7. Статья присылается в виде прикрепленного файла электронного письма в формате * doc и * rtf, названных по фамилии автора, например: ivanov.doc. и ivanov.rtf.

8. На адрес редколлегии (donrus452@yandex.ru) и параллельно на сайт журнала (<https://dongu-ngr.ru/index.php/ngr/about/submissions>) высылаются:

а. Электронный текст статьи (в формате WORD или RTF и параллельно в формате pdf) в рамках диапазона 7–15 страниц (от 20 000 до 40 000 знаков). Список литературы,

список источников, references, сведения об авторе и перевод аннотации в объем текста исследования не включаются. **Название файла электронного текста статьи:** «(Фамилия автора)_статья», например, «Гладкая_статья».

б. Текст для оглавления. В отдельном файле и на отдельном листе подаются фамилия и инициалы автора, а также название статьи на русском и английском языках. При этом фамилия и инициалы автора набираются полужирным шрифтом неразрывный пробел. Точка в конце текста не ставится (название файла «(Фамилия автора)_для_оглавления», например, «Гладкая_для_оглавления»).

Образец

Гладкая Н. В. Лингвокультурные особенности языка военных действий в Донбассе

Gladkaya N. V. Linguocultural features of the language of military operations in Donbass

Чистоклетова А. В., Теркулов В. И. Аббревиатурная парадигма как лингвистическая категория

Chistokletova A. V., Terkulov V. I. The abbreviation paradigm as a linguistic category

в. Отдельным файлом прикладывается сканированная или сфотографированная с высоким разрешением подписанная заявка на публикацию следующего содержания:

Я, Ф. И. О., должность (или статус — студент, магистрант, аспирант), степень, звание, место работы (для студентов, магистрантов и аспирантов — курс, специальность, место учёбы), прошу редколлегию научного журнала «Новые горизонты русистики» принять к рассмотрению мою статью (название), а также даю согласие уполномоченным должностным лицам редакционной коллегии журнала «Новые горизонты русистики», зарегистрированного по адресу: 283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24, 1 корпус, филологический факультет (ауд. 451, 452), на обработку моих персональных данных.

9. Внимание! Обязательные требования к оформлению статей:

- текст печатается в текстовом процессоре MS Word;
- объём статьи — от 7 до 15 страниц (от 20 000 до 40 000 печатных знаков);
- формат страницы — А 4;
- страницы не нумеруются;
- поля: сверху и внизу — 2,5 см, слева — 3 см, справа — 2 см;
- основной шрифт: Times New Roman, размер 12, стиль нормальный;
- аннотация, список литературы, таблицы, подписуемые подписи, информация об авторах — шрифт Times New Roman, размер 10 пт;
- абзацный отступ — 1 см;
- межстрочный интервал — 1;
- текст набирается без переносов (выравнивание по ширине);
- в тексте допускаются выделения курсивом, жирным шрифтом, разрядкой (но не подчёркиванием);
- для названий произведений используются «угловые» кавычки: «Война и мир»;
- цитирование, прямая речь и т. д. оформляются угловыми кавычками вида «...»; при необходимости использовать кавычки внутри цитаты, внешними должны быть «угловые» кавычки: «...,...“...»;
- необходимо правильно употреблять тире (—) и дефис (-); различие заключается в размере и наличии пробелов перед и после тире: Жуковский — поэт-романтик; первый знак — пунктуационный, второй — орфографический; малое тире (–) употребляется только в числовых диапазонах без пробелов: с. 13–18, XIX–XX вв.;
- если стихотворные тексты печатаются как включение в текст, то стихи разделяются наклонной чертой, а строфы — двумя наклонными чертами:

Ты этого хотел. — Так. — Аллилуйя. / Я руку, бьющую меня, целую. // В грудь, оттолкнувшую — к груди тяну, / Чтоб, удивясь, прослушал тишину. (М. Цветаева. Пригвождена...);

- если стихи воспроизводятся с соблюдением строфического оформления, то необходимо использовать следующие параметры: размер шрифта — 12, межстрочный интервал одинарный, абзацный отступ — 4 см:

*В нем пунша и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель.
Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,
И всюду он гусар.*

(А. Пушкин. К портрету Каверина)

10. **Внимание!** Обязательные требования к структуре статей

- 1 строка — (выравнивание по ширине) тип статьи, например: Научная статья, Обзорная статья, Краткое сообщение, Рецензия и т. д.
- 2 строка — (выравнивание по ширине) индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа и без выделения).
- 3 строка — DOI: (просто данная запись, сам индекс DOI присваивается редколлегией).
- 4 строка — (*выравниванием по центру полужирным курсивом*), знак ©, год, инициалы (перед фамилией) и фамилия автора (фамилии авторов): ***Н. В. Гладкая***;
- 5 строка — (*выравнивание по центру, курсив*) официальное **полное** название организации: *Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»*;
- 6 строка — (*выравнивание по центру, курсив*) ORCID: *ORCID 0000-0003-3903-4438*;
В случае, если у статьи несколько авторов, их фамилии набираются в одну строку, после каждой фамилии ставится порядковый номер в верхнем регистре и ниже приводятся данные для каждого автора:

Н. В. Гладкая¹, А. А. Алтухова²

¹⁻²*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный университет»*

¹*ORCID 0000-0003-3903-4438*

²*ORCID 0009-0002-5023-0368*

- 7 строка — название статьи — **ПЕЧАТАЕТСЯ БОЛЬШИМИ БУКВАМИ ЖИРНЫМ ШРИФТОМ С ВЫРАВНИВАНИЕМ ПО ШИРИНЕ** (16 кегль);
- 8 строка — вклеивается:

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

- через строчку — аннотация на русском языке (10 кегль) **объёмом не менее 100 и не более 150 слов (7–10 строк)**, которая должна кратко отражать **проблему, методы, материал и основные результаты исследования. Ключевые слова (5–7 слов и словосочетаний, курсивом)**;
- через строчку: Для цитирования (10 кегль, в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка»): **Для цитирования:** Гладкая Н. В. Лингвокультурные особенности языка военных действий в Донбассе // Н. В. Гладкая // Новые горизонты русистики. — 20XX. — № X. — С. XX-XX. — <https://doi.org>
- в случае, если необходимо указание на госзадание, грант
- через строчку — текст статьи (12 кегль), который включает введение, материалы и методы исследования, основную часть и заключение. Каждый из указанных разделов должен быть озаглавлен (не курсив, выделение полужирным).

Введение. Постановка проблемы в общем виде и связь с важнейшими научными и практическими задачами, краткий анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор, выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящена статья, формулировка цели и задач статьи.

Материалы и методы исследования. Описание используемых материалов с указанием их точных характеристик, в том числе количественных и статистических, обоснованием репрезентативности выборки; описание методов исследования с изложением их значимых инструментов и процедур.

Основная часть. Основные материалы исследования с полным обоснованием полученных научных результатов; как правило, содержит такие структурные элементы: постановка задачи, представление пути решения, анализ результатов.

Заключение. Констатация решения поставленных во введении задач, перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

- Ссылка на источник дается в тексте в квадратных скобках и оформляется по модели [номер в списке литературы, запятая, с., страница]: [4, с. 23].

Ссылки допускаются только на опубликованные работы.

Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трех–четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации. Корректными считаются не более двух ссылок на работы автора статьи.

Минимальное количество источников в списке литературы, на которые в обязательном порядке должны быть ссылки в тексте статьи, — **10**.

• **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И СПИСОК ИСТОЧНИКОВ** (10 кегль без абзацного отступа). Списком литературы считается список научных работ, на которые ссылается автор, а Списком источников — список источников иллюстративного материала (словари, источники примеров: художественные произведения, тексты СМИ, тексты из национального корпуса русского языка и т. д.). Список источников приводится только в том случае, если в тексте есть примеры из словарей, национального корпуса русского языка, произведений художественной литературы и т. п.

Список литературы и список источников приводятся общим списком (со сквозной нумерацией) после Заключения в алфавитном порядке на языке оригинала (сначала — работы на русском языке, затем — на иностранных) в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть DOI, его необходимо указывать в самом конце библиографической ссылки.

Словосочетания **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ** и **СПИСОК ИСТОЧНИКОВ** (Полужирный) выравнивается по левому краю без абзаца:

Образцы оформления литературы:

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева, С. В. Речевые единицы устной русской речи: система, зоны употребления, функции / С. В. Андреева // Изд. 2. — Саратов: КомКнига, 2006. — 192 с.
2. Влавацкая, М. В. Учение о синтагматических связях слов в историческом рассмотрении / М. В. Влавацкая // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2009, № 1. — С. 36–42.
3. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — М.: Восток — Запад, 2007. — 314 с.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

4. Ипатова, О. Золотая жрица Ашвинов / О. Ипатова // Ольгердово копы: романы. — Минск: Беллитфонд, 2002. — С. 3–299.
5. Словарь русских народных говоров. Вып. 8. Дер–Ерепениться / Гл. ред. Ф. П. Филин. — Л.: Наука, Ленинградское отд., 1972. — 370 с.

• После Списка источников или Списка литературы (в случае, если список источников отсутствует) дается список **References**, в котором используется формат APA с обязательной транслитерацией и переводом кириллических названий (за исключением названий периодических изданий). Слово **REFERENCES** (Полужирный) выравнивается по левому краю без абзаца. Если статья подается на английском языке, то список литературы сразу же выполняется в формате APA. Дублировать следует только рубрику **Список литературы**. Для публикаций, имеющих DOI, необходимо указывать соответствующую ссылку.

Названия изданий на языке, использующем не латинский алфавит (например, кириллицу), должны быть транслитерированы и переведены на английский язык, при этом в качестве основного названия используется транслитерация оригинального названия, а английский перевод дается в квадратных скобках сразу после неё.

Правила оформления

Язык: все записи — на латинице (транслитерация или перевод).

Пунктуация: запятые и точки (знаки типа // из ГОСТ не используются).

Курсив: названия книг и журналов выделяются курсивом.

Правила транслитерации и перевода

Фамилии авторов: транслитерируются (например, Иванов → Ivanov). Инициалы пишутся слитно, без пробелов (A.S.).

Названия статей: переводятся на английский язык (в скобках можно указать [in Russian]).

Названия журналов:

если есть официальное англоязычное название, используется оно («Вопросы психологии» → Voprosy Psichologii);

если нет — транслитерируется («Психологический журнал» → Psikhologicheskii zhurnal).

Место издания: Moscow, Saint Petersburg.

Издательство: транслитерируется или переводится (Nauka; Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta).

Примеры оформления источников

1. Книга одного автора

Оригинал на русском:

1. Андреева, С. В. Речевые единицы устной русской речи: система, зоны употребления, функции / С. В. Андреева // Изд. 2. — Саратов: КомКнига, 2006. — 192 с.

В REFERENCES:

1. Andreeva, S.V. (2006). *Rechevye edinitsey ustnoi russkoi rechi: sistema, zony upotrebleniya, funktsii* [Speech units of oral Russian speech: System, areas of use, functions] (2nd ed.). Saratov: KomKniga. (In Russian).

2. Книга нескольких авторов

Оригинал на русском:

2. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — М.: Восток — Запад, 2007. — 314 с.

В REFERENCES:

2. Popova, Z.D., & Sternin, I.A. (2007). *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow: Vostok — Zapad. (In Russian).

3. Статья в журнале

Оригинал на русском:

3. Баранова, Л. А. Особенности деабревиации исконных и заимствованных аббревиатур в современном русском языке / Л. А. Баранова // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». — 2011. — Т. 24 (63), № 1, Ч. 1. — С. 317–323.

В REFERENCES:

3. Baranova, L.A. (2011). *Osobennosti dezabbreviatsii iskonnykh i zaimstvovannykh abbreviatur v sovremennom russkom yazyke* [Features of disabbreviation of native and borrowed abbreviations in modern Russian]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Seriya "Filologiya. Sotsial'nye kommunikatsii"*, 24(63), No. 1, Part 1, 317–323. (In Russian).

4. Глава в коллективной монографии, статья в сборнике статей, материалов конференций

Оригинал на русском:

4. Теркулов, В. И. Парадигматические объединения сложносокращенных апеллятивов / В.И. Теркулов // Системные, когнитивно-дискурсивные и синхронно-диахронические аспекты деривационных процессов в русском языке : монография / Е. В. Петрухина [и др.]; отв. ред. Е. В. Петрухина, В. И. Теркулов, О. Ю. Крючкова. — Москва : Издательство Московского университета, 2024. — С. 91–97. — https://www.philol.msu.ru/~modern/pict/sys_res_fi.pdf.

5. Хуснутдинов, А. А. Лексикографический портрет слова и выражения в научном и методическом аспектах / А. А. Хуснутдинов // Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: материалы VII Международной научной конференции, посвященной 85-летию Донецкого национального университета. — Донецк: Донецкий национальный университет, 2022. — С. 93–96.

B REFERENCES:

4. Terkulov, V.I. (2024). Paradigmatichekie ob"edineniya slozhnosokrashchennykh apellyativov [Paradigmatic groupings of compound abbreviated appellatives]. In E.V. Petrukhina et al. (Eds.), *Sistemnye, kognitivno-diskursivnye i sinkhronno-diakhronicheskie aspekty derivatsionnykh protsessov v russkom yazyke* [Systemic, cognitive-discursive and synchronic-diachronic aspects of derivational processes in the Russian language] (pp. 91–97). Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. Retrieved from (In Russian).
5. Khusnutdinov, A.A. (2022). Leksikograficheskii portret slova i vyrazheniya v nauchnom i metodicheskom aspektakh [Lexicographic portrait of a word and expression in scientific and methodological aspects]. In *Donetskie chteniya 2022: obrazovanie, nauka, innovatsii, kul'tura i vyzovy sovremennosti: materialy VII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 85-letiyu Donetskogo natsional'nogo universiteta* [Donetsk readings 2022: Education, science, innovation, culture and challenges of modernity: Proceedings of the VII International Scientific Conference dedicated to the 85th anniversary of Donetsk National University] (pp. 93–96). Donetsk: Donetskie natsional'nyi universitet. (In Russian).

5. Диссертация и автореферат диссертации

Оригинал на русском:

6. Гукетлова Ф. Н. Зооморфный код культуры в языковой картине мира (на материале разноструктурных языков: французского, кабардино-черкесского и русского языков): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.02; 10.02.20. — М., 2009. — 47 с.
7. Теркулов В. И. Этимологические дублиеты латино-романского происхождения в русском языке : дисс. ... кандидата филол. наук : 10.02.19 / Теркулов Вячеслав Исаевич. — Донецк, 1994. — 202 с.

B REFERENCES:

6. Guketlova, F.N. (2009). *Zoomorfnyi kod kul'tury v yazykovo kartine mira (na materiale raznostrukturnykh yazykov: frantsuzskogo, kabardino-cherkessskogo i russkogo yazykov)* [Zoomorphic code of culture in the linguistic worldview (based on materials of typologically different languages: French, Kabardino-Circassian and Russian)] (Doctoral dissertation). Moscow. (In Russian).
7. Terkulov, V.I. (1994). *Etimologicheskie dublety latinoromanskogo proiskhozhdeniya v russkom yazyke* [Etymological doublets of Latin-Romance origin in the Russian language] (Doctoral dissertation, Donetsk). (In Russian).

Пример

REFERENCES

1. Andreeva, S.V. (2006). *Rechevye edinitsey ustnoi russkoi rechi: sistema, zony upotrebleniya, funktsii* [Speech units of oral Russian speech: System, areas of use, functions] (2nd ed.). Saratov: KomKniga Vlavatskaya, M. V. (2009). *Uchenie o sintagmaticheskikh svyazyakh slov v istoricheskom rassmotrenii* [The doctrine of syntagmatic word connections in historical review]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 1, 36–42. (In Russian).
2. Popova, Z.D., & Sternin, I.A. (2007). *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow: Vostok — Zapad (In Russian).

После списка литературы курсивом (10 кегль, выравнивание по правой стороне) делается запись:

Поступила в редакцию xx.xx.20xx г.

Далее приводятся:

- инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив — выравнивание по правому краю) **на английском языке;**
- название статьи (полужирный шрифт — выравнивание по центру) **на английском языке;**
- текст аннотации **на английском языке** (10 кегль);
- ключевые слова **на английском языке** (курсив).

В конце статьи обязательно параллельно в таблице на русском и английском языках указываются (10 кегль, выравнивание по ширине, без абзацного отступа) следующие сведения об авторах и научных руководителях (для каждого автора — отдельная строка):

- Фамилия, имя, отчество полностью (полужирный).
- Полное название организации — места работы или учёбы каждого автора, город, страна (без выделения).
- Учёная степень и звание (если есть) (без выделения).
- Должность или статус (студент, магистрант, аспирант, специальность, курс обучения) (без выделения).
- ORCID.
- Адрес электронной почты.

В конце каждой строки ставится точка.

Ответственный редактор: Теркулов Вячеслав Исаевич, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого государственного университета (e-mail: terkulov@rambler.ru).

Ответственный секретарь: Гладкая Наталия Витальевна, канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Донецкого государственного университета (e-mail: Nata.gladkaya25@yandex.ru).

Образец оформления статьи

Научная статья

УДК 81'373.611

DOI:

А. В. Чистоклетова, В. И. Теркулов © 2025

¹⁻²Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Донецкий государственный университет»

¹ORCID 0009-0002-2259-7218

²ORCID 0000-0002-0418-4260

АББРЕВИАТУРНАЯ ПАРАДИГМА КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Эта статья доступна по лицензии Attribution 4.0 International
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/legalcode.ru>

Работа посвящена характеристике используемого в теории Донецкой дериватологической школы понятия «аббревиатурная парадигма», трактуемого как совокупность аббревиатурных групп с аббревиатурными конструктами, входящими в одно аббревиатурно-ономасиологическое поле. Дано определение аббревиатурной парадигмы, определена роль синонимических отношений между сложносокращенными словами в ее формировании. Сформулированы ключевые характеристики аббревиатурной парадигмы как объединения сложносокращенных слов. В качестве главного свойства аббревиатурной парадигмы как лингвистической категории нами выделяется возможность употребления в одном тексте слов одной аббревиатурной парадигмы для обозначения одного и того же референта. В качестве примера для анализа выбрана аббревиатурная парадигма «авто-мото-VELO», «агро-сельхоз», «зам-пом» и «зоо-вет». Исходя из результатов их анализа определены и описаны входящие в них лексико-семантические группы и ономасиологические классы.

Ключевые слова: аббревиатурная группа, аббревиатурная парадигма, аббревиатурно-ономасиологическое поле, лексико-семантическая группа, ономасиологический класс, сложносокращенное слово, синонимия.

Для цитирования: Чистоклетова А. В. Аббревиатурная парадигма как лингвистическая категория / А. В. Чистоклетова, В. И. Теркулов // Новые горизонты русистики. — 20XX. — № X. — С. XX–XX. — <https://doi.org>

Исследование проводилось по теме государственного задания «Прескриптивные словари сокращений и аббревиатур» (№ госрегистрации РК 125052006173-0).

Введение. Целью работы является описание аббревиатурной парадигмы, под которой мы понимаем «совокупность аббревиатурных групп с аббревиатурными конструктами, входящими в одно аббревиатурно-ономасиологическое поле» [4, с. 91], как языковой категории. **Объектом исследования** являются аббревиатурные парадигмы «агро-сельхоз» (аграрный — сельскохозяйственный), «зоо-вет» (зоологический — ветеринарный), «авто-мото-VELO» (автомобильный — мотоциклетный — велосипедный), и «зам-пом»

(заместитель — помощник), и входящие в них аббревиатурные группы и сложносокращенные слова, а **предметом** — отношения синонимии между всеми их компонентами.

Текст...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блюмина, О.В. Субстантивные композиты со значением процессуальности в русском языке: дисс. ...канд. филол. наук :10.02.02 / Блюмина Ольга Валентиновна. — Горловка, 2010. — 148 с.
2. Теркулов, В.И. Сложносокращённые слова: синхронный и диахронный аспекты описания / В.И. Теркулов // Вестник Московского университета. — Серия 9: Филология. — 2017. — № 6. — С. 73–97.
- ...
10. Теркулов, В.И. Парадигматика сложносокращенного слова как средство прогнозирования эквивалентностных отношений / В.И. Теркулов // Русистика. — 2023. — Т. 21. — № 1. — С. 79–96.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

11. Елисеев, И.А. Словарь аббревиатур и акронимов русского языка [более 30000 аббревиатур и сокращений] / И. А. Елисеев. — Москва: Инфра-М, 2015. — 716 с.

REFERENCES

1. Blyumina, O. V. (2010). *Substantivnye kompozity so znacheniem protsessual'nosti v russkom yazyke* [Substantive composites with the meaning of processuality in the Russian language] (Doctoral dissertation, Gorlovka). (In Russian).
2. Terkulov, V. I. (2017). Slozhnosokrashchennye slova: sinkhronnyi i diakhronnyi aspekty opisaniya [Complex abbreviations: Synchronous and diachronic aspects of description]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya* [Moscow University Bulletin. Series 9: Philology], 6, 73–97). (In Russian).
- ...
- 10 Terkulov, V. I. (2023). Paradigmatika slozhnosokrashchennogo slova kak sredstvo prognozirovaniya ekvivalentnostnykh otnoshenii [Paradigmatics of a complex abbreviation as a means of predicting equivalent relations]. *Rusistika* [Russian Studies], 21(1), 79–96). (In Russian)

Поступила в редакцию XX.XX.20XX г.

A. V. Chistokletova, V. I. Terkulov

ABBREVIATED PARADIGM AS A LINGUISTIC CATEGORY

The paper is devoted to the characterization of the concept of the "abbreviation paradigm" used in the theory of the Donetsk School of Derivatology, interpreted as a set of abbreviation groups with acronyms included in the same abbreviation-onomasiological field. The definition of the abbreviation paradigm is given, the role of synonymous relations between compound words in its formation is determined. The key characteristics of the abbreviation paradigm as a combination of compound words are formulated. As the main property of the abbreviation paradigm as a linguistic category, we single out the possibility of using words of the same abbreviation paradigm in one text to refer to the same referent. The abbreviated paradigms "auto-moto-velo", "agro-agricultural", "zam-pom" and "zoo-vet" were chosen as an example for analysis. Based on the results of their analysis, the lexico-semantic groups and onomasiological classes included in them are identified and described.

Keywords: *abbreviation group, abbreviation paradigm, abbreviation-onomasiological field, lexico-semantic group, onomasiological class, compound word, synonymy.*

Чистоклетова Анна Валериевна.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, Российская Федерация.

Студент.

ORCID 0009-0002-2259-7218.

E-mail: chistokletova.valentina@mail.ru.

Теркулов Вячеслав Исаевич.

Донецкий государственный университет,
г. Донецк, Российская Федерация.

Доктор филологических наук, профессор
Заведующий кафедрой русского языка.

2ORCID 0000-0002-0418-4260.

E-mail: terkulov@rambler.ru.

Chistokletova Anna Valerievna.

Donetsk State University, Donetsk, Russian
Federation.

Student.

ORCID 0009-0002-2259-7218.

E-mail: chistokletova.valentina@mail.ru.

Terkulov Vyacheslav Isaevich.

Donetsk State University,
Donetsk, Russian Federation.

Doctor of Philology, Professor
Head of the Russian Language Department.

2ORCID 0000-0002-0418-4260.

E-mail: terkulov@rambler.ru.

Научное издание

Новые горизонты русистики

Научный журнал

2026. — № 2

На русском и английском языках

Технические редакторы: А. С. Бурляй, канд. филол. наук Е. Н. Станкус.